

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4
(октябрь–декабрь)

2019

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº4

(OCTOBER–DECEMBER)

2019

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4(20) (октябрь–декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№4(20) (October–December)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2019

Содержание:

Петр ЯКОВЛЕВ. От Бразилии к России: направления стратегического партнерства стран-членов БРИКС	06
Кирилл БАРСКИЙ, Александр САЛИЦКИЙ, Нелли СЕМЕНОВА. Китайская баталия Д. Трампа: возможна ли победа?	21
Сергей ЗОТОВ. Как России после вывода войск из Латвии удалось сохранить на 6 лет станцию предупреждения о ракетном нападении в Скрунде. Воспоминания российского посла	33
Станислав МИТРАХОВИЧ. «Газовый треугольник» РФ–ЕС–Украина: в ожидании рисков	45
Альбина НОСКОВА. Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.)	56
Александр ПОЛУНОВ. Общественные организации Крыма в 2005–2010 гг.: борьба за национально-культурную идентичность русского населения	82
Светлана ПОГОРЕЛЬСКАЯ. Современный германский популизм: общее и особенное	92
Антон КРУТИКОВ. Кирилл Разумовский и проекты реформ на Левобережной Украине во второй половине XVIII в.	103
Антон КРУТИКОВ. Моральный код империи. Рецензия на книгу: Rees-Mogg J. The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. L., 2019. (Рис-Могг Дж. Викторянцы: Двенадцать титанов, которые основали Британию. Лондон, 2019)	118
Authors	124
Abstracts and Keywords	125

Contents:

Petr YAKOVLEV. From Brazil to Russia: Strategic Partnerships among BRICS Member Countries	06
Kyрил BARSKY, Alexander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA. D. Trump's Battle with China: is Victory possible?	21
Sergey ZOTOV. How Russia, after the withdrawal of its troops from Latvia, managed to keep the early warning radar station in Skrunda for 6 years. The Russian Ambassador's Memoirs	33
Stanislav MITRAHOVICH. Gas Triangle Russia — EU — Ukraine: Pending Risks	45
Albina NOSKOVA. The USSR's Geopolitical Interests, Problems of Sovietization of Eastern Europe and Soviet-Polish relations (the 1940s)	56
Alexander POLUNOV. Crimean non-governmental organizations in 2005–2010: struggle for the national cultural identity of Russian population	82
Svetlana POGORELSKAYA. Modern German Populism: the General and the Specific	92
Anton KRUTIKOV. Kirill Razumovsky and reform projects in Left-Bank Ukraine in the second half of the XVIII century	103
Anton KRUTIKOV. The moral code of the empire. Book Review: Rees-Mogg J. The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. L., 2019	118
Authors	124
Abstracts and Keywords	125

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-6-20

УДК 327; 339; 341

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

От Бразилии к России: направления стратегического партнерства стран-членов БРИКС

Аннотация. На XI саммите БРИКС в Бразилии президент России В.В. Путин назвал совместными приоритетами группы в глобальных делах соблюдение норм международного права, защиту центральной роли ООН и формирование более справедливого миропо-рядка. Пять стран БРИКС обеспокоены негативными процессами в мировой экономике и политике: замедлением темпов роста глобального ВВП и трансграничной торговли, безудержным ростом долговых обязательств, скачками цен на сырьевые товары, попытками США путем санкций и протекционистских мер получить односторонние преимущества и ущемить интересы других государств. Опираясь на свой возросший финансово-экономический и торговый потенциал, «пятерка» ищет возможности преодоления отмеченных негативных явлений, в том числе, на пути формирования альтернативных институтов мирового хозяйства. Объединение превращается в политическую реальность глобального масштаба.

Ключевые слова: БРИКС, саммит в Бразилии, глобальная экономика, мировая торговля, Новый банк развития, формирование институтов более справедливого миро-порядка, председательство России.

13–14 ноября 2019 г. в бразильской столице Бразилиа состоялся XI саммит государств-членов группы БРИКС. Встреча лидеров неформального межгосударственного объединения, в которое входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, проходила в центральном здании министерства иностранных дел — Дворце Итамарати, одном из шедевров всемирно известного архитектора Оскара Нимейера. Заметим, что Бразилия провела встречу глав государств и правительств БРИКС уже во второй раз — VI саммит в 2014 г. прошел в бразильском городе Форталеза,

В нынешней чрезвычайно сложной и напряженной международной обстановке, отмеченной вооруженными конфликтами, геополитическими разломами, «торговыми войнами», санкциями и контрсанкциями, кризисом демократических институтов и массовыми протестными выступлениями, к саммиту в бразильской столице было прико-

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

вано самое пристальное внимание. Для России председательство Бразилии в БРИКС, старт которому был дан 1 января 2019 г., стало особенно важным, поскольку оно явилось своеобразным мостом к июлю 2020 г., когда саммит «пятерки» (также повторно) пройдет в Санкт-Петербурге.

БРИКС в меняющемся мире

С того момента, когда сотрудник-исследователь влиятельной инвестиционной компании Goldman Sachs Джим О'Нил в ноябре 2001 г. ввел в оборот термин БРИК [Goldman Sachs...] применительно к четырем крупнейшим странам с формирующимися рынками (Бразилии, России, Индии и Китаю), прошло почти два десятилетия. За это сравнительно непродолжительное (по историческим меркам) время «четверка» превратилась в весьма авторитетное межгосударственное объединение, а с присоединением в феврале 2011 г. Южной Африки стала «пятеркой» и получила нынешнее наименование БРИКС.

В бурном потоке глобальных перемен страны «пятерки», несмотря на все потрясения и сложности, подтвердили свою растущую роль в процессе создания нового миропорядка. Это явилось следствием как национальных социально-экономических успехов, достигнутых за два десятилетия XXI в., так и все более плотного взаимодействия в рамках самой группы. В настоящий момент это взаимодействие охватывает более 30 приоритетных сфер межгосударственных отношений: энергетику, торговлю, финансы и банковское дело, науку и высокие технологии, образование и здравоохранение, способы противодействия трансграничной преступности и т. д. Совместная работа идет в интенсивном режиме: актуальные вопросы сотрудничества стран БРИКС ежегодно обсуждаются на десятках министерских совещаний и более чем сотне рабочих заседаний профильных экспертов. А с 2009 г. регулярно проводятся встречи на высшем уровне, фиксирующие продвижение вперед в расширении и консолидации внутригруппового сотрудничества, а также оценивающие с согласованных позиций «пятерки» развитие основных глобальных политических и торгово-экономических трендов [Kobelinsky].

Все годы существования БРИКС международные эксперты задаются сакраментальным вопросом: насколько естественным и оправданным является объединение его участников в сложившемся формате? В самом деле, между ними практически нет культурной или цивилизационной общности, у них очень разные политические системы (от жесткой коммунистической однопартийности КНР до вполне укоренившихся буржуазно-демократических режимов либерального толка в Бразилии и Индии), существуют глубокие различия в экономических моделях (например, государствоцентричный олигархический капитализм в России и так называемая функционирующая анархия в Индии). Не секрет, что между двумя представителями Азии уже многие десятилетия сохраняются острые разногласия, не раз ставившие Китай и Индию на грань военного столкновения. Да и отношения нашей страны с КНР, скажем прямо, далеко не всегда были безоблачными. Наконец, как отмечают отечественные ученые, государства-члены БРИКС «имеют различную географию внешнеполитических интересов» [Перспективы и стратегические... с. 20].

Названные факторы и обстоятельства трудно опровергнуть и невозможно игнорировать. Тогда что же объединяет участников БРИКС, что образует ценностную платформу членов этой группы и лежит в основе их стремления к сотрудничеству, в конечном счете — формирует новую международную реальность?

В агрегированном виде речь идет о критическом отношении «пятерки» к целому ряду системообразующих черт нынешнего миропорядка, включая попытки односторонних силовых действий и вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Одновременно члены БРИКС выступают за укрепление центральной роли ООН в мировых делах, демонстрируют приверженность концепции многополярного мира, а также делают акцент на признании примата международного права, уважении равноправия всех стран-участниц мирового сообщества.

Весомые общие интересы участников БРИКС лежат в глобальной финансовой и торгово-экономической сфере. Это и понятно, поскольку благосостояние «пятерки» в сильнейшей степени зависит от состояния дел в мировом хозяйстве и трансграничной торговле, от того, по каким правилам и в каком направлении будет развиваться многостороннее экономическое сотрудничество в глобальном масштабе. Объединение выражает заинтересованность в поддержании роста глобального ВВП и оздоровлении ситуации вокруг Всемирной торговой организации (ВТО) и в целом в международной торговле. Как подчеркнул на пресс-конференции по итогам саммита в Бразилии президент России В.В. Путин, БРИКС является определенным фактором стабильности «в мировой экономике, поскольку выступает за открытые рынки, против любого вида протекционизма» [Владимир Путин ответил...].

Чрезвычайную остроту эти вопросы приобрели в последние годы, прежде всего в связи с агрессивной неопротекционистской политикой администрации Д. Трампа, развязыванием так называемых торговых и санкционных войн, резкой критикой в адрес ВТО и, по сути, блокированием ее нормальной работы. В большей или меньшей степени рестриктивные действия Вашингтона затронули интересы всех без исключения стран БРИКС, что, по мнению комментаторов Radio France internationale, неизбежно привело к «формированию антитрамповского фронта» в сфере международной торговли [BRICS countries...].

Думается, что в основе разногласий и конфликтов между США (и шире — объединенным Западом) и БРИКС лежит изменение в соотношении сил в пользу «пятерки», что отчетливо проявилось прежде всего в резком увеличении удельного веса государств «пятерки» в совокупном мировом ВВП (табл. 1).

Как видно из многочисленных данных международной статистики (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Организация экономического развития и сотрудничества и др.), в 2000–2010 гг. при росте мирового ВВП в 1,7 раза аналогичный показатель БРИКС вырос в 3,5 раза, благодаря чему доля «пятерки» в глобальной экономике «подскочила» с 17,7 до 32,7%. В последующие годы под влиянием негативных последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и рецессии, сопровождавшейся

замедлением прироста ВВП даже в таких странах-драйверах международной экономики, как Китай и Индия, доля БРИКС стабилизировалась на достигнутом уровне. Но уже в ближайшее время прогнозируется ее новое увеличение — в частности, в результате ожидаемого ускорения роста в России и Бразилии на фоне снижения общемирового показателя [Global Economic...].

Таблица 1

Динамика ВВП (млрд долл. по паритету покупательной способности — ППС)

Страна	2000	2005	2010	2015	2018
Бразилия	1586	2048	2802	3234	3365
Индия	2086	3240	5311	8036	10505
Китай	3713	6622	12403	19756	25270
Россия	1636	2468	3229	3834	4213
ЮАР	347	469	601	730	789
БРИКС	7732	14847	24346	35590	44142
Мир в целом	43600	60630	74540	113700	136040
Доля БРИКС (%)	17,7	24,5	32,7	31,3	32,5

Источник: The World Bank. Database. – databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country=WLD

Не менее впечатляющее усиление позиций БРИКС наблюдается в глобальной торговле товарами (табл. 2). Если в 2001–2018 гг. мировой товарооборот вырос в 3,1 раза, то совокупный показатель стран «пятерки» увеличился в 7,4 раза, а их доля более чем удвоилась и превысила 17% общего объема международной торговли. Причем азиатские члены объединения совершили подлинный внешнеторговый спурт. Индия нарастила товарооборот в 8,8 раза, а Китай — в 9,1 раза и стал самым крупным мировым экспортером товаров (в 2018 г. — 2,1 трлн долл.), далеко обойдя ближайших конкурентов: США (1,7 трлн долл.) и Германию (1,5 трлн долл.) [ИТС...].

Таблица 2

Страны БРИКС в мировой товарной торговле (млрд долл.)

Страна	2001	2005	2010	2015	2018
Бразилия	113,9	211,4	383,7	362,6	421,1
Индия	94,6	241,3	570,4	655,1	830,7
Китай	509,7	1422,0	2973,8	3953,5	4629,2
Россия	141,8	340,2	626,0	526,7	687,6
ЮАР	51,6	102,0	165,7	165,8	187,8
БРИКС	911,6	2316,9	4719,6	5663,7	6756,4
Мировая торговля	12424,0	20950,0	30414,0	32924,0	38950,0
Доля БРИКС (%)	7,3	11,1	15,5	17,2	17,4

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2...

Исключительно важным индикатором растущего глобального влияния государств БРИКС служит динамика их участия в международном движении капитала. Речь идет о прямых иностранных инвестициях (ПИИ) в экономику «пятерки» и прямых зарубежных инвестициях (ПЗИ) самих членов объединения.

За период с начала текущего столетия роль участников БРИКС как импортеров и экспортеров международных прямых инвестиций кардинально изменилась (табл. 3). Если в 2000 г. на их долю приходилось всего 5,4% накопленного объема (*стока*) мировых ПИИ и 1,6% — ПЗИ, то уже в 2010 г. сток иностранных инвестиций вырос в 5,2 раза, превысил 2 трлн долл. и составил 10,5% общемирового показателя. К концу 2018 г. объем ПИИ в государствах БРИКС увеличился еще почти на 1,2 трлн долларов. Разительная перемена произошла на рынке зарубежных инвестиций. Накопленный объем прямых капиталовложений стран «пятерки» за рубежом в 2000–2018 гг. вырос в 24 (!) раза: с 121,4 млрд долл. до 2,9 трлн долл. Особенно существенно увеличились активы за рубежом китайских (в 70 раз) и индийских (в 96 раз) корпораций. Превращение государств-членов БРИКС в крупных экспортеров капитала глобального уровня создает для многих стран (в первую очередь — развивающихся) альтернативные западным инвестициям источники финансирования, формирует новую инвестиционную картину мира.

Таблица 3

Страны БРИКС: накопленные объемы ПИИ и ПЗИ (млн долл.)

Страна	ПИИ			ПЗИ		
	2000	2010	2018	2000	2010	2018
Бразилия	117611	640330	684213	45351	149333	229066
Индия	16339	205580	386354	1734	96901	166193
Китай	193348	587817	1627719	27768	317211	1938870
Россия	29738	464228	407362	19211	336355	344090
ЮАР	43451	179565	128809	27328	83249	237976
БРИКС	400487	2077520	3234457	121392	983049	2916195
Мировые инвестиции	7377272	19751909	32272043	7408782	20310855	30974931
Доля БРИКС (%)	5,4	10,5	10,0	1,6	4,8	9,4

Источник: UNCTAD. World Investment Report: Annex Tables. 12 Jun 2019. – unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx

Очевидно, что укрепление позиций БРИКС в мировой экономике, торговле и финансах может происходить только за счет сокращения удельного веса Запада, и в этом — причина настороженного (как минимум) отношения западных стран к согласованным усилиям членов «пятерки» на международной арене. В США и Европейском союзе распространяется опасение, что дальнейшее наращивание международной мощи БРИКС может привести к масштабному переустройству мирового хозяйства, в результате чего нынешние развивающиеся государства будут богатеть, а развитые (западные) — беднеть. Разумеется, такого рода перспектива совершенно не устраивает коллективный Запад.

Итоги бразильского саммита

Каждый очередной саммит БРИКС — удобный повод для его недоброжелателей интенсифицировать критику в адрес «пятерки», реанимировать и по возможности усилить самые пессимистические оценки и прогнозы, утверждать, что «нет смысла в ее существовании», вновь и вновь пытаться развести страны-члены объединения по «национальным квартирам». XI встреча лидеров в Бразилии не стала исключением из этого правила. В преддверии и даже в ходе работы саммита не было недостатка в комментариях, подчеркивающих несовпадения и различия в интересах отдельных государств «пятерки», а также переживаемые ими экономические сложности. Интриги добавил и склонный к политическому эпатажу нынешний президент Бразилии Жаир Болсонаро, еще в ходе избирательной кампании критически высказывавшийся в адрес ключевого партнера по БРИКС — Китая. В частности, все мировые СМИ облетела хлесткая фраза Ж. Болсонаро о том, что «Китай не столько покупает бразильские товары, сколько покупает саму Бразилию» [Casarões].

Однако работа саммита убедительно опровергла наиболее пессимистичные и мрачные предсказания международных наблюдателей и в целом характеризовалась деловым настроем и готовностью всех без исключения участников продолжить курс на сотрудничество, на выработку общей позиции на мировой арене. Все это позволило бразильскому президенту констатировать, что «совещание на высшем уровне БРИКС прошло великолепно». Кстати сказать, были сняты и шероховатости в отношениях между Бразилией и Китаем. На полях встречи прошли двусторонние переговоры Ж. Болсонаро и председателя КНР Си Цзиньпина, подтвердившие высокую заинтересованность двух стран в наращивании торгово-инвестиционного взаимодействия. Более того, бразильский министр экономики Пауло Гедес объявил о намерении его правительства создать с Китаем зону свободной торговли [Spring, Boadle].

Поскольку девизом XI саммита было «*БРИКС: экономический рост для инновационного будущего*», то вполне естественно, что одно из центральных мест в работе форума заняли вопросы делового взаимодействия стран «пятерки». По этому поводу корреспонденты влиятельной испанской газеты «El País» даже заметили, что выступления на встрече лидеров стран-участниц больше походили на заявления высших представителей «Big Business», чем на речи политических деятелей [Galarraga Gortázar, Benites].

В замечании испанских журналистов была изрядная доля правды. Отнюдь не пренебрегая сюжетами международно-политического характера, руководители БРИКС действительно уделили максимальное внимание вопросам торгово-экономического сотрудничества с акцентом на инновации и высокие технологии. В частности, в заключительном документе форума — *Декларации Бразилиа* — в качестве реальных достижений указывалось на создание Платформы энергетических исследований и Сети инновационных исследований БРИКС, а также принятие концепции «Новой архитектуры БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций (НТИ)», которая будет реализовываться через Управляющий комитет НТИ БРИКС. Положительной оценки заслужили подписание Меморандума о взаимопонимании между национальными агентствами по содей-

ствию торговле и инвестициям и учреждение Женского делового альянса БРИКС [11th BRICSSummit...].

Огромное количество видных представителей предпринимательских кругов стран «пятерки» привлек организованный в рамках саммита *Деловой форум БРИКС*, площадка которого, по выражению В.В. Путина, была использована лидерами «пятерки» для «продвижения взаимной торговли и инвестиций». Сам российский президент, выступая перед лидерами бизнес-сообщества, подчеркнул, что РФ последовательно углубляет промышленную кооперацию в рамках БРИКС, создает новые современные технологические и инвестиционные альянсы, в первую очередь в наукоемких отраслях. В числе позитивных примеров такого сотрудничества Путин назвал реализацию совместных проектов в авиа- и ракетостроении, медицине, фармацевтике, освоении космоса, а в качестве наиболее перспективных — в области информатики, телекоммуникаций, производстве возобновляемых источников энергии. Российский лидер привлек внимание к новым отечественным разработкам, отвечающим самым высоким требованиям информационной безопасности: технологиям электронного документооборота, поисковых систем, антивирусных программ [Закрытие...].

Стало традицией, что президент России использует участие в саммитах БРИКС для укрепления двусторонних отношений с руководством принимающей страны. В данном случае состоялась встреча с Ж. Болсонаро, имевшая особое значение, поскольку, как отмечалось, Россия принимала у Бразилии председательство в БРИКС. Давая оценку состоянию российско-бразильских отношений, В.В. Путин подчеркнул сравнительно высокий уровень взаимодействия, по праву получившего статус *«стратегического партнерства»*. В частности, было отмечено, что на долю Бразилии приходится более 30% общего объема торговли РФ с Латинской Америкой, бразильские предприятия снабжают отечественный рынок необходимыми продовольственными товарами, а российские производители покрывают 100% потребностей в титане мощной бразильской авиастроительной индустрии и обеспечивают калийными удобрениями сельское хозяйство Бразилии. Порядка 1,5 млрд долл. составляют российские инвестиции в бразильскую экономику [Встреча с Президентом Бразилии...]. Все это создает прочную основу дальнейшего углубления двусторонних хозяйственных связей.

Итоги бразильского саммита, его акцент на экономических вопросах задали тон российскому председательству в БРИКС в 2020 г. В числе приоритетных задач — актуализация *Стратегии экономического партнерства*, принятой в 2015 г. и явно нуждающейся в существенном обновлении. По мнению российского руководства, новая концепция должна с позиций интересов БРИКС учесть изменения, которые происходят в глобальной экономике и международной торговле.

Синергия внутригрупповой торговли

В последние годы в мировых торговых отношениях происходят сложные и противоречивые процессы. Отчетливо прослеживаются, с одной стороны, положительные тенденции, а с другой — негативные контртенденции, что не может не затрагивать экономические интересы стран БРИКС. О чем идет речь?

Важный положительный момент состоит в том, что глобальный трансграничный экспорт товаров, несмотря на все кризисы, резкие конъюнктурные перепады и геополитические сложности, в 2001–2018 гг. вырос почти 3,2 раза: с 6,1 до 19,3 трлн долл. (табл. 4). Но после кризиса 2008–2009 гг. международная торговля в стоимостном выражении «топчется на месте». В 2015–2016 гг. ее объемы даже снижались, что в решающей степени было связано с падением цен на сырье и торможением темпов прироста глобального ВВП. Во всем мире наблюдалась флуктуация плотности торговых связей.

Таблица 4

Мировой товарный экспорт (млрд долл.)

Год	Экспорт	Год	Экспорт
2001	6128	2014	18875
2005	10341	2015	16413
2010	15094	2016	15882
2011	18083	2017	17551
2012	18388	2018	19285
2013	18879	2019	-

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c2227%7c000%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c7...

Таким образом, на внешнем периметре БРИКС (в сфере международной торговли) складывается во многом нестабильная обстановка. По логике вещей, учащенный пульс и повышенная нервозность мировой торговли должны побудить членов «пятерки» к еще большей интенсификации внутригрупповых торгово-экономических связей. На наш взгляд, для этого существуют базовые условия, но необходимы дополнительные четкие импульсы расширения взаимной торговли.

Важно отметить, что уже сейчас внутригрупповая торговля (особенно товарная) является магистральным направлением экономического взаимодействия между членами БРИКС. Именно движение товаров наиболее осязаемо отражает реальные векторы сотрудничества, формирует платформу для развития других видов хозяйственных и финансовых связей. Показательный факт: в докладе ЮНКТАД о торговле и развитии 2018 г. взаимная торговля названа «строительным раствором для здания БРИКС» и подчеркнута, что она «обладает наибольшим потенциалом в плане содействия в продвижении вверх по лестнице структурных преобразований» [UNCTAD...].

По данным международной статистики, в период с 2001 по 2018 г. товарный экспорт Китая в адрес партнеров по БРИКС вырос в 25 раз, Бразилии — в 19,2 раза, ЮАР — в 12,7 раза, Индии — в 11,4 раза, России — в 9,7 раза. Это многократно превышало показатель роста (в 3,2 раза) мирового экспорта. Конечно, все статистические оценки — это своего рода аппроксимация, но тренд отражен правильно: плотность внутригрупповых торговых связей стран-членов «пятерки» феноменально возросла.

Анализ деятельности БРИКС показывает, что курс на развитие взаимной торговли реализовывался поэтапно, взвешенно и потому оказался достаточно реалистичным.

Таблица 5

Внутригрупповой экспорт стран БРИКС (млрд долл.)

Страна	2001	2005	2010	2015	2018
Китай	7,0	43,6	105,8	136,3	175,0
Бразилия	3,7	14,3	39,7	43,0	71,1
Россия	6,9	19,4	27,0	35,1	66,7
Индия	2,3	12,3	26,2	18,1	26,3
ЮАР	1,1	3,4	12,1	11,5	14,0

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?vpm=1%7c%7c2227%7c000%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c...

Назовем основные этапы этого процесса. На форталезской встрече 2014 г. было принято решение о создании *Платформы обмена информацией*, наличие которой во многом способствовало активизации внутригруппового движения товаров. В 2016 г. на саммите в Гоа лидеры стран «пятерки» подчеркивали важность создания *Комитета таможенного сотрудничества БРИКС*, а также отмечали потребность в расширении использования информационно-коммуникационных технологий для наращивания товарооборота и сделали акцент на создании благоприятных условий для электронной торговли. К саммиту в Йоханнесбурге (июль 2018 г.) члены «пятерки» уже сформировали национальные системы взглядов на перспективы развития взаимной торговли. В частности, в нашей стране была разработана и утверждена (в апреле 2018 г.) *Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС*, в которой отмечалось, что объективной основой увеличения объемов внутригрупповой торговли является взаимодополняемость многих секторов экономики государств-членов [Концепция...].

Отсюда — широкие возможности заполнить имеющиеся «черные пустоты» во взаимной торговле, повышение ее доли в общем товарообороте стран «пятерки», что особенно хорошо видно на примере Бразилии — хозяйки XI саммита. Для нее данный показатель вырос с 5,6% в 2001 г. до почти 29% в 2018 г. (табл. 6). Иначе говоря, в настоящее время почти треть бразильского товарооборота приходится на партнеров по БРИКС.

Таблица 6

Торговля Бразилии с партнерами по БРИКС (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2005	2010	2015	2018
Экспорт	3,7	12,3	39,7	43,0	71,1
Импорт	2,7	7,7	33,3	38,6	49,8
товарооборот	6,4	20,0	73,0	81,6	120,9
Весь товарооборот	113,9	211,4	383,7	362,6	421,1
Доля БРИКС (%)	5,6	9,5	19,0	22,5	28,7

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?vpm=1%7c076%7c%7c%7c6757%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c...

Следует подчеркнуть, что все члены объединения (по крайней мере, декларативно) являются сторонниками «открытой, транспарентной, недискриминационной и всеобъемлющей многосторонней торговли». Тем самым они (в меру своих возможностей) коллективно противостоят протекционизму и санкционному давлению.

Выделим основные подходы членов «пятерки» к вопросам развития международных торговых связей.

Во-первых, это сохранение системы, созданной в рамках ВТО. В частности, в декларации саммита в Йоханнесбурге была выражена поддержка существующего механизма урегулирования торговых споров. Разумеется, такая позиция не исключает совершенствования деятельности ВТО, о чем говорилось на саммите «Группы двадцати» в Буэнос-Айресе [G20...]. Но страны БРИКС против того, чтобы под предлогом необходимости проведения реформы была разрушена многосторонняя основа мировой торговли.

Во-вторых, согласованная стратегия экономического партнерства БРИКС предусматривает диверсификацию торгово-экономического сотрудничества, что рассматривается в качестве одного из способов расширить экспортные возможности предприятий реальных секторов экономики. При этом особое значение имеет активное вовлечение во внутригрупповой товарообмен таких отраслей, как авиастроение, энергетическое машиностроение, металлургия, станкостроение, электроника, транспортное и специальное машиностроение, сельское хозяйство. Уже сейчас во взаимном товарообороте фиксируются порядка 50 позиций (в соответствии со Стандартной международной торговой классификацией), но это далеко не предел [UnitedNations...].

В-третьих, члены БРИКС взяли курс на вовлечение в орбиту своих деловых взаимодействий стран-соседей. Этому способствует участие России в *Евразийском экономическом союзе*, Бразилии — в *МЕРКОСУР*, Индии — в *Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии*, ЮАР — в *Южно-Африканском таможенном союзе* и *Сообществе развития Юга Африки*. Особая роль, безусловно, принадлежит Китаю — второй экономике мира, выстраивающей разветвленную сеть глобальных хозяйственных связей.

Конечно, вовлеченность стран БРИКС в региональные интеграционные процессы в известной степени замедляет решение вопросов координации внешнеторговой политики «пятерки», поскольку существует необходимость согласовывать тарифные и другие вопросы с партнерами за рамками «пятерки». Но вместе с тем это обстоятельство на ряде направлений усиливает влияние группы БРИКС, открывает перед членами объединения многообещающие перспективы. В самом деле, поскольку каждая из перечисленных интеграционных структур включает соглашения о сотрудничестве с третьими странами, то увеличиваются возможности торговых сделок, в том числе и между предприятиями самих членов БРИКС. Чем интенсивнее коммерческие контакты с третьими государствами, тем сильнее *гравитационное притяжение «пятерки»* и тем больше шансов на расширение внутригруппового товарообмена.

Все более важным направлением взаимодействия стран БРИКС становится электронная торговля, в развитии которой, как показывают данные, заинтересованы все члены «пятерки». Не случайно в 2017 г. была принята «Инициатива стран БРИКС о сотрудничестве в сфере электронной коммерции». Уже сейчас практически все государственные закупки осуществляются в электронном виде на основе внедрения бизнес-модели G2B — Government to Business («правительство бизнесу»). Вполне логично, что бесспорным лидером электронной торговли является Китай. Достаточно указать, что порядка 90% зарубежных онлайн-покупок российских пользователей Интернета составляют китайские товары [Развитие...].

Результаты международных и национальных исследований подтверждают, что в целом взаимная торговля стран БРИКС приобрела тенденцию к росту, но для закрепления этого важного тренда необходимо «расшить» остающиеся узкие места и устранить имеющиеся административные барьеры. В частности, страны БРИКС различаются по уровню так называемых *тарифных пиков* (ставок, превышающих 15%). У Бразилии они достигают почти 28% всех ставок импортного тарифа, у Китая — около 15%, Индии — почти 12%, а у России — 9,5% [WTO...]. Следовательно, Россия имеет наименее выгодный доступ к рынкам партнеров по объединению и самый низкий уровень защиты собственного рынка. Эту ситуацию желательно выравнивать, тогда российский экспорт может вырасти еще больше.

Значительным потенциалом дальнейшего роста обладает внутригрупповая электронная торговля, позволяющая наращивать прямой товарообмен без посредников. Но и здесь необходимо существенно улучшить условия ведения бизнеса. В том числе: постоянно увеличивать обмен информацией о возможностях электронной торговли; отлаживать систему электронных платежей между иностранными юридическими лицами; шире внедрять Интернет в сферу малого и среднего бизнеса, особенно в Индии и Бразилии, которые в этом отношении заметно отстают от других членов «пятерки».

Но главное в том, что развитие взаимной торговли стран-участниц БРИКС обеспечивает *синергию* – суммирующий эффект взаимодействия пяти экономик этого во многом уникального международного объединения. Расширение взаимной торговли способствует росту производства, созданию новых рабочих мест, совершенствованию отраслевой структуры экономики.

Новый банк развития: обнадеживающие перспективы

Важным институтом внутригруппового сотрудничества БРИКС стал Новый банк развития (НБР), политическое решение о создании которого было принято в 2013 г. на V саммите «пятерки» в Дурбане (ЮАР). На следующем саммите в бразильском городе Форталеза (2014 г.) было подписано соглашение о Новом банке, а официальный старт практической работе НБР был дан на инаугурационном заседании Совета управляющих банка 7 июля 2015 г. в Москве. Директором от России в НБР стал заместитель министра финансов РФ С.А. Сторчак, а разрешенный к выпуску капитал составил 100 млрд долларов. Согласно уставным документам, основная задача Нового банка

состоит в приоритетном финансировании стратегически значимых инфраструктурных проектов и программ устойчивого развития в странах БРИКС (так называемое *проектное финансирование*), а также в заинтересованных развивающихся государствах, как правило, экономически связанных с членами «пятерки». Операционная деятельность НБР началась в 2016 г., а по состоянию на октябрь 2019 г. руководство банка одобрило 42 проекта на общую сумму около 12 млрд долларов [New Development Bank]. Уже в ходе работы XI саммита была достигнута договоренность о предоставлении крупнейшей бразильской горнодобывающей компании Vale займа НБР на 300 млн долл. для развития транспортной инфраструктуры на севере Бразилии [BRICS in Brazil...].

На сегодняшний день наиболее актуальной задачей представляется расширение членского состава НБР, что должно, с одной стороны, укрепить международные позиции банка и нарастить его ресурсные возможности, а с другой — содействовать развитию отношений в формате БРИКС+. О возможности инициировать процедуру отбора новых государств-акционеров НБР в октябре 2019 г. сообщил С.А. Сторчак. Выражая солидарное мнение представителей финансовых властей БРИКС, он предложил открыть «зеленый свет» присоединению к банку дополнительных членов. При этом в список кандидатов можно будет попасть только по приглашению государств-участников БРИКС (одного или нескольких). Более того, российский директор НБР сообщил, что перечень претендентов уже существует. «Можно предположить, — подчеркнул С.А. Сторчак, — что каждая из стран-основателей банка будет предлагать своих соседей. У каждого есть свои приоритеты. Исходя из этих приоритетов список и был сформирован» [Отбор новых...]. Таким образом, по замыслу руководства НБР расширение состава акционеров банка должно происходить преимущественно по региональному принципу.

Такой подход позволит участникам БРИКС активизировать и укрепить дополнительными механизмами проектного финансирования интеграционные процессы с их участием, о которых шла речь применительно к развитию взаимных торговых связей. Повысить положительный эффект от усиления «интеграционной связанности» основных экономик БРИКС с их региональными партнерами возможно, в частности, путем создания платформ сотрудничества Нового банка с региональными банками и фондами развития. Такие перспективы, по мнению экспертов, имеются у НБР в отношениях с Евразийским банком развития (ЕАБР), Банком развития Южной Африки (DBSA), Фондом развития Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC), Фондом структурной конвергенции МЕРКОСУР (FOCEM), Банком развития Китая (CDB) и Фондом инвестиционного сотрудничества Китай — АСЕАН (CAF). Как считает старший управляющий директор Сбербанка Я.Д. Лисоволик, «в рамках этой группы институтов развития НБР мог бы играть координирующую роль» [Лисоволик].

Можно согласиться с теми аналитиками, которые считают, что в обозримой перспективе именно расширение НБР может стать главным вектором дальнейшего институционального укрепления формата БРИКС. Скажем больше: от успеха (неудачи) деятельности Нового банка по созданию финансовых платформ развития будет во многом зависеть международный авторитет «пятерки».

* * *

В последние годы исторически сложившийся западнцентричный глобальный порядок заметно лихорадит. Причины этого явления — внутренние и внешние. К числу первых можно отнести замедление темпов экономического развития, социальную напряженность и массовые протестные выступления, кризис государственного управления, рост национализма и популизма, страсти вокруг Brexit, разлом в евроатлантических отношениях, острые разногласия в рамках НАТО. К числу вторых — существенное усиление незападных центров международного влияния и стратегического веса, в числе которых БРИКС играет, без преувеличения, выдающуюся роль. Это и вызывает обеспокоенность западных государств, поскольку со всей очевидностью подрывает опоры их мирового господства. Отсюда — настойчивое стремление выдать желаемое за действительное, «политически похоронить» крупнейший альтернативный Западу геоэкономический и геополитический проект.

Конечно, нет нужды упрощать ситуацию и закрывать глаза на трудности, переживаемые каждой отдельно взятой страной «пятерки» и всего объединения в целом. Многие из них носят укоренившийся характер и не поддаются легкому устранению. Но, как показали итоги бразильского саммита, БРИКС наращивает экономическую мощь, движется вперед в практических делах, продолжает генерировать надежды и ожидания, создавать перспективы формирования нового, более справедливого мирового порядка. Еще одним шагом в этом направлении должны стать продуктивное российское председательство в БРИКС и успешное проведение XII саммита в Санкт-Петербурге.

Астрофизики считают, что, когда у звезды кончается топливо, она начинает остывать и сжиматься. Топливом для внутрigrуппового торгового и финансово-экономического сотрудничества членов БРИКС и проекции их международного влияния является, в первую очередь, поступательный рост и модернизация национальных экономик. В хозяйственном развитии нельзя *нажимать на паузу*. Если этого не произойдет, тогда и взаимодействие стран-участниц «пятерки», преодолевая неизбежные проблемы и трудности, будет и дальше набирать обороты. Россия приняла эстафету у Бразилии и сделает все от нее зависящее, чтобы БРИКС продолжал укреплять свои позиции в динамично меняющемся мире.

Литература

Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов. 14 ноября 2019 года. Бразилия // Сайт президента России. — URL: kremlin.ru/events/president/news/62047 (дата обращения: 02.12.2019).

Встреча с Президентом Бразилии Жаиром Болсонаро. 14 ноября 2019 года // Сайт президента России. — URL: kremlin.ru/events/president/news/62049 (дата обращения: 02.12.2019).

Заккрытие Делового форума БРИКС. 14 ноября 2019 года // Сайт президента России. — URL: kremlin.ru/events/president/news/62040 (дата обращения: 02.12.2019).

Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Утверждена Президентом Российской Федерации 9 апреля 2018 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые

- акты Российской Федерации. — URL: legalacts.ru/doc/kontseptsija-uchastija-rossiiskoi-federatsii-v-obedinenii-briks/ (date of access: 02.12.2019).
- Лисоволик Я.* Новые члены Нового банка развития // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 07.11.2019. — URL: ru.valdaiclub.com/a/highlights/novye-chleny-novogo-banka/?sphrase_id=146100 (дата обращения: 02.12.2019).
- Отбор новых акционеров Банка БРИКС может начаться до конца 2019 г. — Сторчак // finanz.ru. 18.10.2019. — URL: finanz.ru/novosti/aktsii/otbor-novykh-akcionerov-banka-briks-mozhet-nachatsya-do-konca-2019-g-storchak-1028609974 (дата обращения: 02.12.2019).
- Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Под ред. В.А. Садовниченко, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М. 2014. С. 20.
- Развитие электронной торговли в странах БРИКС // webeconomy.ru. — URL: webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=208&type=news&top_menu=main&sb=48&newsid=3906 (date of access: 02.12.2019).
- 11th BRICS Summit — Brasília Declaration // Ministry of Foreign Affairs. Portal de Governo Brasileiro. 14.11.2019. — URL: itamaraty.gov.br/en/press-releases/21084-11th-brics-summit-brasilia-declaration (date of access: 02.12.2019).
- BRICS countries form 'anti-Trump front' on trade // rfi.fr. 27.07.2018. — URL: rfi.fr/en/economy/20180727-bric-china-india-russia-brazil-south-africa-putin-xi-modi-ramaphosa-trump-trade (date of access: 02.12.2019).
- BRICS in Brazil: collective efforts towards sustainable economic development and innovation // Vale. 14.11.2019. — URL: vale.com/EN/aboutvale/news/Pages/BRICS-in-Brazil-collective-efforts-towards-sustainable-economic-development-and-innovation.aspx (date of access: 02.12.2019).
- Casarões G.* Brazilian Elections and the Future of the BRICS // ISPI. 05.10.2018. — URL: ispionline.it/it/publicazione/brazilian-elections-and-future-brics-21347 (date of access: 02.12.2019).
- G20 Leaders' declaration. Building consensus for fair and sustainable development. — URL: g20.utoronto.ca/2018/buenos_aires_leaders_declaration.pdf (date of access: 02.12.2019).
- Galarraga Gortázar N., Benites A.* La cumbre de los BRICS evidencia la falta de cohesión de los emergentes // El País. Madrid, 14.11.2019.
- Global Economic Outlook Datasheet — December 2019 // FitchRatings. 06.12.2019. — URL: fitchratings.com/site/re/10104505 (date of access: 02.12.2019).
- Goldman Sachs. Building Better Global Economic BRICs. Global Economics Paper No: 66. 30 November 2001. — URL: goldmansachs.com/insights/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (date of access: 02.12.2019).
- ITC. Trade statistics for international business development. — URL: trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (date of access: 02.12.2019).
- Kobelinsky F.* Qué son los BRICS y qué peso tienen en el mundo // infobae.com. 13.11.2019. — URL: infobae.com/america/mundo/2019/11/13/que-son-los-brics-y-que-peso-tienen-en-el-mundo/ (date of access: 02.12.2019).
- New Development Bank. — URL: ndb.int/ (date of access: 02.12.2019).
- Spring J., Boadle A.* BRICS summit marks recovery of China-Brazil relations // Reuters. 12.11.2019. — URL: reuters.com/article/us-brics-summit-preview/brics-summit-marks-recovery-of-china-brazil-relations-idUSKBN1XM205 (date of access: 02.12.2019).
- UNCTAD. Trade and Development Report 2018. Power, Platforms and the Free Trade Delusion. New

- York and Geneva: United Nations, 2018. — URL: unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2018_en.pdf (date of access: 02.12.2019).
- United Nations. Standard International Trade Classification. Revision 4. — URL: unstats.un.org/unsd/trade/sitc%20rev%204%20final.pdf (date of access: 02.12.2019).
- WTO. World Tariff Profiles 2019. — URL: wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles19_e.htm (date of access: 02.12.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-21-32
УДК 327; 338; 339

Кирилл Барский, Александр Салицкий, Нелли Семенова

Китайская баталия Трампа: возможна ли победа?

Аннотация. Торгово-экономическая война США против Китая приобрела в 2018–2019 гг. значительный размах. Конфликт вряд ли будет урегулирован в ближайшем будущем, хотя обеим сторонам это было бы выгодно с экономической точки зрения. Пекин старательно избегает перерастания формирующейся биполярности «США — Китай» в конфронтацию, делая ставку на сотрудничество с крупным американским бизнесом и по возможности используя многочисленные внешнеполитические промахи администрации Д. Трампа. Тем не менее весной-летом 2019 г. США продолжили наращивать давление на Китай. Ситуация принципиального противостояния двух держав затрагивает не только интересы бизнеса обеих стран, но и широкий круг вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений.

Ключевые слова: торговая война, США, Китай, мировая экономика, американо-китайские отношения, противостояние США и Китая.

В 2017 г. администрация Д. Трампа начала подготовку торгово-экономической войны против Китая, которая в 2018–2019 гг. приобрела немалый размах. По мнению большинства аналитиков, конфликт вряд ли будет урегулирован в ближайшем будущем, хотя обеим сторонам это было бы выгодно с экономической точки зрения.

Последнее обстоятельство послужило основанием для оптимистических прогнозов относительно исхода начавшихся в декабре 2018 г. переговоров. Однако они зашли в тупик, и весной-летом 2019 г. США продолжили наращивать давление на Китай. Возникла ситуация принципиального противостояния двух держав, она затрагивает не только интересы бизнеса обеих стран, но и широкий круг вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений.

Сведения об авторе: БАРСКИЙ Кирилл Михайлович — чрезвычайный и полномочный посол по особым поручениям МИД РФ, в 2014–2018 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Таиланде и постоянный представитель РФ при ЭСКАТО, чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса; кандидат исторических наук.

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук, sal.55@mail.ru;

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна — старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, кандидат политических наук, semenovanelli-2011@mail.ru.

Предыстория и обоснование торговой войны

Торговый конфликт с КНР не вполне правильно связывать только с деятельностью нынешней администрации США. Раздражение по поводу независимого курса Пекина и его экономической экспансии накапливалось постепенно, и «поворот» к Азии предыдущего американского президента после кризиса 2008–2009 гг. фактически означал переход от политики вовлечения к политике сдерживания Китая, в том числе в экономической области. Не новость и призывы к американскому бизнесу работать в США: в начале второй избирательной кампании Б. Обама продвигал свой план инсорсинга (решоринга), то есть возвращения промышленного производства из-за рубежа (особенно из Китая). При этом уже тогда Китай часто публично критиковался за недобросовестные торговые практики, а недовольство по их поводу было высказано, например, на встрече Б. Обамы с тогдашним заместителем председателя КНР Си Цзиньпином в феврале 2012 г. [Cooper].

В течение второго срока президентства Обамы претензии к китайской торговой-экономической политике инвентаризировались в ежегодных докладах торгового представителя о соответствии Китая правилам ВТО (они представляются Конгрессу) и обсуждались в двусторонних форматах: совместной комиссии (U.S. — China Joint Commission on Commerce and Trade, JCCT) и диалоге (U.S. — China Strategic and Economic Dialogue, S&ED). Забегая вперед, заметим, что в 2017 г. эти форматы были сначала объединены, а затем заморожены.

Переход к политике экономического сдерживания Китая был завершён Д. Трампом в весьма бескомпромиссной форме. Уже в ходе предвыборной кампании предыдущие администрации яростно критиковались за потакание Китаю, а вокруг нового президента свила гнездо стайка «китайских ястребов». К ним относят вице-президента Майкла Пенса, госсекретаря Майкла Помпео, сохраняющего влияние аналитика Стивена Бэннона, проработавшего в администрации до конца 2017 г., а также министра торговли Уилбура Росса, торгового представителя Роберта Лайтхайзера и Питера Наварро, занявшего кресло руководителя специально созданного совета по торговле и промышленности. Последнего можно смело назвать идеологом торговой войны: он автор трех книг и пропагандистского фильма о китайской угрозе («Смерть от Китая»), вышедшего в 2012 г. Не отличаются симпатиями к Китаю Джон Болтон и Ларри Кудлоу.

Усилиями американской администрации и бюрократии в 2017–2019 гг. была создана документально-правовая основа широкого наступления на Китай. Ее стержнем стал закон о торговле 1974 г., предусматривающий, в частности, введение президентом дополнительных импортных пошлин на товары из стран, в которых выявлялись необоснованные ограничения деятельности американского бизнеса. Архаичность этого документа и наличие правил и механизмов ВТО в расчет особенно не принимались. Более того, в первом же докладе Конгрессу о соблюдении Китаем норм ВТО, сделанном при Лайтхайзере (опубликован в январе 2018 г.), содержались следующие пассажи: «Одних правил ВТО недостаточно, чтобы ограничить деформации рынка, вызываемые поведением Китая»; «США предпримут все прочие меры, необходимые для обуздания

осуществляемой Китаем вредоносной, ведомой государством меркантилистской политики и практики, пусть даже эти меры прямо и не вписываются в правила ВТО» [2017 Report... pp. 2, 4].

Коренным образом (по сравнению с аналогом 2015 г.) поменялось место Китая в Стратегии национальной безопасности США, принятой в декабре 2017 г. Наравне с Россией он был зачислен в категорию «ревизионистских государств». Многократно повторены обвинения Пекина в нечестной коммерческой практике [National Security... pp. 2, 17, 19, 41, 47, 48]. Кроме того, он оказался в числе противников, которые «крадут и используют нашу интеллектуальную собственность и личные данные, вмешиваются в политические процессы в нашей стране, сделали мишенью наш авиационный и морской сектор, подвергают риску нашу критически важную инфраструктуру». Китаю инкриминируются поставки фентанила в США, экономическая агрессия, воровство технологий на сотни миллиардов долларов и т.п. [National Security... pp. 7, 12, 17, 19–20].

В марте 2018 г. было завершено расследование торгового представителя, давшее основания для начала тарифной войны, на которой мы еще остановимся. В расследовании отмечалось, в частности, что политика Пекина подпадает под действие статьи 301 закона о торговле 1974 г.: на компании США в КНР оказывается давление в целях получения от них передовых технологий, Китай осуществляет взлом компьютерных сетей и кражи коммерческой информации [Findings... p. 5]. В вину Китаю были поставлены планы научно-технического развития, в особенности программа «Сделано в Китае 2025», принятая в 2015 г. и содержащая установки в области замещения импорта и выхода на мировой рынок в передовых технологиях.

Свод документов, касающихся Китая, продолжал пополняться и в дальнейшем: в частности, поправками к законодательству об иностранных инвестициях [Foreign Investment Risk...], докладом совета, возглавляемого Наварро [How China's...], с квалификацией Китая как «экономического агрессора» и т.п. Своего рода итог содержался в январском докладе ведомства Лайтхайзера 2019 г. Констатируется, например, следующее: «Действия Китая причинили серьезный вред другим членам ВТО и многосторонней торговой системе, которая не была рассчитана на взаимодействие с нерыночной экономикой таких размеров» [2018 Report... p. 5]. Фактически доклад призывает другие страны к солидаризации с американскими претензиями к Китаю. Пока этот призыв особого успеха не имел, и это один из итогов и уроков торговой войны.

Стоит заметить, что квалификация КНР как страны с нерыночной экономикой (на чем зиждется немалая часть построений «китайских ястребов») не выдерживает критики. Как отмечал в обстоятельной работе 2013 г. патриарх либеральной экономической мысли Рональд Коуз, рынок в Китае вполне сложился в первом десятилетии нынешнего века. Более того, «замечательные успехи в области экономики, продемонстрированные Китаем за 30 лет рыночных преобразований, укрепили доверие китайского руководства и широкой публики к рыночной экономике — капиталистической или социалистической, не столь важно» [Коуз, Ван, с. 232].

Таблица 1

Доля предприятий разных форм собственности в экспорте КНР, %

	Государственные	Иностранные и с иностранным участием	Частные
1996	50	47	3
2014	11	46	43
2018	10	42	48

Составлено по данным ГТУ КНР.

Вполне рыночный характер современного экспортного сектора китайского хозяйства хорошо виден из табл. 1. После третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г. либерализация китайской экономики ускорилась и продолжается, несмотря на начало торговой войны. Так, согласно докладу Всемирного банка, в 2018 г. по показателю удобства ведения бизнеса Китай продвинулся на 46-е место в мире с 78-й позиции в предшествующем году.

Торговая война — часть схватки за глобальное лидерство

Нынешний торговый конфликт между США и Китаем — лишь часть схватки за мировое лидерство, свидетелями которой мы сейчас являемся.

Вообще новейшая история американо-китайских отношений — это история беспринципных, эгоистичных попыток США использовать Китай в своих интересах, череда взаимоисключающих политических установок Вашингтона, шараханья из крайности в крайность. После прихода к власти коммунистов Пекин был для Вашингтона идеологическим и военно-политическим противником. После визита Р. Никсона в Китай в 1972 г. американцы развернулись на 180 градусов, договорившись с китайским руководством дружить против СССР. События на площади Тяньаньмэнь 1989 г. привели к разрыву былой дружбы и введению антикитайских санкций.

За последние три десятилетия американцы перепробовали самые разные варианты выстраивания отношений с Китаем — от сдерживания до конструктивного вовлечения. При этом на протяжении всего этого периода американские компании отчаянно боролись за привлекательный китайский рынок, стремительными темпами наращивая взаимную торговлю и инвестируя в экономику КНР миллиарды долларов. Еще каких-то 11 лет назад США предлагали Китаю передел мира на двоих (эта концепция получила название «глобальной двойки», или G2), всерьез рассчитывая переманить Пекин на свою сторону в интересах сохранения за ширмой американо-китайского дуумвирата собственного единоличного лидерства в мировых делах. И вот теперь США решили, что последняя возможность остановить Китай — это объявить ему гибридную войну.

Приметы этой новой американской стратегии можно сегодня наблюдать по всему спектру вопросов многосторонней и двусторонней повестки дня. Объявив Китай стратегическим оппонентом, США начали реализовывать последовательный курс на военное сдерживание КНР. Так, в администрации Трампа не скрывают, что планы размещения

в Азии новых ракет средней дальности, разработка которых после выхода США из ДРСМД ничем не ограничена, направлены против Китая. Американцы проводят линию на внешнеполитическое сдерживание КНР (попытки сколачивания антикитайской коалиции с участием стран региона, разработка так называемых индо-тихоокеанских стратегий, раздувание темы свободы судоходства в Южно-Китайском море, решение о поставках новых партий оружия Тайваню и т.д.). США сознательно провоцируют социальную напряженность в различных районах Китая (последний пример — открытая поддержка протестующих в Гонконге). Сдерживать усиление экономических позиций КНР в зарубежных странах американцы пытаются противодействием реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Стоит задача не позволить Китаю перехватить у США лидерство в вопросах технологий 5G, исследований в области искусственного интеллекта и др. Наконец, Китаю объявлена полномасштабная информационная война.

Сфера торговли также является «полем сражения» с Китаем. Причем на этом «фронте», с учетом значительной зависимости КНР от торгово-экономических связей с США, команда Трампа намеревалась добиться наиболее быстрых результатов благодаря применению таких недобросовестных методов, как односторонние экстерриториальные санкции, нарушение правил ВТО, выход из договоренностей, шантаж, запугивание, давление на суверенные государства и бизнес.

Тарифная эскалация и ее следствия

Первые две порции дополнительных 25-процентных пошлин на китайские товары на общую сумму 50 млрд долл. были введены летом 2018 г. Китай ответил таким же по стоимости и размеру повышением тарифов на импорт из США. В конце сентября США ввели 10-процентные тарифы на импорт из КНР на сумму в 200 млрд долл., пригрозив повышением тарифа до 25% с января 2019 г. Китай ответил асимметрично: пошлины в 5–10% затронули импорт из США стоимостью 60 млрд долл. Таким образом, под действие дополнительных пошлин в 2018 г. попали китайские товары стоимостью свыше 250 млрд долл. и американские — на сумму 110 млрд долл.

Результаты оказались несколько неожиданными. Экспорт Китая в США понемногу замедлялся (а в декабре даже сократился); тем не менее годовой показатель превысил 550 млрд долл., увеличившись на 11,3% по отношению к предыдущему году. Американский же экспорт в КНР стагнировал и остался на отметке 150 млрд долл. В итоге дефицит в торговле США с Китаем вырос примерно на 50 млрд долл.

Во время аргентинского саммита «большой двадцатки» Трамп и Си Цзиньпин договорились о начале переговоров по вопросам торговли и перемирию в тарифной войне до 1 марта 2019 г. Повышение до 25% ставок пошлин на 200 млрд долл. китайских товаров было отложено. Но под воздействием уже введенных тарифов объем взаимной торговли стал сокращаться (табл. 2). В относительном выражении больше пострадал экспорт США в Китай, однако в абсолютном выражении сокращение китайского вывоза на американский рынок было несколько большим, и возникла слабая тенденция к сокращению дефицита США.

В любом случае обе стороны несли потери, и в экспертном сообществе появились надежды на возможное заключение соглашения. Несмотря на истечение в марте обговоренного ранее срока, переговоры были продолжены. Перемирие продлилось до начала мая 2019 г., когда обнаружилось, что договориться не удалось.

Заметим, что во время переговоров, о причинах срыва которых есть много догадок, Китай всячески показывал готовность к компромиссам, предпринимая малые шаги по смягчению торговых отношений. Возобновились закупки сои, были снижены некоторые ранее введенные тарифы на чувствительные позиции — в частности, автомобили и автозапчасти. Официальная китайская печать подчеркнуто сдержанно писала о торговой войне как о «трениях». В мартовском докладе премьера Госсовета КНР на сессии ВСНП отсутствовало упоминание о программе «Сделано в Китае 2025».

Иным было поведение США. Вскоре после саммита в Аргентине началась кампания против китайского промышленного гиганта — компании «Хуавэй», продолжилось давление на Пекин в военной, информационной и других сферах.

Таблица 2

Сокращение торговли КНР с США в 2019 г., в годовом исчислении, %

	Январь-март	Январь-май	Январь-июль
Экспорт КНР	8,5	8,4	7,8
Импорт КНР	31,8	29,6	28,3

Составлено по данным ГТУ КНР.

Обвинив китайскую сторону в срыве переговоров, Трамп сразу же по их завершении (10 мая) ввел с 1 июня 2019 г. ранее отложенное повышение тарифов до 25% на 200 млрд долл. Кроме того, президент США пообещал ввести дополнительные тарифы еще на 300 млрд долл. импорта из Китая.

Параллельно была подвергнута санкциям «Хуавэй» (как годом раньше ZTE). Всего же число китайских компаний в «черном списке» минторга США было доведено до 143.

Китай ответил повышением тарифов (также с 1 июня) до 10–25% на сумму чуть менее 60 млрд долл., сохранив для части товаров 5-процентные пошлины.

Реакцию китайского общества на этот раз уже невозможно было сдержать: и пресса, и социальные сети пестрили возмущенными откликами, высказывались предложения о нанесении ущерба США (путем сброса американских облигаций, бойкота товаров и компаний, запрета на экспорт в США редкоземельных элементов и т.п.). Тем не менее власти оставались невозмутимыми, объявив лишь о возможности составления собственного списка ненадежных американских компаний. Стратегическая установка Пекина на взаимовыгодное сотрудничество с американским бизнесом, скептическое отношение к Вашингтону (независимо от конкретной администрации), как представляется, не претерпели изменений.

К началу лета встал вопрос о возобновлении диалога. В конце июня на встрече лидеров «двадцатки» в Осаке Си и Трамп договорились, что стороны продолжат переговоры в Шанхае в конце июля.

К тому времени выяснилось, что экспортный сектор Китая в целом справляется с обрушившимися на него бедами. Темпы прироста ВВП в Китае действительно снизились, но не критично. По итогам полугодия экономика показала более чем 6-процентный рост ВВП. На 7% увеличился приток иностранного капитала, причем рост инвестиций из Южной Кореи и Германии составил около 70%. Сохранился на уровне предыдущего года и приток капитала из США [Wang]. Энергетический гигант ExxonMobil получил контракт на строительство нефтехимического комплекса, а Tesla, как ожидается, начнет выпуск своей продукции в Шанхае в декабре нынешнего года.

Набрала ход реализация амбициозной китайской инициативы «Один пояс, один путь». В различные инфраструктурные проекты по всему миру Китай уже вложил более 90 млрд долл., а соглашения о сотрудничестве в формате «Пояса и пути» подписал с полутора сотнями государств мира. В апреле 2019 г. на Втором форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь», в котором приняли участие главы государств и правительств 37 стран, в том числе десяти стран Европы, Председатель КНР Си Цзиньпин озвучил далеко идущие планы, позволяющие сделать вывод о переводе китайской стратегии формирования альтернативной системы глобального управления в качественно новую стадию. Обращает на себя внимание, что этот мегапроект, помимо прочего, нацелен на придание новой динамики развитию самой китайской экономики, выведение ее на иной технологический уровень и повышение степени ее открытости.

Игра на повышение ставок

Июльские торговые переговоры США и КНР протекали в спокойной и конструктивной обстановке. Стороны, в частности, договорились об увеличении поставок сельхозпродукции из США, а диалог было решено продолжить в сентябре.

Однако по возвращении американской делегации на родину ее отчет в Белом доме 1 августа преподнес очередной сюрприз: Трамп счел, что «переговоры дали слишком мало уступок со стороны Китая», и заявил о введении с 1 сентября 2019 г. 10-процентной дополнительной пошлины на китайские товары на сумму около 300 млрд долл. Шокированные китайцы решили не торопиться с ответом.

Следствием этого шага Трампа стала довольно бурная негативная реакция рынков. 5 августа существенно снизился курс юаня к доллару, что тут же дало Трампу повод для беспочвенных обвинений Пекина в валютных манипуляциях. Началось недовольное брожение крупного бизнеса: «Уолл-стрит джорнал» поместил материал о «рецессии имени Наварро». В ответ на это советник Трампа объявил газету «коммунистической».

Вскоре Трамп несколько смягчил свое решение, и введение тарифа было объявлено двухэтапным: на сумму порядка 110 млрд долл. с 1 сентября, на остальное — с 15 декабря.

Китай принял ответные меры 23 августа, прибавив 5–10% к тарифам на 75 млрд долл. — также двумя порциями, с 1 сентября и 15 декабря.

Неугомонный Трамп в тот же день довел тарифы на 250 млрд долл. до 30% (с 1 октября), а тарифы на 300 млрд долл. — до 15%.

После этого вопрос о возобновлении переговоров завис в воздухе.

По-видимому, в Пекине начинают воспринимать Трампа как своего рода стихийное бедствие. Его трудно предсказать, с ним невозможно договориться, но с последствиями этого явления приходится бороться, приблизительно рассчитав ущерб.

По оценкам, потери компаний из Китая в сбыте на рынке США в нынешнем году могут составить около 80–90 млрд долл. Их отчасти компенсируют поставки товаров «в обход» — с выносом части производства в третьи страны (в 2019 г. при «плоском» показателе экспорта Китая в целом существенно увеличились поставки во Вьетнам, Канаду, Мексику, а также на Тайвань, в Малайзию, на Филиппины и в другие страны). Начинают включаться разного рода механизмы трансфертных цен, улучшению положения экспортеров помогает снижение курса юаня, а также распыление вывоза на адресную (и беспошлинную) доставку конечному потребителю [Zhou, Birmingham].

Потери же США от снижения экспорта в Китай составят около 50 млрд долл., что даст сокращение дефицита в торговле на 30–40 млрд долл., или максимум 0,2% ВВП США. Улов, скажем так, ниже скромного. Для сравнения: дефицит бюджета США в 2018 финансовом году вырос на 17%, или 113 млрд долл., и достиг 779 млрд.

Но главное, пожалуй, в том, что Китай, судя по всему, продолжит линию на благоприятствование бизнесу — своему и чужому, которого на экспортном направлении довольно много. Затруднения американским компаниям, работающим на китайском рынке, Пекин чинить вряд ли станет. А они, в свою очередь, по-прежнему будут и производить, и продавать товары в КНР. Ежегодный объем таких продаж оценивается в 250–300 млрд долл., о чем постоянно умалчивают советники Трампа.

Эту мысль выразил видный китайский международник Ван Цзисы: «Когда американское правительство ограничивает «Хуавэй», то она должна настаивать на кооперации с американскими предприятиями... нельзя ограничивать Apple в Китае» [China...].

Трампу же все большее число бизнесменов и экономистов советуют перестать гоняться за миражом возврата американских корпораций в США и понять, что дефицит в торговле с Китаем — естественное явление. Он возник вследствие многолетних процессов кооперирования работающего на внешние рынки бизнеса в Восточной Азии и банальной разницы в уровне оплаты труда американских и китайских рабочих. Сокращение экспорта КНР на американский рынок в 2019 г. привело к тому, что более высокими, чем обычно, темпами рос вывоз в США со стороны таких стран и территорий, как Вьетнам, Япония, Южная Корея и Тайвань. Поэтому никакого улучшения положения с торговым балансом не произошло, да и не могло произойти [Yao].

Конечно, нельзя отрицать, что у администрации есть достижения: например, определенное улучшение экономического положения в США, в том числе — ситуации с занятостью. Однако произошло оно отнюдь не по причине успехов в торговой войне: на промышленности благоприятно сказалось появление дешевого сланцевого газа. В обрабатывающей промышленности (газохимия, производство пластмасс, волокон и пр.) прибавилось 400 тыс. рабочих мест. Но за два с половиной года второго срока предыдущего президента аналогичный показатель составил 330 тыс., так что разница не большая [Klein].

Почему же атака на Китай, чреватая глобальной рецессией, продолжается? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить логику разворачивающейся баталии.

Социология торговой войны

Ценными для понимания истоков китайской войны Трампа являются лонгитюдные ежегодные исследования мнений американцев о Китае, проводимые с середины нулевых годов независимой организацией Pew Research Centre. Нет сомнений, что предвыборный штаб нынешнего президента был с ними знаком.

Высокие показатели благожелательного отношения к Китаю (около 50%) наблюдались в 2009–2011 гг. В 2012 г. соотношение стало равным (по 40% негативного и положительного восприятия), затем наблюдался рост «негатива», достигшего 55% в 2014–2016 гг. (у респондентов, поддерживающих республиканцев, этот показатель примерно на 10 процентных пунктов выше). По-видимому, такая тенденция в настроениях респондентов была связана с началом поворота к сдерживанию Китая во внешней политике, муссированием в СМИ темы агрессивности китайцев, их непомерного богатства, скупки и воровства технологий и т.п.

Весной 2018 г. более половины американцев были озабочены значительным объемом долга США Китаю, потерей рабочих мест в США в пользу КНР и дефицитом в торговле с этой страной. 58% считали главной угрозой, исходящей от Китая, его экономическую мощь — это на 6% больше, чем в 2017 г. Меньше волновали проблемы китайских кибератак, воздействия на окружающую среду и прав человека [Wike, Devlin, p. 2]. Если на основании этих и других имеющихся в нашем распоряжении данных поставить диагноз отношению американского общества к Китаю, то он будет очевиден: прогрессирующий параноидальный синдром.

Трамп сыграл на массовых антипатиях к Китаю, которые складывались десятилетиями. И ему это удалось. Достаточно сказать, что осенью 2018 г. 70% американцев поддерживали введение дополнительных пошлин на китайские товары [Ци].

В головах американцев хватает неразберихи, а в социальных сетях часто господствуют упрощенные и грубые суждения. В январе 2019 г. известный экономист Джеффри Сакс высказал в Twitter свое суждение по поводу атаки на «Хуавэй». Она, по его мнению, была продиктована интересами конкурентной борьбы. Экономиста тут же «заклевали», он вскоре даже закрыл свою страницу.

Весной 2019 г. негативное отношение к Китаю достигло максимума за всю историю исследований, составив 60% в целом по выборке и 70% у респондентов, поддерживающих республиканцев. Эта часть респондентов также склонна рассматривать Китай как главную угрозу США, в то время как другая, ориентирующаяся на демократов, ставит на первое место Россию, а Китай — на второе [Silver, Devlin, Huang, p. 2–4].

Но преуспел ли глава Белого дома в торговой войне с Китаем и в нагнетании истерии вокруг него?

С мая 2019 г. эксперты отмечают рост числа публично высказываемых мнений против эскалации торговой войны. Крупный бизнес пытается влиять на администрацию по своим каналам. Первыми зароптали ретейлеры (а они в современной Америке создают значительную часть рабочих мест), к ним вскоре присоединились корпорации, занимающиеся хай-теком. Так, на июльской встрече с Трампом топ-менеджеры Cisco, Intel, Broadcom, Qualcomm, Micron Technology, Western Digital и Alphabet потребовали максимально упростить процедуру выдачи лицензий на поставки компонентов «Хуавэй». В августе руководитель Apple Тим Кук за гольфом объяснил Трампу, что от пошлин на смартфоны выиграет только Samsung.

Весной 2019 г. выяснилось, что 50% американцев считают благоприятное развитие экономики Китая выгодным для США, в то время как 42% придерживаются противоположного мнения [Silver, Devlin, Huang, p. 5].

Просчетом Трампа (с точки зрения учета общественного мнения) следует, на наш взгляд, считать резкое ухудшение отношения к США в самом Китае и в зарубежной китайской диаспоре. Еще в 2016 г. 60% китайцев благожелательно относились к Америке. Теперь этот показатель значительно сократился.

Тем не менее боевой пыл президентской команды пока не слабеет. О настроениях, которые царят в администрации, да и во всем истеблишменте США, можно судить по июньской беседе старшего экономического советника Белого дома Ларри Кудлоу с Фредом Бергстеном — почетным президентом Петерсоновского института мировой экономики, сотрудники которого, в том числе один из лучших мировых специалистов по экономике Китая Николас Ларди, неоднократно выражали сомнения в полезности торговой войны. Беседа попала в печать, в ней Кудлоу прямо заявил, что «китайцам надо дать по заду, чтобы договориться» [Larry].

Похоже, продолжение конфликта неизбежно. По крайней мере, так думают очень многие китайские международники, усматривающие главную причину баталии в подъеме Китая и реакции на него мирового гегемона [Chen; Zhang; Yao, Zou]. Но Китаю не привыкать к историческим испытаниям, а в торговой войне его жители по традиции будут искать полезные возможности и больше думать о самообеспечении — продовольствием, сырьем, технологиями и т.п. Что они, впрочем, никогда не упускали из виду в ходе глобализации.

Китайская баталия Трампа является одним из проявлений того, что в современном, все более полицентричном мире продолжает формироваться новая биполярность «США — Китай» при сохраняющемся доминировании гегемона, который, впрочем, теряет былое могущество и (особенно) влияние [Барский, Салицкий]. Китай старательно избегает перерастания этой биполярности в конфронтацию, делая ставку на сотрудничество с крупным американским бизнесом и по возможности используя многочисленные внешнеполитические промахи нынешней администрации.

Есть несколько факторов, которые делают прогнозы исхода войны неоднозначными. Это, разумеется, настроения американского бизнеса, ведущего дела с Китаем, с ними в Америке принято считаться; далее, отношение к конфликту избирателей в США и способность администрации к разумному компромиссу и признанию объективно сложившихся реалий международного разделения труда.

Ясно только одно: от продолжения тарифной войны и ее перерастания в технологическую, валютную и т.п. будет только хуже всем участникам мировой экономики.

Литература

- Барский К.М., Салицкий А.И. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70).
- Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М. 2016.
- Ци Ч. Стратегические игры и перспективы двусторонних отношений Китая и США // Россия в глобальной политике. 27.09.2018. globalaffairs.ru/global-processes/Strategicheskie-igry-i-perspektivy-dvustoronnikh-otnoshenii-Kitaya-i-SShA-19775 (дата обращения: 16.08.2019).
- 2017 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2018. — URL: ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Reports/China%202017%20WTO%20Report.pdf (date of access: 08.08.2019).
- 2018 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2019. — URL: ustr.gov/sites/default/files/2018-USTR-Report-to-Congress-on-China%27s-WTO-Compliance.pdf (date of access: 07.06.2019).
- Chen Jiyong. The Background, Causes, Essence and Countermeasures of Sino-US Trade War // Wuhan University Journal (Philosophy & Social Science). 2018. №71(05): 72–81 (на кит. яз).
- China should cooperate with all nations, not be put off by US' aggressive trade war tactics, academic says // South China Morning Post. 13.06.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3014406/china-should-cooperate-all-nations-not-be-put-us-aggressive (date of access: 28.05.2019).
- Cooper H. President Visits Wisconsin Factory to Hail 'Insourcing' Plan // The New York Times. 16.02.2012. — URL: nytimes.com/2012/02/16/us/politics/obama-hails-insourcing-at-wisconsin-factory.html (date of access: 08.08.2019).
- Findings of the Investigation into China's Acts, Practices, and Policies Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. United States Trade Representative. March 2018. — URL: ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF (date of access: 08.08.2019).

- Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. August 2018. — URL: home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (date of access: 08.08.2019).
- How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf (date of access: 15.08.2019).
- Klein J.* Donald Trump said his tariffs on Chinese imports would bring factory jobs back to the US, but that's not happening // South China Morning Post. 01.08.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3021007/donald-trump-said-his-tariffs-chinese-imports-would-bring (date of access: 28.08.2019).
- Larry Kudlow: US needs to 'kick butt' to get trade deal with China // South China Morning Post. 14.06.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3014511/larry-kudlow-us-needs-kick-butt-get-trade-deal-china (date of access: 15.06.2019).
- National Security Strategy of the United States of America. December 2017 — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (date of access: 08.08.2019).
- Silver L., Devlin K. Huang Ch.* U.S. Views of China Turn Sharply Negative Amid Trade Tensions // Pew Research Center. 13.08.2019. — URL: pewresearch.org/global/2019/08/13/u-s-views-of-china-turn-sharply-negative-amid-trade-tensions/ (date of access: 15.08.2019).
- Wang O.* China paints rosy picture of foreign investment despite Donald Trump's claim 'thousands' of firms are leaving // South China Morning Post. 13.08.2019. — URL: scmp.com/economy/china-economy/article/3022560/china-paints-rosy-picture-foreign-investment-despite-donald (date of access: 08.08.2019).
- Wike R., Devlin K.* As Trade Tensions Rise, Fewer Americans See China Favorably // Pew Research Center. 2018. — URL: pewglobal.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/08/Pew-Research-Center_U.S.-Views-of-China_Report_2018-08-28.pdf (date of access: 20.08.2019).
- Yao A.* The US-China trade war has produced more losers than winners // South China Morning Post. 18.07.2019. — URL: scmp.com/comment/opinion/article/3018712/us-china-trade-war-has-produced-more-losers-winners (date of access: 18.08.2019).
- Yao Yang, Zou Jingxian.* China-US Trade Disputes: From a Long-term Economic Growth Perspective // International Economic Review. 2019(01): 146–159 (на кит. яз).
- Zhang Yifei.* Evolution, Motivation and Future Trend of "Ballast" in the Sino-US Relations since China's Reform and Opening-up // International Economic Review. 2019(02): 75–97 (на кит. яз).
- Zhou C., Bermingham F.* China-based firms look to obscure tariff loophole to dodge trade war, but US customs is cracking down // South China Morning Post. 23.08.2019. — URL: scmp.com/economy/china-economy/article/3024108/china-based-firms-look-obscure-tariff-loophole-dodge-trade (date of access: 28.08.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-33-44

УДК 94; 327

СЕРГЕЙ ЗОТОВ

Как России после вывода войск из Латвии удалось сохранить на 6 лет станцию предупреждения о ракетном нападении в Скрунде. Воспоминания российского посла

Аннотация. После получения Латвией независимости в 1991 г. встал вопрос о выводе советских войск и военных объектов с территории республики. Добиться приемлемых для России условий вывода в обстановке эйфории «нового мышления» и яростной кампании латвийских национал-радикалов было не просто трудно, но казалось невозможным. Автор статьи, возглавлявший государственную делегацию РФ на переговорах с Латвией по этим проблемам, раскрывает малоизвестную историю развернувшейся дипломатической борьбы, анализирует ее внутренний и международный контекст, ее значение для России, ход, обстоятельства и уроки.

Ключевые слова: российская дипломатия, переговоры между Россией и Латвийской Республикой, вывод войск из Латвии, РЛС в Скрунде, система предупреждения о ракетном нападении, «пакетное решение».

31 августа 2019 г. исполнилось 25 лет с того дня, когда в 1994 г. территорию Латвии покинула 25-я бригада Северо-Западной группы войск — последняя воинская часть Вооруженных сил России, в составе 58 тыс. военнослужащих, оставшихся в Латвии после распада СССР. На латвийской территории находились еще три военных объекта, имевших стратегическое значение для России: радиолокационная станция (РЛС) системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в Скрунде, центр слежения за космическими объектами в Вентспилсе и база подводных лодок Балтийского флота в Лиепае.

После получения Латвией из рук России независимости встал вопрос о выводе с территории Латвии вооруженных сил бывшего СССР, получивших статус «иностранных» войск, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации.

Добиться приемлемых для России условий вывода войск в обстановке эйфории «нового мышления» было не просто трудно, но казалось невозможным. Против нас было практически все — и яростная кампания национал-радикалов в самой Латвии, и не

Сведения об авторе: ЗОТОВ Сергей Сергеевич — российский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол, в 1992–1996 гг. — посол по особым поручениям МИД России, руководитель государственной делегации Российской Федерации на переговорах с Латвийской Республикой о выводе войск.

менее агрессивная кампания против всего советского наследия в самой России, где российские идеологические гуру 90-х годов в своих оценках не менее рьяно трактовали советскую историю прибалтийских республик как «оккупацию», называя русских «оккупантами», а армию — «оккупационной». Россия, бывшая в начале 1990-х годов в состоянии мировоззренческого паралича, не смогла дать адекватный отпор постепенному внедрению в политическое сознание концепции «воссоздания довоенных государств», хотя акты признания Советским Союзом независимости Прибалтики не содержат такого юридического тезиса, а лишь дают ссылку на «конкретную историческую и политическую обстановку, предшествовавшую вхождению Латвийской Республики в СССР» [Постановление...].

В этой атмосфере указом президента РФ была образована государственная делегация во главе с послом по особым поручениям С.С. Зотовым, получившим статус полномочного представителя президента [Указ...]. Главе делегации были даны широкие полномочия для ведения сложнейших переговоров, призванных обеспечить цивилизованный «развод» двух республик, проживших полвека под одной крышей, и подвести под этот «бракоразводный» процесс солидную договорно-правовую базу. Особую трудность представляли военные вопросы. Предписывалось сделать все возможное для решения комплекса таких задач, как:

- выработка достойных для России условий планомерного вывода войск в приемлемые сроки и их правового положения на период вывода;
- обеспечение прав российских граждан, в том числе военных пенсионеров и этнических россиян, проживающих в Латвии;
- достижение договоренностей о продолжении функционирования на временной основе после вывода войск трех стратегических объектов РФ;
- решение вопросов компенсации за оставляемое войсками движимое и недвижимое имущество ВС РФ.

Латвийская сторона изначально рассчитывала на поддержку Запада и идейную обстановку в самой России, где явные проприбалтийские симпатии гнездились, в том числе, в руководстве МИД РФ, в окружении министра иностранных дел А. Козырева. Поэтому в начале переговоров она фактически выдвигала ультиматумы в ответ на четко поставленные российской делегацией практические вопросы. То, что в конечном итоге, наряду с достойными условиями вывода российских войск, удалось одновременно добиться решения вопросов социальной защищенности военных пенсионеров, военнослужащих и их семей, проживавших на территории Латвии, и договориться о правовом статусе РЛС в Скрунде — результат исключительного упорства и твердости российской делегации. Ей, состоявшей из высокопрофессиональных дипломатов и переговорщиков классической советской школы, а не «революционного призыва», приходилось и завышать изначальную планку, и принимать решения на свой страх и риск, и смело обращаться напрямую к президенту РФ, когда козыревское руководство МИД готово было во всем потакать другой стороне.

С самого начала переговоров латвийская делегация резко негативно отреагировала на постановку нами вопроса о продолжении функционирования стратегических объек-

тов ВС РФ. Было заявлено, что латвийская сторона не допустит военных баз на своей территории. Вывод войск должен был, по ее мнению, быть «полным и безоговорочным».

Добиться сдвига в этом вопросе после двухлетних баталий удалось только путем жесткой увязки в единый пакет вопроса сокращения сроков вывода войск, что имело капитальное значение для латышей, с достижением соглашений по вопросам социальной защиты военных пенсионеров и сохранения РЛС в Скрунде после вывода войск. После объявленного президентом РФ сокращения срока вывода войск на 5 лет (он был перенесен с 1999 г. на 1994 г.) Латвия добивалась завершения этого вывода к сентябрю 1994 г.

Идея «пакетного решения», часто применяемого в дипломатических переговорах, вызвала противодействие не только латвийской делегации, но и окружения министра А.В. Козырева. В последующем с обеих сторон долгое время предпринимались попытки разорвать этот «пакет». Они напоминали детектив: тайные поездки козыревских посланцев в Ригу за спиной госделегации, утечки информации на Смоленской площади, дезавуирование заявлений главы госделегации, подсовывание президенту РФ натовской идеи приоритетного и досрочного вывода только боевых частей, подмена концепции подписания межгосударственных документов суррогатным и ни к чему не обязывающим латвийскую сторону «меморандумом». Это была предательская линия А.В. Козырева с единственной целью — выполнить требование покровительствовавших ему Соединенных Штатов и «закрыть» РЛС в Скрунде.

Твердость госделегации в отстаивании «пакетного» подхода дала свои результаты. В январе 1994 г. латвийская сторона вынуждена была начать обсуждение судьбы стратегических объектов ВС РФ на период после вывода войск. Мы добивались, чтобы для РЛС системы предупреждения о ракетном нападении был установлен срок временного функционирования в 10 лет, для Центра в Вентспилсе — 6 лет, для базы подводных лодок Балтийского флота в Лиепае — 5 лет. Переговоры шли трудно. Мы вынуждены были отказаться от объектов в Вентспилсе и Лиепае, чтобы сохранить РЛС СПРН в Скрунде.

О геостратегической важности для России этого объекта мне рассказали в Кремле руководители Совета Безопасности РФ. Такие станции — технически сложные и дорогостоящие объекты (0,5 млрд. руб. в ценах 1991 г.) — были уже развернуты или находились в стадии завершения развертывания по периферии бывшего СССР и создавали сплошное радиолокационное поле слежения за воздушно-космическим пространством. В считанные секунды станция системы предупреждения о ракетном нападении фиксировала запуск ракеты в любой точке земного шара, показывала ее траекторию и поражаемую цель, выдавала координаты как для ракеты-перехватчика, так и для всей отечественной глобальной системы ПРО, включая подводные лодки в Мировом океане и космические средства. Была создана единая цепь из 9 РЛС СПРН по периметру территории СССР. После распада единой страны на территории нынешней РФ находились 3 станции, а еще 6 на тот период оказались на территориях стран СНГ —

Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Украины — и Латвии. В связи с образованием суверенных государств встал вопрос об определении статуса и порядка использования станций СПРН, оказавшихся за пределами России. Переговоры с этими государствами проходили в непростой обстановке, но Россия надеялась на позитивный исход и заключение соответствующих соглашений.

Нелишне привести весьма меткие суждения Н.А. Нарочницкой о том, как можно было бы использовать один трудно оспариваемый аргумент, сформулированный в ряде ее работ и выступлений: важной особенностью военно-стратегического положения России после разрушения СССР было то, что новые границы РФ не совпадали с ее военно-стратегическим пространством, коим по-прежнему оставалась территория СССР. Этот тезис юридически следовал из того, что Россия была признана всем миром и прежде всего Соединенными Штатами (тогда остро заинтересованными в нерасползании ответственности в области ядерных вооружений) как единственный «продолжатель личности» (континуитет) СССР во всех договорах по ядерному разоружению. Этот факт никем никогда не оспаривался, однако юридические следствия такого положения почему-то не использовались российской внешней политикой 1990-х годов.

Полезно было осознать, пишет Н.А. Нарочницкая, что существует понятие «географическая зона действия договора». Именно территория СССР в конкретных военно-стратегических характеристиках, измерениях и конфигурациях определена как то географическое пространство, на котором продолжили и в послесоветское время действовать все договоры по разоружению, включая фундамент этой договорной системы — Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО, 1972) и Протокол к нему (1974), Временное соглашение о некоторых мерах в области стратегических наступательных вооружений (ОСВ-I, 1972), Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-II, 1979), Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД, 1987), Договор о сокращении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ, 1990) и Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-I, 1991).

Следовательно, логично рассуждает Н.А. Нарочницкая [*Нарочницкая*, с. 492–493], Российская Федерация унаследовала военно-стратегическое пространство Советского Союза в качестве зоны своей договорной ответственности и ядерной безопасности. Ни одно государство не может допустить появления на своем военно-стратегическом пространстве вооруженных сил третьих государств или вступления частей этого пространства в союзы и блоки, направленные против него. Этот тезис мог бы быть своевременно сделан юридическим инструментом обоснования красной линии нераспространения НАТО. Однако Москвой он не был использован в обстановке полной идеологической и морально-политической разоруженности перед США [Там же].

Помимо этого в статье VI (пункт b) Договора об ограничении систем ПРО содержится обязательство «не разворачивать в будущем РЛС предупреждения о нападении стратегических баллистических ракет, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне» [Договор...26 мая 1972]. Таким ограниче-

нием Договор запрещал одновременное функционирование станций и как «системы предупреждения», и как «РЛС системы ПРО». А это означало, что демонтировать станцию в Скрунде и перенести в глубь географической зоны действия Договора ПРО — то есть уже на территорию РФ — не только было бы технически невозможно, но и стало бы нарушением статьи VI Договора по ПРО. С течением времени такой аргумент постепенно терял действенность, ибо США тяготились Договором по ПРО и, как известно, отказались от него в 2002 г.

Тем не менее руководители Совета безопасности РФ подчеркивали особую важность сохранения в единой цепочке системы предупреждения о ракетном нападении узла в Скрунде, расположенного на самом опасном для нас участке потенциального ракетного удара. Перед госделегацией на переговорах с Латвией ставилась задача добиться сохранения объекта «любой ценой», хотя бы на минимальный срок в 4 года, который позволял компенсировать потерю созданием дублирующей системы на станции в Барановичах (Белоруссия) и в космосе. Меня информировали о том, что США скрытно всячески противодействуют сохранению РЛС в Скрунде через своих людей в латвийских политических кругах.

Переговоры начались на фоне провокации: «неизвестными» под покровом ночи была взорвана бетонная мачта линии энергоснабжения РЛС, была развернута кампания в СМИ, доказывавшая опасность-де излучений РЛС для жителей близлежащих населенных пунктов.

Кульминационным моментом в переговорах стал своего рода ультиматум, сформулированный латвийской делегацией по условиям сохранения РЛС. Сама процедура объявления этих условий была подготовлена в расчете на то, что они будут для нас неприемлемыми, и соответственно дальнейшее обсуждение станет невозможным. Предвосхищая свою победу, латвийская делегация пригласила большое количество журналистов и корреспондентов западных СМИ.

Основные требования латвийской стороны заключались в следующем:

- Российская сторона отказывается от статуса РЛС как военной базы.
- На объекте запрещается государственная символика: вывешивание российского государственного флага и пр.
- По всему внешнему периметру объекта устанавливается система охраны латвийским персоналом.
- На объекте вводится пропускной режим для всех работников РЛС, причем постоянные и временные пропуска должны выписываться латвийскими властями.
- Все грузы, оборудование и проч., ввозимые на территорию РЛС и вывозимые с нее, будут подвергаться таможенному досмотру.
- Российская сторона представляет сведения об оружии, имеющемся на территории объекта, включая личное стрелковое оружие; номера такого оружия должны передаваться латвийской стороне.
- Российская сторона берет обязательство за свой счет демонтировать недостроенное здание новой РЛС.

- Латвийская сторона вводит режим контрольных инспекций на территории РЛС, причем российская сторона соглашается, что эти инспекции могут осуществляться без предупреждения в любое время суток.
- Все надписи по внешней стороне объекта разрешаются только на латышском языке.

Латвийская делегация покинула зал переговоров, чтобы могли обсудить между собой этот латвийский «ультиматум», сочиненный, в чем у нас не было сомнений, не без помощи натовцев. Четыре генерала — члены российской делегации — и все военные эксперты высказались против латвийских предложений и предлагали отклонить их без обсуждений. Я же сразу почувствовал, что можно выхлостить эти требования, ибо для латышской стороны важнее была скорее не суть, а видимость удовлетворения их деклараций. Мне и моим аргументам, что эти предложения можно изощренно вывернуть и выйти на компромиссный вариант, даже гражданские коллеги сначала не поверили, что уж говорить о военных, которые были весьма удручены. Брать паузу в переговорах — означало сыграть на руку нашим противникам. Согласовывать мое решение с руководством МИД не было времени, да и, зная готовность Козырева идти на любые уступки ради одобрения со стороны партнеров на Западе, было опасным и непродуктивным.

Понимая драматизм момента для будущей судьбы РЛС и ссылаясь на широкие полномочия, данные мне президентом РФ, я сказал коллегам, что беру на себя личную ответственность и даю согласие на обсуждение. Я был убежден, что кажущиеся, на первый взгляд, унижительными для персонала РЛС условия на самом деле можно так переформулировать и наполнить, что они не помешают нормальному функционированию объекта.

Приняв к сведению слова генералов о том, что они будут вынуждены доложить о своем несогласии министру обороны, я пригласил в зал латвийских партнеров по переговорам и изумил их заявлением о готовности делегации рассмотреть внесенные ими предложения.

Давая согласие на обсуждение латвийских предложений, мы отметили, что конкретные формулировки «нуждаются в доработке». Требования «проведения инспекций в любое время суток» было нами отвергнуто, но одновременно я предложил как бы даже «усилить» саму идею инспекций, которые, в нашем понимании, должны обеспечить прозрачность деятельности персонала станции и убедить латышей в отсутствии у России планов подрыва ее безопасности. Опираясь на свой 20-летний опыт работы по тематике Хельсинкского процесса, начиная с участия в разработке Заключительного акта в 1972–1975 гг., я предложил придать инспекциям международный характер с использованием механизма СБСЕ. Дипломатическая хитрость заключалась в том, что тем самым устранялось участие в инспекциях скандальных латвийских депутатов-националистов, а правило «консенсуса» в СБСЕ давало нам возможность заблокировать какие-либо нежелательные для нас процедуры.

Для латвийской делегации и журналистов, собравшихся на «похороны» переговоров по РЛС, которые они так предвкушали, российская конструктивная реакция на латвийский ультиматум стала сенсацией. Противники сохранения РЛС потерпели поражение. Однако до завершения выработки окончательного текста соглашения еще предстояла борьба.

Позднее, уже после подписания с Латвией соглашения о Скрундской РЛС, я представил на пленарном заседании представителей стран-участниц Хельсинкского процесса в Вене положение об инспекциях СБСЕ, которое было одобрено и зафиксировано в документах этой организации. Тем самым Латвия, мечтавшая единолично и полновластно хозяйничать на станции в период ее остаточного существования, полностью лишилась этой возможности, Россия получила дополнительные, притом международные гарантии надежного функционирования РЛС, а само соглашение по РЛС — международно-правовое измерение.

16 марта 1994 г. «Соглашение между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции на период ее временного функционирования и демонтажа» [Соглашение...] было согласовано и парафировано главами госделегаций. Это открывало дорогу для визита в Москву президента Латвии Г. Улманиса и подписания подготовленных на переговорах наших делегаций межгосударственных документов.

Срок функционирования РЛС после вывода войск был определен в четыре года (с 01.09.1994 по 31.08.1998), срок демонтажа — в два года (с 01.09.1998 по 29.02.2000). За РЛС закреплялся земельный участок в 164,5 га. Численность персонала была ограничена: не более 559 военных специалистов и 199 гражданских служащих. За ними и членами их семей признавалось право собственности на движимое и недвижимое имущество, право распоряжаться этим имуществом. На территории объекта могла работать средняя школа для детей персонала. Контроль за исполнением Соглашения возлагался на инспекции СБСЕ по графику, предполагающему их проведение в количестве не более двух периодических и двух внеочередных. При внеочередных инспекциях латвийская сторона должна была предупреждать руководителя объекта за 48 часов.

В согласованном тексте Соглашения расходы по демонтажу и сносу недостроенного 10-этажного здания по требованию латышей возлагались на российскую сторону. Их объем Министерство обороны РФ определило в несколько миллиардов рублей (в ценах 1994 г.) и значительную сумму в свободно конвертируемой валюте. Эти средства госделегация должна была запросить в российском правительстве.

Для России расходы на демонтаж и разрушение недостроенного объекта были бы значительным бременем в общей сумме больших затрат, связанных с выводом мощной группировки войск, тем более в момент огромных экономических и бюджетных трудностей, переживаемых страной в 1990-х годах. Но этим жестом Латвия планировала также нанести и политическую пощечину — еще одно унижение России, заставив ее саму уничтожать свое достояние, тем самым дополнительно демонстрируя якобы «оккупационный» характер появления этого стратегического объекта.

Стремление избежать таких политических издержек подтолкнуло меня к поиску возможностей минимизировать наши затраты по этому обязательству. Я пошел на дипломатическую хитрость: посетил премьер-министра В. Биркавса и в «доверительном плане» сообщил ему, что хотя мы не отказываемся от обязательств, но к столь ожидаемому латышами в июне 1994 г. визиту президента США Б. Клинтона мы никак не сможем осуществить эти работы. В личном плане высказал мысль о том, что американцы с удовольствием профинансируют уничтожение одного из символов «советского присутствия». И это сработало.

Далее, вернувшись в Москву, я пригласил на Смоленскую площадь для беседы временного поверенного в делах США Дж. Мандел, которую мы приняли вместе с моим помощником А.А. Андреевым, ныне являющимся главным советником одного из департаментов МИД РФ. Когда мы ввели американскую коллегу в курс дела, наша собеседница горячо поблагодарила за подсказку, позволяющую, по ее словам, сохранить для западного мира значимость первого визита президента США в Латвию. Она спокойно восприняла сумму в 10 млн. долл., названную мне латвийцами в качестве стоимости демонтажа и взрывных работ, и пообещала согласовать этот вопрос с Вашингтоном. Через неделю Дж. Мандел сообщила, что согласие американских властей на выделение указанной суммы получено. Я информировал об этом наших латвийских коллег, которые с большим удовлетворением согласились внести изменения в согласованный проект Соглашения и записать, что **«латвийская сторона за свой счет осуществляет демонтаж недостроенной станции»**. Так российская дипломатия позволила госбюджету сэкономить несколько десятков миллиардов рублей, не говоря уже об избавлении России от унижения.

Другая интрига заключалась в том, что в парафированном главами госделегаций проекте не был указан размер годовой арендной платы за пользование земельным участком под РЛС. Латвийская сторона настаивала на том, чтобы взять за пример платежи США по аренде военной базы на Филиппинах — 400 млн. долл. Очевидно, что это была «запросная» позиция, которая представлялась нереальной, и наша делегация ее отвергла. На тот момент мы не успели запросить мнение на этот счет правительства РФ, поэтому я предложил «на свой страх и риск» минимально возможную плату за аренду — 2 млн. долл. против их 400 млн!

На всех последующих встречах госделегаций шел жесткий торг по этому вопросу. Латвийская делегация «спустила» цифру сначала до 240 млн. долл., затем до 140 млн. Мною была названа цифра 3 млн. долл. Эти «ножницы» сохранялись до последней встречи госделегаций, проходившей за несколько дней до объявленного на 30 апреля 1994 г. визита в Москву президента Латвии Г. Улманиса. Оставлять несогласованным текст международного договора, который заблаговременно печатается на гербовой бумаге, было рискованно. После ожесточенных дебатов мы сделали уступку и предложили зафиксировать сумму в 4 млн. долл. Это не было принято. В тексте соглашения оставалось «белое пятно».

К этому времени правительство РФ определило «резервную» позицию для госделегации по аренде на уровне 10 млн. долл., но я был убежден, что в этом вопросе надо

стоять до конца: у России, несшей огромные расходы по передислокации 58-тысячной армии, лишних денег не было. Я понимал, что шансы на успех в преодолении столь большого разрыва — между 140 млн. долл. и 4 млн. долл. — были минимальными, тем более, что решение передавалось на рассмотрение президентов двух стран. Поэтому 29 апреля, накануне приезда в Москву президента Латвии, я сделал запрос на встречу с первым заместителем главы правительства О.Н. Сосковцом, который в отсутствие премьера В.В. Черномырдина должен был подписать соглашение о РЛС в Скрунде. Он был информирован о серьезных расхождениях в позициях двух делегаций по размерам аренды.

Я попросил Олега Николаевича, как и.о. главы правительства, при обсуждении президентами этого вопроса в Кремле «удержать» Б.Н. Ельцина, насколько это возможно, от значительных уступок в этом вопросе. О.Н. Сосковец пообещать ничего не смог. Тогда я решил попробовать в качестве последнего средства найти возможность изложить свою позицию самому президенту РФ перед его встречей с Г. Улманисом. Помощник президента Д.Б. Рюриков, к которому я обратился за помощью, сообщил, что такая встреча возможна лишь на 5–10 минут по ходу движения Б.Н. Ельцина из своего кабинета в Георгиевский зал Кремля, где проходят торжественные церемонии приема глав иностранных государств. Д.Б. Рюриков рассчитал все по минутам, и я «перехватил» Б.Н. Ельцина в указанном мне месте. Хорошо запомнилось, как мы шли по прогибавшемуся под нами дощатому настилу в бывшем зале заседаний ЦК КПСС, который лучшие реставраторы превращали в «тронный» Андреевский зал Кремля.

Поблагодарив Б.Н. Ельцина за доверие, порученную мне ответственную миссию и за «заявления президента РФ», сделанные по ходу переговоров в поддержку позиций госделегации, я заверил его, что подготовленные к подписанию основные договоры об условиях вывода войск и три соглашения полностью отвечают российским национальным интересам.

Б.Н. Ельцин сказал, что доволен тем, как вела переговоры его делегация. Его одобрение меня вдохновило и позволило обратиться к нему с просьбой: если президент сочтет возможным пойти навстречу требованиям латвийской стороны, добивающейся фиксации суммы годовой аренды участка под РЛС в 140 млн. долл., то отстаиваемую делегацией сумму в 4 млн. долл. не следует увеличивать более чем на 1 млн. долл. Когда я попросил Б.Н. Ельцина поддержать эту выверенную и хорошо просчитанную позицию, он ответил одним словом: «Учту».

После церемонии встречи двух президентов гости и участники встречи переместились в Екатерининский зал. Открывая официальную часть переговоров, Б.Н. Ельцин заметил, что в соглашении о правовом статусе РЛС в Скрунде не согласована сумма арендных платежей. «Определять ее — не царское дело» — сказал он и, обращаясь к Г. Улманису, предложил, чтобы О.Н. Сосковец и глава государственной делегации посол С.С. Зотов с российской стороны и представители Латвии вышли в соседний зал и срочно решили эту проблему. Президент Латвии поручил эту работу премьер-министру В. Биржавсу и главе латвийской делегации М. Вирсису.

В узком составе латвийские гости повторили свое требование установить платежи в размере 140 млн. долл. О.Н. Сосковец назвал нашу цифру в 4 млн. долл. С латвийской стороны последовали отчаянные попытки закрепить сумму аренды сначала на цифре 40 млн. долл., затем 14 млн. долл. Возражая, я подчеркнул, что Россия оставляет в Латвии недвижимое имущество на миллиарды рублей. И идя ва-банк, добавил на свой страх и риск: «Через банки и структуры Латвии идет перекачка огромных средств и ресурсов из России. Перед госделегацией пока не ставилась задача дать правительству РФ предложения по перекрытию каналов ограбления нашей страны на прибалтийском направлении, но я обещаю, что после подписания пакета соглашений по выводу войск госделегация вплотную займется этим вопросом».

Эта «угроза», как мне показалось, попала в цель. Премьер-министр В. Биркавс произнес: «Ваше последнее слово, Олег Николаевич?» О.Н. Сосковец встал, протянул руку гостям и произнес: «Пять миллионов долларов». Развязка наступила вовремя: посланцы двух президентов уже не раз заглядывали в дверь с просьбой ускорить решение вопроса.

Когда я возвращался в Екатерининский зал и проходил мимо кресла Б.Н. Ельцина, он остановил меня. Я сообщил: «Аренда за 5 млн. долл. согласована». Его лицо осветила довольная и даже добрая улыбка, которая для меня была своего рода наградой. После нашей утренней встречи у меня было ощущение, что президент не верил в возможность отстоять минимальную арендную плату на пленарных переговорах с Г. Улманисом, поэтому, чтобы не потерять лицо, публично отправил решать этот вопрос О.Н. Сосковца и меня, давая мне шанс рискнуть и решить проблему на уровне исполнителей.

Согласованная сумма аренды — 5 млн. долл. — была тут же внесена «от руки» в подготовленный к подписанию текст.

Успешное подписание столь ожидаемых международных соглашений было отмечено во Владимирском зале небольшим приемом с шампанским, во время которого Б.Н. Ельцин дважды подходил ко мне, душевно благодарил и крепко жал руку. От министра А.В. Козырева госделегация благодарности не услышала, хотя в официальной Записке МИД Президенту РФ успешное завершение переговоров было оценено как «крупный внешнеполитический прорыв».

Это был действительно прорыв, ибо в начале переговоров латвийская сторона и слышать не хотела ни об увязке вывода войск с соглашениями во другим вопросам, ни об обеспечении прав российских военных пенсионеров, рассчитывая на безоговорочное принятие ее ультиматумов. Теперь же был подписан целый пакет документов: базовый Договор об условиях, сроках и порядке вывода с территории Латвийской Республики ВС РФ и их правовом статусе на период вывода; Соглашение по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики; Соглашение по вопросам социальной защищенности военнослужащих ВС РФ и пограничных войск РФ и членов их семей, временно находящихся на территории Латвийской Республики до полного их вывода; Соглашение о правовом статусе Скрундской РЛС на период временного функционирования и демонтажа [Со-

глашение...]. (См. Дипломатический вестник, № 11–12, июнь 1994 г.). Такой итог совершенно безнадежного, как казалось вначале, дела, продемонстрировал, как важно бороться до конца, отстаивать каждую пядь, каждую «высоту» не только в годы Великой Отечественной войны, но и в битвах дипломатических.

Тем не менее, с высоты сегодняшнего дня и прошедших 25 лет, подтверждается и грустный вывод о том, что отдельные дипломатические успехи не могут иметь стратегического значения, если в целом сама концепция внешней политики не имеет системной целостности, является капитулянтской, как это было во времена А.В. Козырева, не исходит из признания вечных неизменных интересов страны и даже отличается элементарной близорукостью.

В начале постсоветского периода, отмеченного эйфорией инфантильного сахаровско-горбачевского «нового мышления», различные мозговые центры типа фонда Карнеги распространяли успокоительные идеи, что будто бы постепенно интересы русского населения стран Прибалтики сближаются с предпочтениями титульного населения, что вступление в НАТО этих стран вовсе не угрожает России. Главное якобы заключалось в освобождении демократической России от имперских амбиций, ибо все ее проблемы — это объективное следствие советской истории — «преступного» пакта Молотова-Риббентропа и нелегитимного лишения советскими войсками в 1940 г. независимости прибалтийских государств.

Очевидный концептуальный провал российской внешней политики начала 1990-х годов в этом важнейшем регионе, несмотря на отдельные прорывы, сегодня обернулся для России утратой ее почти трехсотлетних позиций на Балтике, членством прибалтийских республик в НАТО и превращением их в наиболее враждебный России «отряд» в европейских международных структурах. В демократической Европе, гордящейся своими стандартами в области прав человека, появился внушительный контингент «неграждан» — лиц без гражданства.

«Демократическая Россия» весьма далека от имперства. Но через 25 лет после вывода российских войск из Прибалтики легионеры СС и их сторонники маршируют по улицам Риги и Таллина, памятники советским солдатам низвергаются при полном попустительстве НАТО и ЕС, русские лишены права получать образование на родном языке, правительства и парламенты прибалтийских государств принимают документы о том, что победа над фашизмом была поражением и оккупацией. Мировое сообщество на все более официальном уровне соучаствует в ревизии интерпретации смысла и истории Второй мировой войны, забыв не только о собственных прежних оценках, но и о собственных прошлых деяниях.

Литература

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными госу-

- дарствами. М. 1974. Вып. XXVIII. С. 31–35. — URL: armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm (дата обращения: 04.08.2019).
- Нарочницкая Н.А.* Россия в идейных и геополитических проектах мировой истории, конец XIX — XX вв.: В свете религиозно-философских основ истории: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.03. М. 2002. — 553 с.
- Указ Президента Российской Федерации. О делегации Российской Федерации на переговорах с Латвийской Республикой. — URL: docs.cntd.ru/document/901603374 (дата обращения: 04.08.2019).
- Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-22 «О признании независимости Латвийской Республики» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37. — URL: vedomosti.sssr.su/1991/37/#1091 (дата обращения: 04.08.2019).
- Соглашение между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции на период её временного функционирования и демонтажа. — URL: docs.cntd.ru/document/1900468 (дата обращения: 04.08.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-45-55

УДК 327; 339

Станислав Митрахович

«Газовый треугольник» РФ–ЕС–Украина: в ожидании рисков

Аннотация. Подготовка к заключению нового транзитного газового контракта между Россией и Украиной в конце 2019 г. оказалась крайне сложным политико-экономическим процессом, затрагивающим интересы различных игроков. Столкнулись интересы и позиции российского и украинского политического руководства, бизнес-компаний обеих стран, а также США, ЕС, Германии. Важным политическим контекстом энергетической дипломатии в связи с подготовкой нового контракта стала интеграционная политика ЕС, в том числе по имплементации норм обновленной Газовой директивы ЕС в право государств Союза.

Ключевые слова: газопроводы, газопроводная политика, Европейский союз, российско-европейские отношения, российско-украинские отношения, российско-украинский контракт на транзит газа.

Проблема обходных (то есть обходящих Украину) газопроводов в Европу возникла в результате постепенного ухудшения российско-украинских отношений в газовой сфере (как минимум, с момента перекрытия газового транзита в 2006 г.). Желание России сократить зависимость от Украины в газовых вопросах во многом стало реакцией на стратегические планы самой Украины отдалиться от Москвы, а также на попытки Киева после «оранжевой революции» активизировать свое участие в евроинтеграции в пику российскому видению оптимальных отношений на постсоветском пространстве. Евромайдан 2014 г. лишь усилил давно вызревавшие тренды.

Конец осени 2019 г. был для Газпрома достаточно удачным с точки зрения продвижения обходных газопроводов в Европу. Уже есть разрешение Дании на строительство «Северного потока — 2» (СП–2) в ее исключительной экономической зоне. Появилось еще и решение немецкого парламента (бундестага) принять поправки к внутреннему законодательству ФРГ относительно национальной имплементации обновленной Газовой директивы ЕС.

Решение бундестаг принял со второй попытки — поначалу мешали определенные разногласия в германской элите по вопросу СП–2. Однако фундаментальный фактор заинтересованности большинства политического и экономического класса ФРГ в этом проекте взял верх, и поправки были одобрены.

Сведения об авторе: МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович — ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности, старший преподаватель, старший научный сотрудник Финансового университета при правительстве РФ; stasmitr@mail.ru.

Политико-юридический смысл происшедшего в том, что партнеры СП–2 добились в Германии принятия закона, выводящего газопровод из-под регулирования Третьего энергопакета (Газовой директивы) по упрощенной схеме. Принятая весной 2019 г. Газовая директива на уровне ЕС подразумевает, что приходящие в страны ЕС морские газопроводы должны соответствовать требованиям о разделении видов деятельности по поставке и транспортировке газа, а также по доступу третьих лиц. Из буквального прочтения данной директивы следует, что Nord Stream 2 AG, владелец и оператор СП–2, не может загружать газопровод полностью только своим газом. Но обновленная Газовая директива позволяет национальному государству в порядке исключения выводить газопровод, приходящий извне ЕС, из-под антимонопольных требований. Причем подобное исключение допускается как по упрощенной, так и по сложной схеме.

Германии удалось пробить такую форму имплементации Газовой директивы ЕС в свое национальное законодательство, которая в теории позволит вывести СП–2 из-под регулирования по упрощенной схеме. Будет считаться, что это «старый» газопровод, в него уже вложены деньги (хоть он еще и не закончен), а потому он и не должен регулироваться обновленной Газовой директивой. Формальной датой, отделяющей «старые» газопроводы от «новых», в Газовой директиве считается 23 мая 2019 г.

Германии придется согласовывать свое решение с Европейской комиссией. Таков был компромисс, достигнутый в рамках реформы Газовой директивы ЕС весной 2019 г. Точнее, Еврокомиссия может именно так трактовать этот момент, потребовав у Германии согласования. Ведь Третий энергетический пакет изначально был очень политизированным и инструментальным [Европейская интеграция...]. Кроме того, это та часть европейского права, которая совсем молода, в которой нет опыта применения и его интерпретации на практике. Соответственно, у еврократов может возникнуть желание инструментально и именно «под себя» трактовать энергетическое право ЕС. Польша уже пообещала, что будет «отстаивать применение Германией норм ЕС применительно к СП–2». На практике этот процесс может выражаться в столкновениях внутри институтов ЕС (в Совете ЕС, Еврокомиссии, в Суде ЕС и т. д.).

Поскольку объективно роль Германии в Евросоюзе куда выше, чем роль Польши, да и частью еврократов являются как раз ставленники Берлина, то велика вероятность, что в итоге Еврокомиссия утвердит немецкое прочтение Газовой директивы. Тем более что остаются и иные способы обойти антимонопольное регулирование и организовать полную загрузку Северного потока — 2.

Во-первых, Германия могла бы пойти на более сложную схему выведения СП–2 из-под действия Газовой директивы — апеллируя не ко времени реализации проекта («старый» он или «новый»), а пользуясь своим национальным правом на предоставление разрешения. Весьма вероятно, что подобный подход потребовал бы пересмотра схемы владения и организации работы СП–2. Например, можно выделить для управления 12-мильным участком трубопровода в территориальных водах ФРГ отдельную компанию, где Газпром формально не будет контролирующим акционером. Кстати,

такая компания, по сообщениям немецкой газеты Handelsblatt, предварительно уже была создана, но пока как «пустышка», без передачи ей активов.

Во-вторых, сам Газпром мог бы договариваться со своими партнерами о переносе точек выдачи газа. Вариантов много: например, продажа газа на территории России, на виртуальном хабе в Балтийском море, на входе в Германию у Грайфсвальда. Подобные шаги тоже потребовали бы согласования, возможно, даже отстаивания их в судебном порядке, но при поддержке ФРГ схема скорее всего сработала бы. Поэтому принятое в ноябре 2019 г. решение бундестага по имплементации Газовой директивы, хотя оно и облегчает задачу для Газпрома и СП–2, не было абсолютно необходимым, а его отсутствие само по себе не остановило бы проект и не оставило бы трубу на долгие годы полупустой.

В-третьих, можно было бы попытаться оспорить само введение в право стран ЕС обновленной Газовой директивы применительно к СП–2. Nord Stream 2 AG уже успела подать в Суд ЕС на Еврокомиссию и в арбитраж ad hoc на ЕС (это два разных иска) с целью получить исключения для СП–2 и добиться отмены части поправок к Газовой директиве. Но конкретно эти юридические механизмы вряд ли помогут инициаторам в России газовой проекту — Комиссия не допустит столь очевидной «потери лица». Тем более что Nord Stream 2 AG ссылается в арбитраже на Энергетическую хартию, которую признает Швейцария, где зарегистрирована швейцарская дочка Газпрома, но не признает сама Россия; поэтому ссылка не выглядит убедительной.

Позитивной новостью для Газпрома стали официальные сообщения об окончании строительства первой нити газопровода Eugal (продолжения СП–2 в Германии) и начале заполнения ее газом в ходе подготовки к пусконаладочным работам. Впрочем, вторая нитка Eugal будет построена лишь к концу 2020 г. — ускорения работ на этом направлении пока нет. Это значит, что при всем желании СП–2 в 2020 г. никак не сможет работать на полную мощность, даже если Германия приложит все усилия для разрешения политико-правовых проблем.

Тем не менее бои в институтах ЕС еще продолжатся. Польша не только фактически пригрозила Германии судами, но и уже оштрафовала одного из кредиторов СП–2, французскую Engie, примерно на 40 млн евро — за якобы имевший место отказ французской компании предоставить подробную информацию о своем участии в проекте СП–2 (данные о распределении, транспортировке, продаже, поставках и хранении газа). Engie пообещала оспорить решение польского антимонопольного регулятора UOKiK в суде. Согласно нормам европейского права, штраф за нарушение антимонопольного законодательства может достигать 10% от годового оборота компании. В 2018 г. выручка Engie составила 60,6 млрд евро¹, так что теоретически поляки могут наложить и более крупные штрафы на этого и других участников проекта СП–2. Другое дело, как отреагируют пострадавшие компании и их «материнские» страны. Поднятие ставок в игре

---

1 Польша оштрафовала партнера Газпрома по «Северному потоку — 2» // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/11/08/815789-severnomu-potoku-2>

выше определенного уровня создает риски и для самой Польши — особенно когда решается вопрос об окончании практики субсидирования из средств ЕС программ развития стран, присоединившихся к ЕС в ходе его расширения на восток: есть версия, что субсидирование может продолжиться в новой форме, но оно может и прекратиться.

Показательно решение Польши оштрафовать в качестве «демонстративной жертвы» именно Engie. Эта компания всегда была «слабым звеном» в проекте «Северный поток — 2», больше всех опасалась санкций и даже неоднократно заявляла публично, что выйдет из проекта, если против него будут введены санкции США. С одной стороны, удар по столь «покладистой» и «послушной» компании можно считать особенно несправедливым. С другой стороны, как раз имидж «слишком осторожной» компании (в сравнении с немцами или австрийцами), возможно, и сыграл с французами дурную шутку. Но и Варшава в ситуации с Engie рискует, учитывая виды французского президента Э. Макрона на лидерство в Евросоюзе после скорого ухода А. Меркель не просто с поста немецкого канцлера, но и с неформального трона «главного политика ЕС».

Если противники СП–2 уже окончательно смирились с тем, что газопровод будет построен, и перешли от борьбы с его строительством к борьбе с его заполнением газом, то на южном маршруте вопросы прокладки новых газопроводов, ведущих из России в Европу, все еще не решены. Труба через Болгарию до Сербии, которая должна прокачивать газ из второй нитки «Турецкого потока», будет готова в лучшем случае лишь летом 2020 г. Общая зависимость Болгарии от «советов» из Вашингтона сохраняется, это давняя особенность политики Софии. Риски здесь не исключены, достаточно вспомнить судьбу проекта «Южный поток», связанную с решением в том числе именно Болгарии. Эта страна в силу давления со стороны Вашингтона и части Евробюрократии (Болгарии указали, что она может потерять сельскохозяйственные субсидии ЕС) отказалась согласовывать строительство своей части «Южного потока», в итоге заблокировав весь проект [Митрахович]. Хотя сам «Турецкий поток», согласно заявлению Р.Т. Эрдогана, будет запущен 8 января 2020 г.

Южный маршрут сейчас даже важнее для РФ, чем северный, поскольку точные сроки запуска первой нитки «Турецкого потока» оказались конкретным аргументом в переговорах с Украиной относительно нового контракта по транзиту российского газа. Успехи же в продвижении СП–2 дают психологическое преимущество российским переговорщикам и важны с точки зрения обсуждения вопросов транзита со второй половины 2020 г. На самые тяжелые, с точки зрения рисков прерывания транзита, первые месяцы 2020 г. (в зимние месяцы самое большое потребление газа) СП–2, в отличие от «Турецкого потока», никак не влияет.

«Турецкий поток» нужен России и для снабжения — в случае прерывания украинского транзита — такой проблемной страны, как Молдавия. Приднестровье официальная Москва пока считает частью Молдавии, а его снабжение газом всегда было политическим приоритетом России — настолько серьезным, что Приднестровье получает газ, не платя за него. С ноября 2019 г. и сама Молдавия приобрела имидж дружественного России государства, за снабжение которого газом необходимо брать на себя особую

ответственность. Ведь новым премьером Молдавии стал Ион Кику, ставленник условно пророссийского президента Игоря Додона. Подобный расклад может оказаться временным, к власти в Кишиневе могут вновь прийти сторонники приоритетной евроинтеграции, но сейчас позволить замерзнуть Молдавии, которая только-только «развернулась в сторону России», было бы очень нецелесообразно с политической точки зрения.

Снабжать газом «большую Молдавию» теоретически можно и через Румынию. Трансбалканский газопровод пересекает Молдавию и Румынию. Считается, что при его запуске в реверсном режиме газ из «Турецкого потока» мог бы доставляться в Румынию и далее в Молдавию. Но мощностей Трансбалканского газопровода может оказаться недостаточно, для надежности желательно достроить дополнительную инфраструктуру: трубу Яссы — Унгены — Кишинев (Яско-Унгенский сегмент уже построен).

В любом случае «молдавский кейс» придает дополнительную важность стабильной и полноценной работе «Турецкого потока» (или хотя бы его первой нитки) с января 2020 г.

Риски здесь связаны не только с реальным уровнем готовности инфраструктуры, которая может преувеличиваться турками и болгарами. Есть и сугубо политические риски, обусловленные амбициями Р. Эрдогана, который, понимая, насколько наличие работающих альтернатив украинскому транзиту сейчас важно для Москвы, может попытаться шантажировать Россию. Хотя формально «Турецкий поток» защищен и контрактом, и межправительственным соглашением, на деле Эрдоган в обмен на своевременный запуск и стабильную эксплуатацию «Турецкого потока» (в острый период гипотетических проблем с украинским транзитом) может потребовать от Москвы самых разных шагов — от уступок по Сирии до скидок на газ для турецких потребителей. Не следует также терять из виду, что в ноябре 2019 г. Р. Эрдоган посетил США по приглашению Д. Трампа, который пообещал ему большие экономические и торговые преференции в обмен на отказ от закупок российских ракетных систем С-400. Турецкий лидер на уступки Трампу не пошел, но его характер таков, что он еще может все переиграть, и в любом случае тактика с повышением ставок ему не чужда. (Вспомним хотя бы историю с «внезапным» уничтожением турецкими истребителями российского военного самолета в Сирии в 2015 г.)

К настоящему моменту (на конец 2019 г.) состоялось несколько раундов технических консультаций и собственно переговоров по газу, в том числе на политическом уровне (этот сюжет комментировал лично В. Зеленский после Нормандского саммита в Париже в декабре 2019 г.). Стороны объявили, что согласовали базовые принципы нового контракта; его технико-экономические параметры станут известны, возможно, в 2020 г.

До встречи В. Путина с В. Зеленским 9 декабря 2019 г. в Париже переговаривающиеся стороны лишь нагнетали взаимное давление, пытаясь одержать победу в «игре в труса» (game of chicken). Россия жестко настаивала на отказе Украины от исков в Стокгольмском арбитраже, включая и новые, и уже выигранный иск в 2018 г. Украина заявляла о своей полной готовности к остановке транзита, уверяя, что Газпром пострадает

Трансбалканский газопровод

Источник: nalin.ru

больше, а заодно грозила все новыми арестами собственности российского концерна в иностранных юрисдикциях. Очередная новость из этой серии пришла из Латвии, где «Нафтогаз» подал ходатайство в местный суд об аресте неких (неназванных) активов Газпрома во исполнение решений Стокгольмского арбитража. Теоретически арестовать можно самые разные активы: доли в компаниях, акции, газ в хранилищах и/или газотранспортных системах, банковские счета и пр.

«Задиристости» Украине добавило решение шведского суда в округе Света об отказе в апелляции (официальное название — «обжалование процедуры и принципов выне-

сенного Стокгольмским арбитражем решения»), которую подавал Газпром. Российская компания считала, что решение Стокгольмского арбитража было диспаритетным: российская сторона, в логике арбитражного решения, была обязана выполнять условие «качай или плати», то есть обязательно загружать украинскую ГТС, а украинская сторона не была обязана выполнять условия «бери или плати», то есть обязательно либо отбирать, либо оплачивать оговоренный в контракте объем газа. В итоге Стокгольмский арбитраж присудил Украине в начале 2018 г. 2,6 млрд долларов. Украинскую сторону данный успех подтолкнул идти и в латвийские суды с требованием арестов активов Газпрома. Причем Украина пообещала в скором будущем дальнейшие аресты активов Газпрома, вплоть до «Турецкого потока».

В реальности навредить Газпрому через арест активов сложно. Во-первых, в 2019 г. была отклонена апелляция Газпрома лишь по недоплате Украиной за газ в конце 2013 — начале 2014 г., а решение по собственно транзитному кейсу ожидается осенью 2020 г. Во-вторых, уже принятые решения об арестах в разных странах только ограничивают право Газпрома продать свое имущество новым владельцам, чего российская компания и так делать не собирается.

Но все же чаша весов в европейских судах явно клонится в сторону Украины. Скорее всего, через год Газпром получит окончательный отказ в своих попытках обжаловать решение Стокгольмского арбитража. И тогда на 100% исключить аресты важных активов, способные создать реальные проблемы для бизнеса, нельзя. Кроме того, идет пеня за отказ Газпрома платить вовремя (конкретный срок выплаты арбитраж не установил, теоретически ждать можно бесконечно, — точнее, пока все же не начнутся болезненные аресты собственности).

Газпром явно ждал пакетного решения, которое могло бы быть достигнуто на переговорах Путина с Зеленским, либо уступок со стороны Киева, если их сумеет выбить российская сторона. Есть надежда затянуть вопрос с долгами Газпрома и обменять (или как-то взаимозачесть) их с учетом украинского долга в 3 млрд долларов, которые взяло еще правительство Н. Азарова перед Майданом. Судебные разбирательства по этому долгу, который официальный Киев называет «долгом Януковича» и погашать отказывается, продолжаются в британских судах, их исход непредсказуем. Еще вариант — затягивать выплаты до разрешения вопроса о поставках газа на Украину и долг (либо его часть) отдать газом (это тот редкий случай, когда «Нафтогаз» заявил о потенциальной приемлемости компенсации долга газом). Если же Газпром выплатит долг, не дожидаясь окончания всех процедур оспаривания решения Стокгольмского арбитража, то в обмен Россия может потребовать послабления по правилу «качай или плати» в будущем транзитном контракте.

Между тем «Нафтогаз» обещает не только интенсифицировать попытки арестов активов Газпрома. Юрий Витренко, заместитель руководителя «Нафтогаза», рассказал о возможности задерживать российский газ, если с 1 января 2020 г. он пойдет через Украину без контракта. Идея в том, чтобы приравнять отсутствие контракта к отсутствию правовых оснований для поставок и на этом основании «хранить газ в ПХГ» — по сути, в режиме таможенного склада, как контрабанду.

Однако у российского газа есть конкретные потребители в Европе, и они его отбором могут оказаться весьма недовольны. Как минимум, Евросоюз может тут же открыть на полную мощность OPAL (сухопутный отвод от «Северного потока — 1»), а также дать зеленый свет достройке и полноценному запуску обходных газопроводов. Впрочем, в Киеве в любом случае рассчитывают на поддержку европейцев — в силу идеологической ангажированности ключевых политиков ЕС.

В российской интерпретации, Украина не имеет права прерывать транзит — это противоречит и Договору к Энергетической хартии 1994 г., и Соглашению об ассоциации Украины с ЕС. Киев оба документа признает, но трактует по-своему. С учетом принципа приоритетности международного права, украинское внутреннее законодательство, в том числе касающееся контрабанды, здесь вторично. По крайней мере, таков может быть один из аргументов Москвы, если Газпром решит поставлять газ для транзита без нового контракта с Киевом. Подобный опыт имеется — газ из России в Армению через Грузию в январе — феврале 2019 г. шел без контракта, стороны договорились об оплате уже постфактум.

Отдельный вопрос — сертификация нового субъекта, с которым, по идее, нужно заключать транзитный контракт. Это компания «Оператор газотранспортной системы Украины» (ОГТСУ), принадлежащая структуре под названием «Магистральные газопроводы Украины» (МГУ), которая, в свою очередь, находится под управлением министерства финансов Украины. Подобная многочленная конструкция должна формально подтверждать, что применительно к «Нафтогазу» анбандлинг [Ануфриева, с. 82] (функциональное разделение интегрированной компании по видам бизнеса) действительно произошел и оператором транзитной трубы является «независимая» компания.

Интрига в том, в какой степени ОГТСУ будет играть по правилам Евросоюза. Это зависит и от позиции руководящих органов ЕС — насколько они будут требовать трансграничного применения своих норм в отношении страны, членом Евросоюза не являющейся, но согласившейся имплементировать значительную часть энергетического права ЕС. С точки зрения теории пересечения норм международного и национального права это вопрос сложный, как и в случае с санкциями: многие компании не знают, подпадают ли они, скажем, под санкции США, если американские власти захотят их применить за пределами своей прямой юрисдикции.

Украинское национальное законодательство, куда формально имплементирован Третий энергопакет, предусматривает сертификацию нового оператора газотранспортной системы сначала национальным регулятором (Национальной комиссией, осуществляющей государственное регулирование в сферах энергетики и коммунальных услуг — НКРЭКУ), а потом секретариатом Европейского энергетического сообщества (Energy Community [Energy...]). Энергетическое сообщество создано на базе Энергетической хартии и фактически является инструментом распространения норм ЕС на соседние регионы. Украина является частью (членом) Энергетического сообщества с 2010 г.

Национальная сертификация ОГТСУ состоялась 22 ноября 2019 г., документы в секретариат Энергетического сообщества ЕС в Вене уже переданы. Министр энергетики Украины Алексей Оржель заявил, что ожидает сертификацию до 26 декабря 2019 г., а передача доли ОГТСУ в АО «Магистральные газопроводы Украины» (МГУ) должна состояться до 2 января 2020 г. При прямом применении бюрократических норм Украины заключение контракта в январе 2020 г. выходит за приемлемые рамки, поскольку действующий российско-украинский контракт на транзит газа заканчивается 1 января 2020 г. в 10 часов утра. При наличии политической воли и достижения компромисса на уровне президентов стран, однако, бюрократические преграды вполне можно преодолеть.

Кроме того, если Еврокомиссия захочет полноценно применить Третий энергопакет в транснациональной логике, то сертифицировать ОГТСУ должно не только Энергетическое сообщество, но еще и Европейская сеть операторов систем передачи газа (European Network of Transmission System Operators for Gas — ENTSOG [ENTSOG...]), то есть объединение операторов европейских газотранспортных систем. Создание ENTSOG было связано с процессом имплементации норм Третьего энергопакета в национальное законодательство стран ЕС. У этой структуры даже есть свой денежный фонд для помощи сертифицированным ею операторам, если они столкнутся с авариями. То есть сертификация в ENTSOG, которой фактически приходится отвечать деньгами за свое решение, — это не пустой звук.

Впрочем, Украина не член ЕС, хоть она через свой внутренний Закон о рынке природного газа и приняла (в возможной для нечлена ЕС степени) нормы Третьего энергопакета. Поэтому вопрос, чем в итоге удовлетворится Еврокомиссия, как она будет трактовать доктрину транснациональности в праве ЕС, остается открытым. Скорее всего, чтобы не подыгрывать Газпрому, Еврокомиссия решит, что для ОГТСУ достаточно «оперативной» сертификации в Энергетическом сообществе — а ее действительно можно сделать относительно быстро. По крайней мере, эта процедура не требует нескольких месяцев, как было бы в случае с сертификацией в ENTSOG.

Интересно, что во время пребывания в Киеве в октябре 2019 г. директор Энергетического сообщества Януш Копач, в целом лояльный курсу на поддержку Украины, признал: «На 1 января [2020 г.] может не быть независимого регулятора [украинской ГТС]. Общая задача украинских стейкхолдеров, секретариата, комиссии и международных партнеров — решить вопрос, каким же образом будет создан орган, который формально будет под правительством, но будет заявлен как независимый. Решение о сертификации оператора ГТС не независимым оператором не будет признано, особенно российской стороной» [Подготовка Украины...].

Следующая проблема — сроки проведения аукционов на бронирование мощности (процедура open season, «открытой заявки»). По нормам ЕС, эта процедура занимает два месяца, то есть в случае сертификации ОГТСУ Энергетическим сообществом в конце декабря 2019 г. аукцион сможет состояться лишь в конце февраля 2020 г.

ОГТСУ — если эта новая структура действительно будет работать по правилам ЕС — должен разработать условия для потенциальных заказчиков, желающих забронировать мощности газотранспортной системы Украины, и провести аукцион. Если клиентов, например, Газпром, условия не устраивают, они просто не приходят на аукцион. Тогда ОГТСУ, в принципе, должен объявить новый аукцион. При этом кроме Газпрома на этот аукцион прийти некому. Но именно таковы правила регулирования газовой инфраструктуры ЕС и стран, заимствующих нормы ЕС, в верности которым клянется Киев. Если в итоге контракт будет заключен вне этих правил, то этот факт вновь докажет ограниченность потенциала европейской интеграции как политического инструмента и весьма ограниченную эффективность ссылок на нормы ЕС игроками вне ЕС.

Газпром в связи с указанными неизбежными задержками в проведении аукционов на бронирование мощности предлагает украинской стороне пока продлить действующий транзитный договор. Предварительно возможно подписать и контракт на будущее с «отложенным стартом», указав в тексте, что он вступит в силу, когда пройдет процедура open season. Но Киев уверяет, что «Нафтогаз» не имеет права подписывать соглашение о продлении действующего контракта как раз из-за анбандлинга.

В реальности нормы ЕС можно трактовать по-разному — сама Еврокомиссия это неоднократно показывала. Нормы права России и Украины, при необходимости, тем более изменить нетрудно. Проблема только в заключении политического соглашения. И здесь открывается окно возможностей для В. Зеленского, который 25 ноября 2019 г. сам позвонил В. Путину, чтобы обсудить газовые проблемы. Но на нового украинского президента тут же напали сторонники «жесткой линии». Если В. Зеленский решится уволить в скором времени старую команду «Нафтогаза» в лице А. Коболева и Ю. Витренко (которые в ином случае будут вести борьбу с Газпромом до конца — им не нужен транзит газа, им нужны премии и сохранение базовой лояльности США), то он вполне может достичь соглашения с Москвой. Но тогда ему нужно готовиться к вероятным обвинениям в «зраде» (предательстве). Сторонники жесткой антироссийской линии в Киеве и так постоянно пытаются «подставить» Зеленского, доходя порой до карикатурных сюжетов (утверждая, например, что он принял ранее задержанные Россией и затем возвращенные ею украинские корабли «без унитаза»).

Тот факт, что В. Путин после телефонного разговора с В. Зеленским вызвал к себе сразу и министра энергетики А. Новака и руководителя Газпрома А. Миллера (и что об этом сообщили российские государственные СМИ), очень показателен. Москва явно сочла, что с Зеленским и членами его команды (например, тем же министром энергетики Алексеем Оржелем) можно договориться. Сигналы готовности к компромиссу, пускай и слабые, наблюдались и со стороны Киева. Так, Россия и Украина в начале декабря 2019 г. заключили 10-летний договор по транзиту нефти. А в Киеве был уволен глава «Энергоатома» Украины Ю. Недашковский, занимавший этот пост с марта 2014 г. и известный тем, что у него в рабочем кабинете висел портрет С. Бандеры. В итоге, после еще нескольких раундов переговоров, 20 декабря 2019 г. вице-премьер РФ Д. Козак даже сказал, что обсуждается возможность скорого подписания уже пятилетнего транзитного контракта.

Новый транзитный контракт на несколько лет действительно может стать реальностью где-то на рубеже 2019/2020 гг. В значительной степени это устраивает все стороны. Украина продолжает получать деньги за транзит и не рискует стабильностью газового снабжения своих потребителей в зимние месяцы. Россия получает передышку и время для достройки и запуска обходных газопроводов. Европейские потребители также снижают уровень рисков для себя. Но глобально риски не сняты — украинский транзит является заложником динамики отношений Москвы и Киева, причем Киев продолжает официально называть РФ «страной-агрессором», что ставит под дамоклов меч любые экономические контракты, и газовые в том числе. К тому же Россия все равно будет постепенно снижать объем прокачки газа через Украину, и Киеву это не понравится, что вновь неизбежно актуализирует риски эскалации межстранового конфликта и прерывания транзита.

Литература

- Ануфриева А.А. Регулирование иностранных инвестиций в ЕС. Общие вопросы и инвестирование в энергетический сектор. М. 2014. С. 82.
- Европейская интеграция: учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М. 2018. С. 318.
- Митрахович С. Взаимная выгода // Известия. 23.05.2018. — URL: iz.ru/746488/stanislav-mitrakhovich/vzaimnaia-vygoda (дата обращения: 25.11.2019).
- Подготовка Украины к сертификации оператора ГТС выполнена на 90%, но осталось решить ряд важных задач — Копач // ЭнергоРеформа. 09.10.2019. — URL: reform.energy/news/podgotovka-ukrainy-k-sertifikatsii-operatora-gts-vypolnena-na-90-no-ostalos-reshit-ryad-vazhnykh-zadach-kopach-12670 (дата обращения: 25.11.2019).
- Energy Community. Official website. — URL: energy-community.org/ (date of access: 25.11.2019).
- ENTSOG. Official website. — URL: entsog.eu/ (date of access: 25.11.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-56-81

УДК 94; 327

Альбина Носкова

Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.)

Аннотация. В статье в геополитическом контексте анализируется советская политика в отношении Польши в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Представлена борьба советской дипломатии за будущую взаимообусловленную безопасность СССР и Польши. Раскрываются не совпадавшее понимание советскими и польскими лидерами интересов, геополитической роли, союзников и границ двух стран, а также неравные возможности их реализации. Автор доказывает, что советская концепция тех лет и выполнение СССР роли гаранта безопасности и границ Польши предполагали не советизацию ее общественного строя, а устранение антисоветских сил и участие во власти сторонников демократии и коммунистов.

Ключевые слова. СССР, Польша, Вторая мировая война, национально-государственные интересы, послевоенная безопасность, советизация, геополитика, границы Польши, польское правительство в эмиграции, дипломатия, «Большая тройка», Армия Крайова, освобождение от нацизма, народная демократия.

В бурные 1990-е — начале XXI в., одной из активно обсуждаемых проблем стала советская внешняя политика. Шел процесс накопления документального материала, в том числе и специалистами по истории стран Восточной Европы. Казалось бы, многочисленные тогда публикации советских документов должны были снизить накал научных дискуссий. Но происходило другое: новые знания стимулировали полемику о стратегических целях СССР, о методах и средствах осуществления замыслов, автором которых был в первую очередь И.В. Сталин.

Упорные дискуссии шли о политике СССР в странах региона во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Их отзвуки слышны и теперь. Историки задавались вопросом: что же было целеполагающей мотивацией для Сталина и внешнеполитического ведомства во главе с В.М. Молотовым? Одни полагали и полагают, что генеральный интерес состоял в обеспечении безопасности послевоенных границ страны через военно-политическое присутствие в регионе, сохранности государства, советского режима при укреплении личной власти Сталина, превращении СССР в сверхдержаву. В рамках такого подхода, концепции мировой революции в 20-е годы, коллективной безопасности в 30-е, «пояса безопасности» и сферы советского влияния

Сведения об авторе: НОСКОВА Альбина Федоровна — главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук; noskova.albina@rambler.ru.

на исходе войны, народной демократии и национальных путей к социализму в 40-е и, в конечном счете, «социализм по Сталину» в 50-е годы XX в. выступали разными, обусловленными теми или иными объективными обстоятельствами, инструментами поэтапного решения одной сверхзадачи [См. подр.: Волокитина, Мурашко, Носкова Народная демократия...; Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа...].

Причем выбор того или иного средства, в том числе и формы политического режима, диктовался не доктринальными пристрастиями Кремля, а внешнеполитическими возможностями СССР, его внутренними резервами в каждой из стран региона. Учитывались настроенность разных групп национальных элит принять ориентацию на СССР наряду с привычной ориентацией на Запад, их отношение к СССР и, что существенно, «порог» распространения антисоветских или просоветских настроений в стране.

При таком подходе фигура советского диктатора вовсе не выглядела одномерной, реализующей в регионе любой ценой идеологическую доктрину построения социализма по советскому образцу. К Сталину с полным основанием могут быть применимы такие определения, как жестокий, по-восточному хитрый, властолюбивый, беспощадный, циничный, коварный деспот, архисложный партнер по антигитлеровской коалиции. Но одновременно, по оценке известного американского политика и дипломата того времени Дж. Кеннана, он был политическим реалистом, обладавшим «бездной расчетливости», «дьявольским искусством тактика», «великим искусством управлять», «одним из самых удивительных людей в мире» [Дипломатия Второй мировой... с.181–182]. Добавим: человеком, решившим сложнейшую геополитическую задачу создать-таки в Европе «пояс безопасности» для СССР. По словам современного польского историка Э. Дурачинского, Сталин «построил великую империю, военную сверхдержаву, принимающую — наряду с другими — решения о судьбе мира, чего не удалось сделать его лучшим предшественникам, сидевшим на российском престоле... и апологеты, и критики, а также разоблачители Сталина, не говоря уже об авторах, стремящихся к объективности, интересуются этой фигурой не случайно. Все они причисляют его к очень узкому кругу политиков, навсегда оставивших свой след в истории XX века» [Дурачинский, с. 813]. Трудно не согласиться.

Закономерен вопрос: не поэтому ли тиран, на чьей совести тысячи и тысячи жизней, в том числе и невинных соратников, до сих пор привлекает внимание миллионов? Может быть, причина интереса к этому персонажу советского прошлого в многоликости, множественности его ипостасей при сохранении некой таинственности образа?

В научных дискуссиях 1990-х годов ряд известных специалистов по истории стран региона активно представляли еще один подход. Они считали, что Сталин руководствовался единственной идеей привнесения мировой революции на Запад, а применительно к странам Восточной Европы — идеей коммунизации, или советизации региона. Все же остальное — народная демократия, национальные пути к социализму — лишь камуфляж, тактика, лавирование, обман, пропаганда. Отсюда и образ Сталина как ско-

рее политического обманщика, чем расчетливого политика, осознающего объективные пределы возможного [«Круглый стол»...].

Истины ради надо добавить, что сторонники этой точки зрения в начале XXI в., под влиянием большого числа новых документов, прошли определенную эволюцию, склоняясь к признанию, что в практической сталинской политике цели мировой революции и обеспечения послевоенной безопасности государства оказывались неразделимы, сливались в единое целое. В этом плане можно говорить о сближении позиций и специалистов по истории стран Восточной Европы [См. напр: Гибианский].

В качестве подтверждения той точки зрения, что стратегические цели СССР в регионе были исключительно идеологически мотивированными и состояли в принуждении к социализму, а не обуславливались конкретными внешними и внутренними обстоятельствами, нередко приводится советская политика в отношении Польши. Действительно, Сталин в годы войны сделал ставку на польских коммунистов. В первую очередь именно им, своим единомышленникам, хотя и не только им, он доверил власть в этой стране при ее освобождении от гитлеровцев Красной армией.

Был ли тогда актуален для Сталина курс на советизацию региона и — конкретно — Польши? Наш ответ: задача была другой. Передача власти слабой коалиции левых сил была для Москвы единственно возможной и продиктованной плохими отношениями с легитимным польским правительством в эмиграции. Этот выбор отвечал решению генеральной задачи советского руководства — обеспечению безопасности СССР и всего региона на западном направлении. Сталину требовалась Польша, с любым общественным строем, но союзница в предотвращении новой агрессии против СССР и самой Польши. Ради этого в конце войны он поначалу имел дело с маргинальными, но надежными польскими политиками, а не с крупными деятелями, далекими от симпатий к коммунистам, как бывало в других странах региона [См. подр.: Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа...].

Причина такого решения не связана с выбором социализма или капитализма в Польше (как и в регионе в целом). Она состояла в резком расхождении представлений советской и польской элит о коренных национально-государственных интересах двух стран и способах их обеспечения в послевоенном мире. Важнейшее значение имело разное понимание советскими и польскими руководителями необходимого геополитического, в том числе и территориального, переустройства для пресечения возможной агрессии Германии против европейского Востока и конкретно против СССР и Польши. В вероятности повторения 1939 г. были в ту пору уверены многие политики и на Западе, и на Востоке континента. К тому же многие понимали, что освобождение от гитлеровской оккупации (в одних случаях) или зависимости от Германии (в других) идет с востока и с этим надо считаться. Польская элита же, не хотела принять эту объективную данность и договариваться со Сталиным.

Географическое положение Польши в центре региона, где пролегает самый короткий путь с Запада на Восток и в обратном направлении, придавало ей особую военную

и геополитическую значимость. Отметим, что Польша, в лице правительства в эмиграции, после вступления Красной армии на территорию ее восточных воеводств в сентябре 1939 г. не объявила войны СССР, но считала себя в состоянии войны с ним. Установленная тогда с учетом этнического принципа советско-польская граница по «линии Керзона» не была признана не только польским эмигрантским правительством, но и его главными союзниками — Великобританией и США, которые, однако, не подтверждали гарантии восстановления довоенных границ Польши после войны [См. подр.: Носкова Советско-польские отношения...]. В 1940 г. предпринимались некоторые действия по налаживанию контактов между польским правительством в Лондоне и советским руководством, но на совпадение национально-государственных интересов двух стран поляки отреагировали лишь после нападения Германии на СССР. Обоюдная заинтересованность в скорейшем разгроме Германии ставила вопрос военного взаимодействия против общего врага, заслонив на время спор за многонациональные западноукраинские и западнобелорусские земли, отнюдь не исчезнувший с подписанием в июле 1941 г. Соглашения о границе и сотрудничестве против Германии.

В декабре 1941 г. в ходе визита польского премьера генерала Владислава Сикорского в Москву был принят ряд конкретных решений о военном сотрудничестве [См. подр.: Парсаданова. Варшавское восстание... ч. 1, с. 58–92]. Во время обмена мнениями о возможной новой германской агрессии, обеспечении безопасности в Европе и границах послевоенной Польши прозвучало предложение Сталина: урегулировать территориальный спор о землях восточных «кресов» (как в Польше именовали советскую Западную Украину и Западную Белоруссию), и тем самым принципиально изменить характер советско-польских отношений. В обстановке благожелательных в целом переговоров Сталин предложил Сикорскому следующий вариант перемещения границ Польши с востока на запад: ее западная граница проводится по р. Одер, Восточная Пруссия отходит полякам, а советско-польская граница 1941 г. лишь корректируется — в частности, допускалось включение г. Львова в состав Польши. Сталин рассчитывал на предварительные договоренности по этой «линии Керзона». Но генерал уклонился от обсуждения сталинского предложения, поскольку к тому времени в польском руководстве уже сложилось твердое намерение восстановить довоенную границу на востоке [Duraczyński, s. 135–137]. Расчет делался на победу западных союзников и как минимум военное изнеможение СССР в противостоянии Германии.

Прибывшему вскоре в Москву министру иностранных дел Великобритании А. Идену тоже была представлена концепция компенсации потерь Польши на востоке территориальными приращениями на западе и расширением польского выхода на Балтику за счет побежденной Германии. Правда, в этом варианте советско-польская граница выглядела вариативно: на востоке она соответствовала линии 1941 г, но «за исключением районов с преобладающим польским населением»; Львов передавался Польше при условии сохранения советскими Белостока и Вильно (Вильнюса) «или наоборот»; предполагалось «расширение территории Польши за счет не всей, а только западной части Восточной Пруссии» [Ржешевский, с. 44, 50]. Такая схема отодвигания довоенной границы на запад отражала остававшиеся почти неизменными советские представления об условиях национальной безопасности на польском направлении.

Иден, однако, не выказал интереса к предложению Сталина. Главная союзница поляков и теперь, когда положение СССР было тревожным, а ход войны и ее итоги — малопредсказуемы, отказывалась подтвердить довоенную восточную границу Польши. Одновременно Великобритания уходила от обсуждения ее западной границы и от главного — фактически предлагавшегося признания советской границы 1941 г. Тем не менее министр не мог не понять рассчитанный на будущее замысел Москвы: послевоенная безопасность СССР связывалась с Польшей, выдвинутой вглубь Центральной Европы. Позднее он так выразил смысл слов Сталина: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России» [Там же, с. 54].

Нетрудно предположить, что в рамках этой концепции Сталин видел Польшу геополитическим партнером, заинтересованным в не меньшей, если не большей мере в совместном обеспечении безопасности западных границ. Сталину была нужна невраждебная соседняя страна, лучше — состоящая в союзе с СССР. В пользу этого тезиса упомянем не принятое Сикорским предложение Сталина развить Соглашение от 30 июля 1941 г. о военном сотрудничестве в ходе войны до уровня послевоенного союзного договора.

Боевой генерал и опытный политик Сикорский разглядел глубинный смысл предложенного Сталиным: невраждебная СССР послевоенная власть в Польше и советские гарантии безопасности ее западных границ в случае победы СССР. Но в польском руководстве представляли будущее по-иному: после победы над Германией англо-американской и польской армий (в чем поляки тогда были уверены) и выведения СССР из «игры» сложатся международные условия для возвращения из эмиграции правительства, созданного коалицией политиков, сплоченных трагедией сентября 1939 г., и будет восстановлена власть довоенного политического класса [Duraczyński, s. 223–227]. При этом территория страны изменится. На востоке ее безопасность обеспечат возвращенные западные районы Белоруссии и Украины, часть Литвы (Виленский край) с ее столицей (польским по составу населения городом Вильно), приобретенные силой оружия в 1920–1921 гг. На западе граница пройдет по линии Одера, включая порт Щецин, балтийское побережье и всю Восточную Пруссию. Эти границы обеспечат США и Великобритания, которые станут гарантами безопасности польского государства и его послевоенных границ¹.

Отметим, что обретение такого геополитического положения Польши в Европе предвещало как внутреннюю уязвимость восточных воеводств, где польское население, составляя менее 30%, имело всю полноту власти, так и противостояние Москве в деле отстаивания их принадлежности. В случае же победы СССР над Германией такое противостояние могло поставить Польшу в центр возможного военного конфликта, по меньшей мере в данном регионе. Во избежание этого польское руководство рассчитывало, договорившись с Чехословакией, создать в регионе антисоветскую по за-

---

1 В конце 1942 г. Сикорский признавал: Сталин «вел речь о небольшой корректировке границы и предлагал более тесный союз, я не согласился ни на какую дискуссию по вопросу границ». Великобритания и США, надеялся Сикорский, «в конце концов принудят советское правительство признать наши права на востоке» [Цит. по: Парсаданова Советско-польские... с. 66].

мысли конфедерацию «малых» стран Восточной и Юго-Восточной Европы для противостояния «наступлению большевизма». Но чехи не поддержали польские намерения. Постепенно определилось и негативное к замыслу поляков отношение не только СССР, но и Великобритании [См. подр.: Марьина Второй президент... с. 325–337, 340, 341].

Неудачная попытка договориться о границах с польским правительством в конце 1941 г. не остановила стремление СССР продвигать этот вопрос в «Большой тройке», с польским участием или без оно. Очередная попытка была предпринята в мае–июне 1942 г. в ходе визитов В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон. Беседы с У. Черчиллем, как доносил нарком Сталину, создавали «впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами». Посол СССР в Лондоне И.М. Майский писал в Москву, что президент Ф. Рузвельт, по словам побывавшего в США А. Идена, понимает «необходимость для СССР такой границы, которая гарантировала бы от повторения германского нападения через 10–15 лет, ... [и] готов на 100% облегчить нам (СССР — А.Н.) получение такой границы, но после войны». Тем же закончилось обсуждение проблемы в беседе Молотова с Рузвельтом 29 мая 1942 г.: «...для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который еще не наступил». 10 июня 1942 г. нарком еще раз услышал от Черчилля, что тот «всегда отказывается обсуждать с поляками вопрос о границах», который «станет ясным, когда Германия потерпит поражение» [Майский, кн. 2, ч. 2, с. 104, 108–109, 115; Ржешевский, с. 139, 211, 333].

Иными словами, позиции главных союзников СССР по антигитлеровской коалиции не внушали Москве больших надежд на скорое признание ими границы 1941 г. в ситуации, когда на советско-германском фронте стратегической инициативой владел вермахт, а немецкие войска нацеливались на Сталинград и Кавказ. За словами глав Великобритании и США крылось: пусть Красная армия воюет, а мы потом посмотрим, где устанавливать границы Польши. Последовала реакция Сталина: «Вопрос о границах, или скорее безопасности наших границ на том или ином участке нашей границы, будем решать силой» [Ржешевский, с. 157].

И сила была применена победно под Сталинградом, на что Германия ответила информацией о расстреле весной 1940 г. польских военнопленных в Катынском лесу под Смоленском, а польское правительство в эмиграции — политической истерикой, закончившейся, тем не менее, отзывом его заявления в Международный комитет Красного Креста с просьбой расследовать вопрос [О ходе кризиса в отношениях советского и польского правительств и позициях лидеров западных держав см.: Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 4, 6, 7, 9 16, 18–54 и др.].

Правда, возникли временные осложнения в отношениях Черчилля со Сталиным, который уже был равным в «Большой тройке»¹. Вопреки просьбам Черчилля не делать

1 Об этом накануне визита в США весной 1942 г. А. Иден говорил И.М. Майскому: он «произведет зондаж в США по различным, интересующим три державы вопросам», чтобы «разъяснить американцам, как важно активное участие СССР на правах абсолютного равенства в разрешении всех послевоенных проблем» (подчеркнуто мной. — А.Н.) [Цит. по: Советско-английские отношения... с. 350–351].

резких движений в адрес польского правительства, последовала нота СССР о прерывании дипломатических отношений с ним. Развитие кризиса показало, что ни Черчилль, ни тем более Рузвельт не относили интересы польского правительства и его территориальные споры с Москвой к своим приоритетам. Для них основной задачей был разгром вермахта, в первую очередь усилиями Красной армии. В этом состоял смысл их поддержки СССР. В свою очередь, для Сталина архиважной целью на военный и послевоенный период было единство усилий всей «Большой тройки». Поэтому в новых условиях, после побед Красной армии под Сталинградом, а затем на Курской дуге, советская сторона, руководствуясь долгосрочными интересами, вовсе не считала окончательным прекращение отношений с законным правительством Польши. И В. Сикорский накануне своей гибели 4 июля 1943 г. публично говорил о намерении посетить Сталина и совершить «принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши» [Цит. по: Яжборовская, Яблоков, Парсаданова, с. 164], что означало продолжение диалога двух правительств.

Однако, учитывая предстоявшее вступление на польскую землю Красной армии, советское руководство летом 1943 г. уточнило субординацию своих приоритетов на польском направлении, отложив вопрос о границе на второй план. Теперь условием нормализации отношений становилось изменение персонального состава польского правительства, способное обеспечить его благоприятный и безопасный для СССР внешнеполитический курс. Правда, новое правительство во главе с политиком демократического направления Ст. Миколайчиком, вынужденного оставить в кабинете тех, кто активно использовал немецкую информацию о Катынском расстреле и выражал враждебность к СССР, больших надежд на такой курс не давало. Сдерживала Москву и регулярно поступающая от внешней разведки информация о подготовке командования партизанских сил польского подполья («Армии Крайовой», АК) не столько к борьбе с гитлеровцами, сколько ко всеобщему восстанию в канун вступления Красной армии на территории довоенной Польши. Речь шла об упреждающем восстановлении власти подпольных польских структур и недопущении появления в Польше просоветского режима. Восстание задумывалось «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим» [Очерки... с. 464; См. подр.: Советский Союз... т. 1, ч.1, док. № 117, 128, 131, 136, 138, 141–143, 148, 150, 152, 154 и др.].

Между тем еще весной 1943 г. Сталин, предпочитавший вариативно и сдержанно «работать» на польском направлении, согласился на создание польской эмиграцией в СССР Союза польских патриотов — общественной организации для помощи польскому населению. Тогда же по инициативе группы офицеров — этнических поляков и с согласия СССР началось формирование польской пехотной дивизии в составе Красной армии. Осенью 1943 г. эта дивизия воевала под Смоленском. С согласия советского руководства велась подготовка к созданию в Москве польского политического центра. Постепенная дозированная активизация левой и демократической части польской эмиграции происходила при руководящем участии поляков-коммунистов, идеологических единомышленников советской стороны. Обозначилась перспектива возможного оформления другого польского военно-политического партнера, способного к взаимодействию с СССР [См. подр.: Носкова Сталин...].

Однако эта работа была приостановлена по ряду причин, в том числе внутривосточных.) На территории оккупированной Польши оформились два лагеря антигитлеровского военно-политического сопротивления. Правительственный лагерь создавали и фактически возглавили еще в 1939–1940 гг. соратники Ю. Пилсудского — генералы и офицеры Войска Польского, а также руководители довоенных политических партий. Они представляли консолидированные общей борьбой за независимость силы (как правившие, так и оппозиционные, в том числе демократически настроенные), что приносило этому лагерю поддержку большинства населения. Западные державы признавали эти силы.

Другой, альтернативный правительственному, лагерь сопротивления гитлеровцам объединял немногочисленных левых и близких им демократически настроенных поляков. Его возглавляла действовавшая с 1942 г. в подполье партия польских коммунистов, которая выступала за взаимодействие с СССР и считала законными советские претензии на довоенные польские «кресы». В конце 1943 г. этот лагерь приступил к созданию в подполье «своих» органов власти. На него ориентировались и лидеры польской эмиграции в СССР, на его стороне было советское руководство. Но реальная поддержка этих дружественных СССР сил оставалась весьма скромной, в том числе и по причинам международного характера [См. подр.: Парсаданова В. С. Варшавское восстание... ч. 1, гл. 2, с. 119–188; Там же, гл. 3, с. 119–162].

В Кремле не исключали возможность восстановления отношений с польским правительством в Лондоне, за что, оглядываясь на успехи Красной армии и вероятность ее вступления в Польшу, ратовали Черчилль и Рузвельт. По словам английского историка Н. Дэвиса, это подталкивало их к отказу от сомнений в «выносливости» Красной армии и к заблаговременному распределению «сфер ответственности» «узким составом» [Devis, s. 41, 86–87, 384].

Инициатором трехсторонней встречи на высшем уровне был Ф. Рузвельт, который на конференции в Тегеране дважды, 28 и 29 ноября 1943 г., предлагал «обсудить с маршалом [Сталиным] вопрос о будущем устройстве мира». Он же 1 декабря 1943 г. подтвердил: «мы должны восстановить некоторую Польшу, и я лично не имею возражений, чтобы границы Польши были урезаны на Востоке и увеличены на Западе вплоть до Одера... Мне нравятся идеи маршала Сталина в этом отношении...». Со своей стороны, Черчилль в тот же день с помощью трех спичек показал польские границы, которые «должны быть передвинуты на Запад, чтобы решить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, — обеспечение западных границ Советского Союза» [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 350–352, прим. № 22, 223, 226].

Договоренности лидеров «Большой тройки» в Тегеране по послевоенным границам Польши в целом соответствовали концепции, предложенной Сталиным в декабре 1941 г. Начиналось преодоление польского «препятствия» на пути к достижению геополитической безопасности СССР. Что касается вопроса о польском правительстве, Сталин вновь высказал «готовность начать с ним переговоры», намекнув на необходимость перемен в его составе для избавления от членов кабинета, которых в Москве считали наиболее враждебными СССР [Ржешевский, с. 397].

Судить о том, каких перемен добивался Сталин от поляков, позволяет договор, подписанный вслед за конференцией в Тегеране Сталиным и президентом Чехословакии Э. Бенешем. Союзные отношения устанавливались с законным представителем соседней страны, которая по своей инициативе соглашалась передать СССР территорию, населенную русинами (Бенеш называл их «украинцами») — тем самым Сталин продолжал объединять этот народ в пределах УССР. В высшей степени важной для советского руководства была договоренность о создании в послевоенном чехословацком государстве правительства единого фронта с участием коммунистов [Советский Союз... т.1, ч.1, с. 417–420; подр. см.: Марьина Второй... с. 224, 232, 238–247; её же. Закарпатская Украина...]. Соответствуя геополитическим интересам двух стран, договор мог рассматриваться в Кремле как оптимальное внешне- и внутривосточное решение проблемы безопасности на германском направлении. Но польское правительство в Лондоне не допускало подобных принципов урегулирования отношений, что в Москве объясняли давлением на премьера Ст. Миколайчика правых националистов. На лишении их властных постов и настаивал Сталин в Тегеране.

3–4 января 1944 г. части Красной армии начали бои за освобождение земель, которые польское правительство считало своими, а Москва — территорией УССР и БССР. Настало время реализации Тегеранских договоренностей, и на первые месяцы 1944 г. пришелся крупный дипломатический конфликт с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. За спором о польских восточных «кресах» стоял вопрос, будет ли Польша принадлежать к геополитическому Востоку (Сталин) или к геополитическому Западу (Черчилль, Рузвельт). Миколайчик боролся за сохранение «кресов» и ориентацию на Запад, не имея, однако, английских гарантий польских довоенных границ. Черчилль усердствовал, используя шанс «посражаться» со Сталиным за свою союзницу, но его ограничивало понимание, что советские войска уже находятся на спорных землях и вряд ли оттуда уйдут. Поэтому он убеждал поляков принять «линию Керзона» без Львова «не только как необходимость», а «с энтузиазмом». Зная, что СССР не допустит возвращения в Польшу эмигрантского правительства **в том составе**, в котором оно существовало в тот момент, Черчилль спасал его международную субъектность в принципе, спрашивая, «будет ли разрешено вернуться [в страну] и создать правительство на более широкой основе». Сталин настаивал на предварительном удалении из правительства ряда лиц, на что Миколайчик не соглашался [Переписка... т. 1, с. 193–195]. Но после договоренностей в Тегеране вся дальнейшая переписка Черчилля с Москвой по этому вопросу и поднятый поляками шум в прессе были напрасными. 23 марта 1944 г. Сталин в послании Черчиллю фактически подвел черту под обсуждением границы с Польшей [Переписка... т. 1, с. 213–215, 397].

Возникает вопрос: почему польское руководство в Лондоне и в подполье на местах, куда пришла или подходила Красная армия, отстаивали довоенную территорию, не допускали даже малейших уступок, рискуя при этом судьбой самого польского правительства?

17 марта в депеше подпольному руководству Миколайчик это объяснял так: «...во всей польско-советской полемике Польское правительство стремилось таким образом

повернуть политический спор, чтобы ответственность за его продолжение, а тем более обострение была возложена не на Польшу, а на СССР. ...Мы решительно стояли и стоим на позиции отказа от предопределения чего-либо негативного в отношении восточной границы... Наша тактическая цель — избежать изоляции Польши и раскрыть злую волю СССР, его полную ответственность за конфликт, а также его далеко идущие империалистические планы — была, несомненно, достигнута... речь не идет о той или иной части государственной территории..., речь идет вообще о независимом существовании Польши, а также о проникновении СССР через Польшу вглубь Европы» [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 656–657].

Но тогда никто не ставил под сомнение восстановление независимости Польши, и польский политик отчаянно «спорил» не об этом. Он искал аргументы, чтобы не допустить исчезновения кабинета, дабы, по меньшей мере, отложить возникновение такой ситуации, когда и правительство и он сам будут не нужны полякам, на что позже указывал и Черчилль. Миколайчик приравнивал это к крушению власти довоенного политического класса и всей уже детально оформленной концепции геополитической безопасности страны: на западе — получение восточных провинций Германии до р. Одер, балтийского побережья начиная от Штеттина и Восточной Пруссии; на востоке концепция имела откровенно захватнический характер в отношении Литвы, Белоруссии и Украины [См подр.: Советский Союз... т.1, ч. 1, с. 189–190, 420–428]. Ее реализация означала бы польский «удар» и по Германии, что было почти гарантировано «Большой тройкой», и по СССР, что весной 1944 г. стало уже весьма сомнительным замыслом.

Для реализации своих намерений польская сторона предполагала использовать «внутренний фактор» — подчиненные правительству подпольные военно-политические структуры. Они предлагались союзникам, а союзниками — Сталину в качестве представителей польской власти на освобождаемых Красной армией от гитлеровцев бывших территориях Польши. Особая роль в геополитическом противостоянии с СССР на местах отводилась командованию и отрядам АК. Эти партизанские силы объявлялись вооруженным партнером Красной армии в борьбе с вермахтом¹.

Тактические приоритеты польской стороны менялись по мере того, как задача изгнания немецких оккупантов для командования АК смещалась на второй план, уступая место важнейшей цели — явочным порядком восстановить права Польши на бывшие «кресы». С первых лет войны тезис «сохранить кресы» многократно фиксировался в политических документах польского правительства и подпольного руководства, но до поры до времени СССР считался «врагом № 2». Теперь он становился «врагом № 1», и задача противостояния его намерениям восстановить советскую власть в Западной Украине и Западной Белоруссии встала для АК в практическом плане. Не умаляя усилий партизан Армии Крайовой в борьбе против гитлеровских оккупантов, хотя и серьезно завышенных в отчетах АК [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 177–183; Там же, т.1. ч. 2,

---

1 Президент Рузвельт отнесся к этой польской затее с иронией, Сталин его понял [Советско-американские отношения... т. 2, с. 21–22].

с. 75]¹, надо отметить другое: в условиях 1944 г. при неизменности геополитических целей польского руководства происходила трансформация антигитлеровского подполья в антисоветское — сначала на западных советских землях, а с лета 1944 г. и на территории этнической Польши.

Антисоветский геополитический замысел был заложен в основу согласованного правительством и командованием АК и утвержденного еще осенью 1943 г. плана «Буря». Речь шла об организации силами партизан АК и сотен тысяч поляков-ополченцев постепенного, но самостоятельного освобождения от немцев территории, начиная с «кресов», (всеобщего восстания) и утверждения власти созданных в подполье военно-политических и гражданских структур, именуемых «подпольным государством». Все это предполагалось реализовать накануне или во время вступления Красной армии в польские города и небольшие населенные пункты. Цель состояла в том, чтобы в любом случае воспрепятствовать установлению советской или просоветской польской власти [Тексты плана «Буря» см.: Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 131, 138, 142, 150, 152, 154, 155 и др].

Однако из-за стремительного продвижения советских войск ситуация на территории «кресов» развивалась по иному сценарию. Стало ясно, что эмигрантское правительство не могло использовать партизан Армии Крайовы для противостояния Красной армии без содействия западных союзников. Черчилль и Рузвельт, представляя интересы Польши в антигитлеровской коалиции и «Большой тройке», неоднократно заявляли, что воевать с СССР из-за Польши не намерены. В 1939 г. они гарантировали полякам лишь независимость, а не восстановление польских границ. Кроме того, к весне 1944 г. ситуация во всем польском подполье принципиально изменилась: на внутреннюю арену выходила тоже польская, но невраждебная СССР политическая сила — «Крайова Рада Народова», альтернативная правительству и его подпольным структурам, о чем союзные лидеры были уведомлены. СССР ориентировался на эту силу и с ней мог связывать свои долгосрочные политические интересы в отношении Польши [О размежевании в подполье, консолидации левых сил, организации подпольных органов власти см. подр.: Польша в XX веке... раздел III, очерки II, III].

Таким образом, любые действия «вопреки СССР» угрожали представителям Польши изоляцией в западном мире и негативным отношением СССР. Все это было крайне нежелательно для польского руководства. Перед ним вставал вопрос чрезвычайной важности: как на территории «кресов», которые большинство поляков считало своими суверенными землями, избежать вооруженных столкновений офицеров и солдат АК, движимых массовым антикоммунизмом и готовностью к сопротивлению «Советам», с Красной армией. Последовали инструкции и приказы командующего Армии Крайовы генерала Т. Бур-Коморовского командирам отрядов АК. Например, 12 июля 1944 г. он писал в шифротелеграмме в Лондон: «Мы сотрудничаем с Советами только в военных действиях против немцев. Мы оказываем Советам политическое сопротивление, за-

---

1 Во времена ПНР польские историки на документах это доказали. [См. подр.: Советский Союз... т.1, ч. 1, с. 734–735).

ключающееся в неустанном и бескомпромиссном утверждении самостоятельности во всех проявлениях польской организованной жизни, а также интересов армии и войны. Сопротивление должно быть коллективным проявлением воли польского народа в сохранении своего независимого существования» [Советский Союз... т. 1, ч. 2, с. 383; Там же, док № 27, 81, 140, 145 и др.]. Итак, отрядам АК предписывалось, продолжая сражаться с гитлеровцами, считать советские войска враждебными и встречать их заявлениями о своем «праве хозяина» этих земель.

На практике при соприкосновении отрядов АК с советскими частями ситуация развивалась по-разному. Согласно советским и польским источникам, уже в 1942–1943 гг. имели место как взаимодействие с советскими партизанами в борьбе с гитлеровцами, так и взаимная враждебность, вооруженные столкновения вплоть до убийств. Надо отметить, что командование АК запрещало какое-либо сотрудничество своих отрядов с гитлеровцами против СССР и никогда не издавало иного приказа. Тем не менее на местах такие контакты были — ради покупки оружия, а то и договоренности отдельных отрядов АК с немцами на антисоветской основе. Откровенным взаимодействием с вермахтом отличались отряды крайне правых «Народовых Сил Збройных» (НСЗ) [Мотыка, с. 52–81; Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 149, 163, 176 и др.].

При вступлении Красной армии на территорию, где действовали отряды АК, чьи возможности были неизмеримо малы в сравнении с возможностями регулярных советских войск, объективные условия диктовали «аковцам» соучастие в боевых действиях против гитлеровцев. Поначалу на это шла и советская сторона (например, на Волыни), при условии полного подчинения АК оперативным приказам советского командования. Причем директивой Сталина от 24 марта 1944 г. допускались политические контакты польских командиров «с кем угодно». Но боевое взаимодействие с «Советами» не получало развития, ибо командование АК считало его временным, политически обуславливало его предварительным восстановлением отношений между Москвой и польским правительством, что было неприемлемо для СССР. Кроме того, советская сторона не шла ни на какие политические условия, касавшиеся государственной принадлежности Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, и требовала подчинения отрядов АК советским приказам. Для командования Армии Крайовой это означало враждебные действия против Польши, а потому боевое взаимодействие с Красной армией было для него невозможным [Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 356, с. 682; Там же, т. 1, ч. 2, док. № 7, с. 13; Там же, док. № 33, с. 54].

Летом 1944 г. польское командование, учитывая имевшие место факты разоружения советскими военными властями отрядов АК, рекомендовало последним или перемещение «за Буг» на этнически польские земли и боевые действия против гитлеровцев перед фронтом Красной армии, или переход в подполье и вооруженное сопротивление советским приказам. Такие действия расценивались советским командованием как нарушение непреложного правила любой действующей армии — обеспечивать безопасность своих тылов. Закон военного времени о принудительном разоружении (взятии в плен) и интернировании участников АК был применен советской стороной в отноше-

нии группировки АК, участвовавшей в начале июля 1944 г. рядом с частями Красной армии в боях за г. Вильнюс (Вильно), но затем отказавшейся сдать оружие¹.

И в дальнейшем на территории этнической Польши советское командование, опираясь на этот закон, разоружало партизан АК (и не только их), нарушавших его приказы, предлагая им выбор: воевать с Германией в рядах нового Войска Польского или оказаться в лагере интернированных. На практике часть рядовых бойцов АК с разрешения советского командования отправлялись по домам. Большинство же «аковцев» (офицеры, унтер-офицеры и часть рядовых) выбирали лагерь [ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 66, л. 11–12; Русский Архив... с. 161–162; Советский фактор... т.1., с. 66–67; Советский Союз... т.1, ч. 1, док. № 356, 362; Там же, т. 1, ч. 2, док. № 6, 7, 8, 13, 30, № 171, с. 383]. Это были люди, убежденные в законности прав Польши на владение завоеванными в 1920 г. силой оружия восточными многонациональными землями, где поляки, составляя меньшинство населения, располагали всей полнотой власти. Они считали польское правительство и его подпольные структуры единственными представителями общенациональных интересов и выразителями единственно верной национальной геополитической цели — удержать «кресы» в составе Польши.

Меньшинство участников АК переходило в ряды новой польской армии, что означало признание ими уже действовавшей на освобожденной летом 1944 г. части территории Польши дружественной СССР исполнительной власти меньшинства — Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО), созданного 22 июля 1944 г. и 1 августа расположившегося в г. Люблине [См. подр.: Польша в XX веке... с. 389–396].

С этого времени на местах легализовались органы новой законодательной («Крайова Рада Народова») и исполнительной (ПКНО) власти. От их имени был обнародован манифест ПКНО, которым восстанавливалось действие демократической конституции 1921 г. и провозглашались главные принципы общественного устройства после войны. Предлагаемые социально-экономические реформы и преобразования политической системы находились строго в пределах общедемократических норм и веяний времени. Речь шла о сохранении прав частной собственности на землю, орудия труда и средства производства для самых широких народных масс, прежде всего крестьянства. Крупные предприятия должны были поступить под управление государства. Национализации подлежали те, что обеспечивали жизнедеятельность страны и ее оборону. Сохранялись права на собственность мелкой и средней буржуазии города. Во внешней политике предлагался некий баланс ориентаций на «прочный союз» с СССР и Чехословакией и на традиционный союз с Великобританией, Францией и США. Таким образом, программа, объявленная левыми силами, корректировала довоенный строй, соответствовала нуждам страны и большинства поляков, не расходилась с новыми тенденциями буржуазно-демократического развития западной части континента (этатизация). Она не следо-

1 Согласно подписанному в 1907 г. «Положению о законах и обычаях сухопутной войны» Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, «военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти коего они находятся. Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости».

вала присущим советской модели принципам и методам, отвергаемым большинством поляков, и тем самым не создавала в стране внутренних препятствий для реализации геополитических интересов СССР в Польше [См. подр.: Польша в XX веке... с. 414–418].

Руководство военно-политического подполья отреагировало на активизацию левых сил в стране и опубликовало «Воззвание к польскому народу», где излагалась программа политических («парламентарная демократия») и социально-экономических (аграрная реформа) преобразований, которая перекликалась с намерениями ПКНО. Но в вопросах внешней политики расхождения были принципиальными. Лидеры подполья, как и правительство, считали возможным восстановление отношений с СССР лишь после признания им довоенной территории Польши, что не соответствовало ни интересам СССР, ни (на то время) представлениям западных союзников [Парсаданова Варшавское... ч.1, с. 262–280]. И главное: польское подпольное руководство не имело внешнеполитических (прежде всего) и внутренних возможностей приступить к реализации всего, что обещало народу.

Попыткой изменить такое положение дел стало восстание в Варшаве 1 августа 1944 г. Командование Армии Крайовой планировало эту антигитлеровскую операцию в расчете на серьезную военно-политическую поддержку союзников и массовые патриотические настроения, ненависть к гитлеровцам, стремление сохранить «кресы», а также отрицательное отношение значительной части поляков к СССР. Итог борьбы виделся исключительно политическим: восстановление власти польского эмигрантского правительства (предполагалось и прибытие премьера из Лондона) до взятия столицы советскими войсками, что сделало бы никчемной власть ПКНО.

Однако с поддержкой союзников польская сторона просчиталась. А гитлеровцы, сосредоточив силы для подавления восстания и успешно действуя против советских войск на правом берегу р. Вислы вблизи Варшавы, 2 октября 1944 г. вынудили командование АК капитулировать. В результате поляки потеряли 15 тыс. повстанцев, 150–160 тыс. жителей и саму столицу страны [См. подр.: Советский Союз... т. 2, ч.1, с. 5–42; Strzembosz, s. 345–346].

Так польское правительство в Лондоне во многом утратило «внутренний фактор» вооруженной борьбы против гитлеровцев за возвращение «своей» власти¹. В его распоряжении оставались проправительственные настроения большинства населения и ставка на политическое содействие западных союзников. Но последние в переписке с главой СССР не располагали теперь аргументом о боевом содействии АК советским войскам. СССР уже имел нового польского военно-политического союзника в лице Войска Польского, которое вместе с Красной армией в июле–августе 1944 г. освобождало от гитлеровцев территорию юго-восточной Польши.

1 Поражение повстанцев, по мнению английского историка Я. Чехановского, вызвало «процесс полной ликвидации АК на территориях, занятых советскими войсками». 19 января 1945 г. командовавший АК ген. Л. Окулицкий издал приказ о ее роспуске. Часть отрядов его не выполнила и продолжила подпольную борьбу против новой власти и советского присутствия в стране [Ciechanowski, s. 267].

Однако ситуация на польском участке фронта для советских войск осенью 1944 г. оставалась сложной. В конце ноября войска 1-го Белорусского фронта перешли к жесткой обороне. Взятие Варшавы откладывалось, началась подготовка крупнейшей Висло-Одерской операции Красной армии [См. подр.: Советский Союз... т. 2, ч.1, док. № 64, 65, 70, 76, 79, 82, 91, 107, 130, 150, 157, 166, 168, 177, 178, 180, 186 и др., а также с.12–19, 31–33]. Правда, в эти же летне-осенние месяцы 1944 г. происходили важные с точки зрения геополитических интересов СССР перемены на севере, в центре и на юго-западе советско-германского фронта. Были подписаны акты о перемирии с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, освобождена часть территории Чехословакии, советские войска вступили на территорию Германии, продвигались по югославской земле к Белграду. Начинался непростой процесс формирования в большинстве стран региона национальной коалиционной власти, невраждебной СССР [См. подр.: Великая... Статьи Носковой А.Ф., Валева Е.Л., Покивайловой Т.А., Желицкого Б.И., Стыкалина А.С., Христофорова В.С. и др.].

Такие события, в том числе установление дружественной СССР польской власти в Люблине, обозначили масштаб возможной сферы советского влияния в регионе и Европе в целом. Это беспокоило союзников, особенно У. Черчилля, в сентябре 1944 г. видевшего опасность установления советского контроля над Черноморскими проливами и выходом в Средиземноморье [Cytowska-Siegrist, s. 305], что и побудило английского премьера к спешной встрече со Сталиным. 9 октября 1944 г. он прибыл в Москву, с согласия Сталина привезя и польскую делегацию. В последний раз Сталин открыл Ст. Миколайчику «дверь» к компромиссу с СССР и созданию коалиционного правительства с участием польского премьера, но на базе Польского Комитета Национального Освобождения. С этой целью было инициировано приглашение в Москву делегации ПКНО из Люблина. Состоялось несколько бесед лидеров «Большой тройки» и отдельно Сталина и Молотова с Миколайчиком и представителями ПКНО. Польско-польская дискуссия двух делегаций, однако, не привела к договоренностям «лондонских» и «люблинских» представителей [Документы и материалы... т. VIII, с. 271–276; Ржешевский, с. 440–458, 469–474; Советско-польские отношения... т. 4, с. 632; Изложение советской записи беседы Миколайчика и Сталина 18 октября см.: Печатнов, Магадеев, т. 2, с. 287, 409; Ее польскую запись см.: Armia Krajowa w dokumentach, т. V, s. 78–81].

Помимо в целом успешного обсуждения вопроса о распределении в регионе сфер геополитических интересов западных союзников и СССР, Сталин и Черчилль, по разным причинам, могли быть довольны результатами диалога в Москве и по польским делам. Черчиллю удалось сохранить его в состоянии незаконченной дискуссии. Сталин преуспел в ином. Согласие Черчилля на участие в переговорах представителей ПКНО свидетельствовало о понимании неизбежности признания, раньше или позже, западными державами Польского Комитета Национального Освобождения. Назвал встречу «весьма успешной» и посол США в Москве А. Гарриман. Лишь польский премьер Миколайчик не использовал шанса сохранить диалог с Москвой. Он не был понят ни в Москве, ни в Люблине, где шла подготовка к преобразованию ПКНО во Временное правительство, вызвал раздражение Черчилля, и был вынужден подать в отставку. В эмигрантском правительстве возобладали агрессивно антисоветские политики. Обо-

значилась перспектива ухода кабинета в политическое забвение [Подр. см.: Носкова Проблема... с. 26–31].

5 января 1945 г. Москва признала Временное правительство Польской Республики [Materski, s. 367–368]. Начавшийся процесс международного признания новой Польши и мощная Висло-Одерская операция советских войск демонстрировали реальные геополитические возможности СССР. В Европе ощущалось приближение конца войны.

На таком фоне 4–11 февраля 1945 г. «Большая тройка» встретила в Крыму. Западные союзники спешили обсудить с Москвой вопросы послевоенного урегулирования, создать новую систему международных отношений. Далеким от идеалов демократии методом три мировых лидера делили Европу на сферы геополитического контроля, определяли судьбы других стран и народов, руководствуясь каждый своими национально-государственными интересами, фактически распределяя военные, политические и материальные «трофеи».

Сталин обладал существенным преимуществом: вклад страны в разгром Германии был огромен, армия приближалась к Берлину. Союзники, не имея такого преимущества, искали компромиссы, понуждая Сталина учитывать их интересы. В полной мере это проявилось при обсуждении западной границы Польши и организации ее правительства. Рузвельт и, особенно, Черчилль предполагали ввести бывшего польского премьера в коалиционный состав польского правительства для продолжения борьбы за облик власти, внешнеполитическую ориентацию и геополитическое место Польши в послевоенной Европе. Они соглашались на «линию Керзона» в качестве восточной границы страны и безуспешно убеждали Миклоайчика уступить в этом Сталину. Но, согласившись на передачу СССР 1/3, а Польше 2/3 территории Восточной Пруссии, Черчилль и Рузвельт возражали против пополнения польской экономики почти всем промышленным и горнорудным Силезским районом Германии. Не договорившись, решение отложили, но советская сторона вовсе не проиграла. Военным властям СССР предписывалось передавать под управление польской администрации новые территории восточнее р. Одер [Советский Союз на международных... с. 214; Советский фактор... с. 153–155].

По вопросу формирования польского коалиционного правительства шли непростые дискуссии. Сталин стремился «перезапустить» борьбу за власть в Польше при изоляции представителей правого спектра довоенного политического класса, сохранив решающие позиции деятелей ПКНО, но допустить к власти тех политиков (главным образом крестьянской и социалистической партий, находившихся в стране и в эмиграции), кто не отличался враждебностью к СССР и склонялся к взаимодействию с коммунистами.

С точки зрения интересов СССР особо выгоден был перевод борьбы за Польшу с международной на внутреннюю арену, где польские коммунисты контролировали Войско Польское, госбезопасность, промышленность, финансы. Вместе с близкими им левыми социалистами и «людовцами» (представителями крестьянских партий) они создавали органы власти, проводили аграрную реформу, восстанавливали промышленные пред-

приятия, шахты, открывали школы и университеты. Миллионы поляков получали работу — правда, от власти, которой не ждали. Настроения в стране представляли собой «сгусток противоречий» и складывались «из миллионов индивидуальных позиций». Большинство, за исключением вооруженного подполья, было против коммунистов во власти, но не отторгло демократические, прежде всего социально-экономические, преобразования. Поляки хотели не воевать, а участвовать в налаживании послевоенной жизни и поэтому шли на контакт с властью, что означало, раньше или позже, признание ими новых политических реальностей [Kersten Między... s. 13, 18–21; Kersten Narodziny... s. 117–118].

Архиважный геополитический интерес СССР состоял в признании Временного правительства Великобританией и США, что закрепило бы государственную территорию Польши до утверждения ее западной границы на мирной конференции. Требовалось, не нанеся ущерба позициям польских единомышленников Москвы, ввести в правительство представителей западно- демократической линии и тем завоевать поддержку их многочисленных сторонников. К тому же участие в правительстве обязало бы этих политических игроков принять как данность ключевые позиции польских коммунистов и присутствие советских военных властей на территории Польши, а также порвать со «своими» подпольными военно-политическими структурами, включая отряды АК. За этим волей-неволей последовало бы их согласие на подавление тех, кто продолжал вооруженные действия, теперь уже против законной коалиционной власти. Все это способствовало бы спокойствию в обществе и в «польском» тылу Красной армии.

Заинтересованность Рузвельта и Черчилля в возложении на Красную армию почти всей тяжести борьбы за разгром Германии и во вступлении СССР в войну с Японией диктовала их согласие с предложением Сталина объединить в польском правительстве представителей «лондонских» и «люблинских» поляков [Ржешевский, с. 499–506]. Союзники предлагали включить в его состав располагавшего высоким уровнем доверия в обществе Ст. Миколайчика, который мог бы продолжить борьбу за перехват власти от коммунистов. Не имея иного способа воздействовать на события в Польше, кроме как решением конференции обязать новое правительство провести «как можно скорее» выборы в Сейм, они намеревались закрепить преобладание «своих людей» в системе законодательной власти с целью изменения внешнеполитического курса страны и получить польскую сферу контроля в регионе. Сталин согласился на проведение скорых выборов в стране, где находилась его армия [Ржешевский, с. 510–511].

На конференции в Ялте перед Черчиллем и Рузвельтом был поставлен вопрос о безопасности «польского» тыла советских войск. К этому времени в Москве располагали данными о вооруженных нападениях оставшихся «в лесах» отрядов АК и НСЗ на советские военные комендатуры, тюрьмы для военнопленных, транспорт, посты связи и коммуникации, о захватах в плен советских военнослужащих. Имелись свидетельства зверских пыток и убийств 310 красноармейцев [Как польское вооруженное подполье...]. Сталин предупредил союзников: за нарушения законов войны «будем их [поляков] расстреливать». Рузвельт и Черчилль фактически признали правомерность разоружения, интернирования и арестов участников «банд». Признали они и советское

обоснование этого безопасностью тыла Красной армии, закрыв глаза на политическую составляющую действий СССР [Советский Союз на международных конференциях... с. 120, 95, 119; Русский архив... с. 387–388.].

Сталину были «сданы» военно-политическое подполье и связанные с ним политические фигуры, в том числе те, кто позднее попытался, признав «Ялту», включиться в политическую жизнь страны. Тем самым союзники разделили с советской стороной и польскими коммунистами политическую и историческую ответственность за лишение свободы и/или гибель ряда лидеров военно-политического подполья, готовых сложить оружие и участвовать в политической борьбе за облик Польши. Большинство их не воспользовалось амнистией, объявленной властью летом 1945 г., и продолжило вооруженное сопротивление, которое в 1945–1946 гг. приобретало характер локальной гражданской войны. В свою очередь, ответственность за гибель польских коммунистов, представителей власти, ее сторонников среди мирного населения и советских военнослужащих легла на бывших «аковцев» и членов НСЗ.

После Ялтинской конференции в страну возвратились некоторые польские деятели из США и Великобритании, в том числе экс-премьер Ст. Миколайчик, который под давлением англичан 15 апреля 1945 г. публично признал решения, принятые союзниками по «линии Керзона». Происходили перемены в политическом ландшафте Польши, усложнялся внутренний политический процесс. На все это советская сторона реагировала разными способами, в том числе и силовым. Появление на политическом горизонте новых «игроков» из руководства подполья и командования АК было расценено в Москве как нежелательное. В конце марта 1945 г. последовал арест 16 человек, и в июне 1945 г. почти всех их приговорили к различным срокам тюремного заключения. Большинство было вскоре освобождено и возвратилось в Польшу, кроме командующего АК ген. Л. Окулицкого, делегата правительства Я. Янковского и его заместителя С. Ясюковича, которые похоронены в СССР [См.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... док. № 34, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 50 и др.].

Значительно серьезнее весной 1945 г. оценивались в Кремле данные о новых тенденциях в политике союзников. Реакцией на них стал подписанный 21 апреля 1945 г. в Москве в спешном порядке и вопреки настроениям союзников антигерманский Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, который связал воедино национально-государственные интересы и безопасность двух стран. Есть основания предполагать, что в это время Москва имела сведения о разработке Лондоном плана «Немыслимое» — экстренной военной операции, намечавшейся уже на июль 1945 г. для «разгрома России в тотальной войне», где «главным театром военных действий» должны были стать советская зона оккупации Германии и новые земли Польши [См. подр.: Ржешевский, с. 524–528; Очерки истории российской... т. 5, с. 20; Печатнов На излете...]. Военно-политическое вхождение Польши в сферу геополитических интересов СССР и его ответственности за ее безопасность становилось необратимым.

Это публичное свидетельство готовности СССР защищать польские геополитические интересы ускорило начатый в феврале–марте процесс формирования состава нового

правительства Польши. 28 июня 1945 г. общими усилиями представителей глав «Большой тройки», польских политиков из Варшавы и Лондона было создано Временное правительство национального единства во главе с социалистом Э. Осубка-Моравским. Ст. Миколайчик получил пост вице-премьера и министра сельского хозяйства. Вскоре он создал крупную политическую партию, которая, «открестившись» от военно-политического подполья, встала в оппозицию левым во главе с коммунистами. 5 июля новое правительство Польши было признано западными союзниками [См. подр.: Польша в XX веке... с. 487–490].

Таким образом, советское руководство привлекло на свою сторону приверженцев западной демократии и тем успокоило союзников и значительную часть поляков. Политическая борьба за власть была направлена в мирное русло, опасность большой гражданской войны за спиной Красной армии минимизирована. По политическому составу правительства Польша встраивалась в общий с другими странами региона геополитический «пояс безопасности» вдоль западного и балканского участков советской границы. Его внутренняя устойчивость связывалась Москвой с невраждебным, а лучше — дружественным СССР обликом политических режимов, с коалиционной системой власти и долгосрочным развитием в русле широкой демократии при взаимодействии как с СССР, так и с западными державами [Советский фактор в Восточной Европе... т. 1, с. 29–30].

Такие режимы и такой их внешнеполитический курс советская сторона полагала соответствующими расчетам на долгосрочное, политически адресованное прежде всего США сотрудничество с западным миром. Хотя в польском обществе существовали различные мнения о путях развития страны, коалиционная власть лета 1945 г. во многом соответствовала представлениям большинства поляков о польских интересах. Три основные политические силы (коммунисты, социалисты, «людовцы»), составляя программы преобразований, приспособляли свои довоенные идеологические воззрения к текущей ситуации, учитывали необходимость социально-политических компромиссов во имя решения общенациональных задач. Такие представления о направлении развитии общества разделяли многие коммунисты, и не только польские.

Нерешенной оставалась актуальная для страны и миллионов поляков, уже осваивавших новые земли, проблема западной границы. Ее утверждение ожидалось на встрече Сталина, Черчилля и нового президента США Г. Трумэна, состязавшихся за конкретные геополитические, территориальные и экономические итоги разгрома Германии. На стороне Сталина, а объективно и Польши, были безусловные военная мощь и авторитет СССР в мире. Но была и неясность, как долго, с исчезновением антигерманской общности действий трех держав, сохранится заинтересованность западных союзников в сотрудничестве с СССР.

Весной 1945 г. в Москве уже фиксировались негативные для СССР и Польши сигналы с Запада, одним из которых стало сокращение поставок по ленд-лизу. Для нейтрализации нежелательных перспектив предпринимались превентивные меры. 29 мая 1945 г. Ставка Верховного главнокомандования утвердила три директивы. Первая —

о Группе советских войск в Германии в зоне, имеющей «границами линию соприкосновения с войсками союзников» и до линии р. Одер и границы с Чехословакией. Другой директивой на территории к востоку от р. Одер–Нейсе и до советско-польской границы по «линии Керзона», включающей 14 крупных польских городов и 2/3 Восточной Пруссии на северо-востоке, дислоцировались части Северной группы Красной армии. Третья директива касалась оперативных полномочий Главнокомандующего Войска Польского. Ему передавались из подчинения советским командующим фронтами все польские части, а также, несколько позднее, — охрана участка границы с Чехословакией и мостов на р. Одер. Все мероприятия завершались к 5–8 июля 1945 г., то есть до встречи «Большой тройки» [См. подр.: Польша в XX веке... с. 453–455].

В связи с изменением предназначения советских войск на освобожденной территории Польши изменялись и задачи уполномоченных НКВД при командованиях фронтов. А именно: увеличивалась до 15 полков численность внутренних войск НКВД на территории Польши, поскольку через эту страну перемещались войска, грузы разного назначения, многочисленные беженцы и переселенцы. Помимо этого, уполномоченные имели специальное поручение советского руководства оказывать польским спецслужбам помощь в борьбе с вооруженным подпольем¹.

Таким образом, накануне встречи «Большой тройки» в Потсдаме Москва была готова к разговору по польским делам в условиях, когда желание западных союзников наказать Германию к выгоде наиболее пострадавшей в войне, но почти «потерянной» для них Польши заметно снизилось. С 17 июля по 2 августа 1945 г. И.В. Сталин, У. Черчилль (затем К. Эттли) и Г. Трумэн обсуждали, главным образом, будущее Германии и в этой связи — западную и северо-восточную границы Польши. После длительных дискуссий при участии представителей Польши, включая Ст. Миколайчика, Сталин добился максимально возможного результата. Ради продолжения полезного для СССР сотрудничества, в первую очередь с США, он принял компромиссное американское предложение: установление западных границ откладывалось до мирной конференции, бывшие германские территории передавались лишь «под управление Польского государства», что придавало некую «шероховатость» самому решению [Документы и материалы... т. VIII, с. 157, 479–488, 521–528, 534–535, 542; Советский Союз на международных... т. VI, с. 476, 497].

Следует учитывать, что в соглашении советского правительства и ПКНО от 27 июля 1944 г. линия западной и северо-восточной границ была уже обозначена, а в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции указывалась и прилегающая к Балтийскому морю часть советско-польской границы. Оба участка границы Польши были закреплены двусторонним Договором о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г. Более того, принятая в Потсдаме оговорка, что новые польские земли «не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии», означала молчаливое согласие союзников с существованием новой западной границы Польши и почти сводила на нет положение об ее установлении будущей мирной конференцией [Документы и материалы... т. VIII, с. 539].

1 Еще 20 полков размещались в 5 других странах региона [Teczka specjalna... s. 304–305].

В Потсдаме состоялось признание Польши субъектом мирового сообщества, а ее правительства — полноправным участником международных отношений. Отказ США и Великобритании от признания де-юре польского правительства в Лондоне, «которое больше не существует», блокировал претензии входящих в него политиков на возвращение во власть. Довоенный польский политический класс потерпел как внутривнутриполитическое (ставка на антисоветизм), так и геополитическое (Польша — барьер от большевизма) поражение.

Однако в принятых в Потсдаме решениях отсутствовали согласованные тремя державами гарантии польских границ, и единственным их гарантом от посягательств извне не служили советско-польский Договор от 21 апреля 1945 г. и присутствие в стране Красной армии. Это влекло за собой долгосрочную и многостороннюю зависимость Польши от СССР и в дальнейшем действовало как негативный и устойчивый национально-политический фактор, влиявший на внутреннюю стабильность и власть (но не на границы и территориальную целостность страны).

Итак, в 1945 г. был пройден решающий этап борьбы за реализацию геополитических целей СССР, а именно — за свою и польскую (вне зависимости от характера власти) послевоенную безопасность, исходя из общности соответствующих национально-государственных интересов. Усилиями СССР была создана сфера советского влияния на главном, польском, направлении возможной новой угрозы с запада.

Но борьба в Польше (и вокруг нее) за общественное устройство и внешнеполитическую ориентацию страны не закончилась. Существовала влиятельная оппозиция, действовало нелегальное антиправительственное вооруженное подполье. Тех и других явно или скрытно поддерживали Польская римско-католическая церковь, особо влиятельная в обществе, сохранявшем довоенный облик и остатки сословности, и ее иерархи.

Летом 1945 г. социальная структура польского населения определялась разными формами собственности и многоукладной экономикой. Налицо была множественность мировоззренческих взглядов при глубокой религиозности большинства поляков, почитавших национальные традиции. Во всех социальных группах имели влияние правые — политически организованные националисты (национальные демократы, или «эндэки»). Массовые рабочие партии (социалисты и коммунисты) и крестьянская партия («людовцы»), укоренившиеся в трудящейся части населения города и деревни в конце XIX в., определялись с идейно-политическими задачами в новой ситуации, но ни одна не имела монополии на истину и власть в стране. Исполнительная и законодательная ветви власти, органы местного самоуправления, административный аппарат были многопартийными. Такой Польша оставалась на протяжении нескольких послевоенных лет. Ее устройство вовсе не корреспондировалось с общественным строем СССР, где государство владело монополией на собственность, а вся полнота власти сосредотачивалась в руках единственной политической силы — компартии.

Важнейшим признаком, отличавшим Польшу от СССР, оставалась реальная и до 1948 г. ожесточенная политическая борьба за долю владения властью и ее суть [См.

подр.: Польша в XX веке... разд. IV, очерк II]. В ходе этой борьбы подавлялись не представленные во власти, угрожавшие ей правые националисты и подполье. К концу 1947 г. постепенно была разрушена оппозиционная партия Ст. Миколайчика, обладавшая существенной властью и влиянием. Эти сторонники мелкобуржуазной крестьянской (аграристской) модели развития страны претендовали на определяющую долю власти и выступали за приоритетный союз с Западом. Отметим, что подавление легальной оппозиции происходило как политическими методами, так и силой, при участии польских спецслужб и, бывало, армии, которые контролировались польскими коммунистами. Помощь войск НКВД в борьбе с вооруженным подпольем с 1947 г. сокращалась.

Подчеркнем: подавлялась деятельность тех сил, которые сопротивлялись в первую очередь союзу Польши с СССР, его военному присутствию, которое ограничивало суверенитет страны. Но в ту пору СССР был единственной силой, желавшей отстоять новые границы Польши и способной защитить страну от внешней угрозы и территориальных притязаний, организовав общую систему безопасности. Однако задача не допустить отрыва Польши от СССР вовсе не означала перехода к социализму «по Сталину».

1945–1948 гг. — это время общедемократических преобразований в пользу самых широких слоев населения. Полным ходом шла аграрная реформа. Помещики, владевшие основной долей сельскохозяйственных и лесных угодий, лишались собственности (исключая 50 га), земля передавалась крестьянам в частное владение. Поляки заселяли новые территории и получали крупные наделы земли и жилье в собственность. Промышленность, кроме средней и мелкой, шахты, банки, транспорт, линии связи переходили под управление государства, что перекликалось с курсом на этатизацию в ряде стран Запада. Отменялись все сословные привилегии. Становились всеобщим и бесплатным образование всех уровней, свободным — доступ к культуре. Церковь была отделена от государства, преподавание религии в школе ограничивалось, сохранялась свобода вероисповедания и отправления культа.

Политическая система, законодательная и исполнительная власти оставались до 1948 г. многопартийными, властными полномочиями располагали представители всех легальных партий, профсоюзов, молодежных организаций. Правда, контроль над силовыми ведомствами, финансами и промышленностью оставался в руках коммунистов. Главные политические силы 1945–1948 гг. разрабатывали свои программы на будущее. Сторонники Миколайчика («людовцы») сохраняли верность довоенным идеям аграризма, представляли Польшу республикой, где крестьянин определяет развитие страны, а у власти находятся представители крестьянско-рабочего союза; сельское хозяйство — основа экономики, промышленность обслуживает его интересы. Стране, по их мнению, надлежало ориентироваться на союз с западными демократиями и «дружить» с СССР.

Аграризм не принимали ни социалисты, ни коммунисты, ни близкие им левые деятели самого «людовского» движения. К осени 1947 г. судьба этой доктрины была решена ходом политической борьбы и поражением Миколайчика на выборах в сейм [Носкова Крестьянское... с. 235–240].

В рабочем движении процессы были сложнее. В 1945–1947 гг. шли дискуссии внутри рабочих партий и между ними. Текущую ситуацию социалисты и коммунисты именовали временем демократических реформ, этапом народной демократии без диктатуры пролетариата, с многопартийной системой, парламентской демократией и многосекторной экономикой. Такая концепция перехода к социализму политически сближала социалистов и коммунистов, обеспечивала их сотрудничество против подполья и отчасти против сторонников мелкобуржуазной демократии [Волокитина «Холодная война»... разд. II, гл. I]. Но велись споры вокруг выдвигавшейся социалистами модели «демократического социализма», где соединялись применительно к польским условиям нормы западной демократии и достижения европейской социал-демократии.

Спорили и коммунисты. Часть их выступала за длительный, эволюционный «польский путь» через строй народной демократии «к новому социалистическому качеству». Были и сторонники немедленного перехода к советской модели социализма, но их голоса не были преобладающими до осени 1948 г. Руководство партии находилось в руках сторонников особого национального, длительного пути к несветскому социализму [Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа... с. 34–39]. Это было созвучно суждениям, которыми делился Сталин, неоднократно беседуя с польскими коммунистами и социалистами в Кремле — то по отдельности, то собирая их вместе. Он предлагал «обойтись без грехов» советского перехода к социализму (диктатура пролетариата, колхозы, атеизм). В Польше для него было главным не допускать вооруженных действий подполья, ибо они вели дело к гражданской войне и возможному вмешательству в конфликт западных союзников. Необходимо было спокойствие в польском обществе, достигавшееся компромиссом разных, но невраждебных СССР социальных и политических сил. Об этом Сталин в мае 1946 г. подробно говорил польским коммунистам и социалистам, отметив в который раз важное отличие их действий от опыта СССР. Путь народной демократии, подчеркивал он, «приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя» [Восточная Европа... с. 457–458]. Такая стратегия соответствовала задаче сохранить сотрудничество СССР с западными державами и не нарушала советского контроля в Польше (и регионе).

Но к концу 1947 г., когда закончился этап принятия общих решений, когда «рассыпалось» взаимодействие и сосуществование западного мира с СССР и недавние союзники озаботились нейтрализацией коммунистической опасности на Западе, когда зримым становился раздел мира на два враждебных лагеря, перемены на Востоке Европы, и прежде всего в Польше, становились неизбежными. Модели общественного развития, рассчитанные на длительное существование многоукладной экономики и многопартийной системы в условиях признания союзниками геополитических интересов СССР в регионе, утрачивали перспективу.

Иным способом сохранить геополитические итоги войны, кроме сосредоточения власти в руках одной идеологически надежной политической силы для мобилизации всех ресурсов и ускоренного перехода к испытанной войной советской модели организации общества, руководство СССР не располагало. 1948 г. стал временем внутри- и внешне-

политической подготовки к внедрению с 1949 г. советского образца социализма под руководством компартий. Это совпало с обретением СССР статуса второй ядерной державы, что придавало устойчивость советскому контролю в Восточной Европе.

Нет оснований определять действия Сталина в первые послевоенные годы как политическую тактику, уловку, скрывавшую намерение сразу после войны приступить к переводу Польши (и других стран региона, исключая Югославию) на советский вариант развития. Осторожный и опытный политик, советский лидер, несомненно, осознавал, что такой курс объективно не имел ни политических, ни экономических, ни социальных предпосылок, что он мог взорвать весь регион и воспрепятствовать созданию геополитического пространства, защищающего СССР от новой агрессии с запада. Только неуклонное нарастание более опасной, атомной угрозы со стороны США и их союзников сделало для руководства ВКП(б) и компартий стран региона актуальной задачей советизации региона. Но «пояс безопасности» СССР уже был реальностью, скрепленной региональной, включая СССР, системой двусторонних и многосторонних военно-политических договоров.

Литература

Великая Отечественная война. 1944 год. М. 2014

Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. (очерки истории). М. 1998.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М. 1993.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М. 2002. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.– Новосибирск. 1997.

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 11–12.

Гибианский Л.Я. Советские цели в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблема изучения источников // Russian History / Histoire russe. The Soviet global impact. 1945–1991. California. 2002. P. 197–216.

Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М. 2002.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (Далее ДМИСПО). Т. VIII. М. 1974.

Дурачинский Э. Сталин — создатель и диктатор сверхдержавы. М. 2015.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия // Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М. 2001. Док. № 34, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 50.

Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить гитлеровскую Германию // Федеральное архивное агентство. — URL: archives.ru/library/poland-1944-1945/index.shtml (дата обращения: 06.11.2019).

«Круглый стол». СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине–второй половине 40-х годов. // Советское славяноведение. 1991. № 6.

- Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 2. 22 июня 1941–1943 г. М. 2009. (Научное наследие. Т. 33.).
- Марьина В.В. Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М. 2013.
- Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М. 2003.
- Носкова А.Ф. Крестьянское политическое движение в Польше. (сентябрь 1939 — осень 1947 г.) М. 1987.
- Носкова А.Ф. Проблема международно-правового признания власти и границ Польши (август 1944 г. — август 1945 г.) // Великая Отечественная война. 1945 год. М. 2016.
- Носкова А.Ф. Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война. 1942 год. М. 2012. С. 18–32.
- Носкова А.Ф. Сталин и создание Польского Комитета Национального Освобождения: вынужденный шаг в нужном направлении // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. СПб. 2009.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т 4. 1941–1945. М. 2014.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М. 2003.
- Парсаданова В.С. Варшавское восстание. Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 1. Б./ м. 2018.
- Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. 1982.
- Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т.1
- Печатнов В.О. Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М. 2015.
- Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (по новым документам) // Новая и новейшая история. 2013. № 3.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. 2012.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии. 1941–1945. М. 2004.
- Русский архив. Великая отечественная. 14.3.(1). СССР и Польша. 3.(1). К истории военного союза. М. 1994.
- Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 — декабрь 1945. В трех томах. Т.1 Ч.1. Апрель 1943 — март 1944. Документы. М. 2018.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Сб. док-тов. М. 1984.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х тт. Документы / Т. 1. 1944–1948 гг. Отв. редактор — Т.В. Волокитина. М. 1999.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М. 1999.
- Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М. 1984.
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. 1983.
- Советско-польские отношения 1918–1945 гг. Сборник документов. В 4 т. Т. 4: 1939–1945. М. 2017.

- Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. 2001.
- Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945.* T. V. Październik 1944 — Lipiec 1945. Wrocław–Warszawa–Kraków. 1991.
- Ciechanowski J.* Powstanie Warszawskie. Pułtusk. 2004.
- Cytowska-Siegrist E.* Stany Zjednoczone a Polska. 1939–1945. Warszawa. 2013.
- Devis N.* Europa walczy. 1939–1945. Nie takie prosto zwycięstwo. Kraków. 2008.
- Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa. 1999.
- Kersten K.* Między wyzwoleniem i zniewolnieniem // Polska. 1944–1956. Londyn. 1993.
- Kersten K.* Narodziny system władzy. Polska. 1943–1948. Lublin. 1989.
- Materski W.* Dyplomacja Polski “Lubelskiej”. Lipiec 1944 — Marzec 1947. Warszawa. 2007.
- Motyka G.* Na białych polaków obława. Wojska NKWD w walce z polskim podziemiem. 1944–1953. Kraków. 2014.
- Strzembosz. T.* Rzeczpospolita podziemna. Warszawa. 2000.
- Teczka specjalna J. W. Stalina.* Raporty NKWD z Polski. 1945–1946. Warszawa. 1998.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-82-91

УДК 327; 329

Александр Полунов

Общественные организации Крыма в 2005–2010 гг.: борьба за национально-культурную идентичность русского населения

Аннотация. В статье анализируются общественно-политические и идейные предпосылки процессов, которые развернулись на Крымском полуострове весной 2014 г. и завершились его возвращением в состав России. В центре внимания автора — период 2005–2010 гг., когда в Киеве утвердилась «оранжевая власть» во главе с президентом В.Ф. Ющенко. Рассматривается деятельность общественных организаций и политических партий Крыма, выразивших интересы русского населения, их позиции по ключевым внутри- и внешнеполитическим вопросам. Показано, что в ходе деятельности организаций русского населения между ними возникли серьезные разногласия, которые в конечном счете удалось преодолеть.

Ключевые слова: Крым, автономия, независимость, русское население, общественные организации, политические партии, «оранжевая революция», идеология, культура.

При обращении к новейшей истории Крыма представляется важным выявить предпосылки тех событий и процессов, которые развернулись на полуострове весной 2014 г. и завершились его возвращением в состав России. Особое значение имеет период 2005–2010 гг., характеризовавшийся утверждением в Киеве после «первого майдана» «оранжевой власти» во главе с президентом В.Ф. Ющенко. Именно в эти годы окончательно сложилась позиция политически активного русского населения Крыма в отношении киевской власти.

Для Крыма, как и для многих регионов бывшего СССР, рубеж 1980-х — 1990-х годов стал временем возникновения независимых общественных организаций и складывавшихся на их базе идейных течений. Задачей общественных организаций Крыма с самого начала являлась защита национально-культурной, исторической и языковой идентичности русского населения полуострова.

В условиях общественно-политической турбулентности, порожденной «перестройкой», нарастания процессов дезинтеграции союзного государства на полуострове громко звучали лозунги создания Крымской республики в составе СССР и закрепления

Сведения об авторе: ПОЛУНОВ Александр Юрьевич — заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, заместитель декана по научной работе, доктор исторических наук, профессор, polunov@sra.msu.ru.

на ее территории статуса русского языка в качестве государственного¹. После распада Советского Союза представители политически активного русского населения широко использовали для продвижения своих требований институты электоральной демократии. Президентом Крыма в 1994 г. был избран Ю.А. Мешков — известный деятель пророссийской направленности. В Верховном Совете автономии его поддерживал блок «Россия», завоевавший большинство депутатских мест. Как утверждал впоследствии первый секретарь Крымского республиканского комитета Коммунистической партии Украины (КПУ) Л.И. Грач, «посредством выборов в начале 1990-х... был реализован лозунг о возврате Крыма в Россию» [Грач].

Но вскоре у пророссийского движения начались проблемы. Несмотря на триумфальную победу на выборах, руководство Крыма не смогло обеспечить полуострову реальную автономию — для этого не было сколько-нибудь значительной финансово-экономической базы. Сказывались и недостаток управленческого опыта у лидеров, и преобладание в их окружении политиков «митингового» типа, что было вообще характерно для начала 1990-х годов. Наконец, пророссийское движение ориентировалось на Россию, а поддержки с ее стороны не дождалось. Руководство Российской Федерации в те годы рассматривало выступления пророссийских деятелей за рубежом как досадную помеху на пути сближения с Западом и скорейшей интеграции в евроатлантические структуры. Были опасения, что это может возродить на Западе подозрения относительно «неизжитых имперских амбиций» России.

В этих условиях руководство Украины, умело манипулируя крымскими политиками, добилось в 1995 г. изменения конституции и ликвидации поста президента автономии, что стало тяжелым ударом для организаций русского населения Крыма.

Возрождение политической активности пророссийских сил полуострова началось в 2002 г. В Верховный Совет Крыма прошли депутаты от новых общественно-политических структур — организации «Русская община Крыма» и партии «Русский блок». На очередных выборах спустя четыре года они расширили свое представительство.

Лозунги «оранжевой революции» 2004 г. были восприняты значительной частью населения полуострова враждебно.

В 2008 г., в связи с провозглашением независимости края Косово, конфликтом в Закавказье и признанием независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России, обстановка еще более осложнилась.

По словам газеты «Первая Крымская», «события в сербском крае всколыхнули на Украине и в Крыму новую волну заявлений о сепаратизме, патриотизме, национализме

---

¹ По результатам референдума, состоявшегося в январе 1991 г., Крыму был присвоен статус автономной республики, но в составе не СССР, а Украины. Одновременно с конца 1980-х годов началось возвращение на полуостров депортированного в 1944 г. крымско-татарского населения, значительно обострившее социальные и этнические противоречия в Крыму.

и праве на самоопределение». Л.И. Грач предположил, что признание Западом независимости Косова дает повод пророссийским силам на полуострове вновь поставить вопрос о правомерности «дарения» Крыма Украине в 1954 г. Лидеры крымских татар заявили, что автономию необходимо преобразовать из территориальной в национальную (татарскую). В то же время организации украинских националистов потребовали лишить Крым автономных прав [На Украине есть...].

Болезненное протекание начавшегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса дало повод представителям русских организаций говорить о неспособности украинского государства обеспечить стабильное развитие экономики и защитить социальные права своих граждан.

Но сильнее всего сказались на настроениях русского населения события в Южной Осетии и последовавшее за ними провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии. Верховный Совет Автономной Республики Крым принял обращение к Верховной Раде Украины, выразив «поддержку народам Абхазии и Южной Осетии в их праве на самоопределение» и одоблив «действия Российской Федерации по обеспечению их безопасности». Русскую общину Крыма, инициировавшую это обращение, поддерживали представители крымских республиканских отделений Партии регионов, партии «Русский блок», Коммунистической партии Украины, Прогрессивной социалистической партии Украины, ряд городских советов, республиканские национально-культурные общества.

В июне 2009 г. Русская община Крыма направила участникам VII Всемирного съезда осетинского народа приветственное послание, в котором говорилось: «Мы, крымчане, солидарны с братским осетинским народом и желаем ему единения, свободы, успехов в восстановлении разрушенного хозяйства».

Активизация политики официального Киева в этот период вызывала у организаций русского населения резко отрицательную реакцию. Именно так была воспринята, например, подписанная в декабре 2008 г. руководителями внешнеполитических ведомств Украины и США Хартия стратегического партнерства, предполагавшая, в частности, открытие в Симферополе дипломатического представительства США с неясными статусом и функциями. Лидер Русской общины Крыма Сергей Цеков во время встречи с американским послом на Украине У. Тэйлором в январе 2009 г. заявил, что открытие «поста присутствия» США в Крыму послужит поводом к постоянным конфликтам и напряженности. Он подчеркнул, что значительная часть населения Крыма не доверяет США из-за их политики по отношению к России и курса на безусловную поддержку киевского правительства: «В Крыму проживает 60 процентов русских по национальности, 80 процентов по языку — вы обязаны эти реалии учитывать! Россия для нас Родина, и мы не предадим ее, и вы это должны знать. Это реальность, с которой нужно считаться» [Сколько крымчан...].

Еще в январе 2008 г. Севастопольский городской совет единогласно провозгласил город «территорией без НАТО». Депутаты заявляли, что «оставляют за собой право

в случае продолжения курса на вступление Украины в НАТО призвать жителей Севастополя к массовым акциям протеста». Это, в свою очередь, подталкивало официальный Киев к сближению с блоком НАТО. Можно упомянуть обращение президента Ющенко к руководству блока с просьбой о включении Украины в План действий по членству в НАТО, план проведения на территории полуострова совместно с войсками блока учений «Си Бриз» и др. Ряд украинских политиков и общественных организаций (прежде всего из западных регионов страны) поставили вопрос о лишении Севастополя особого статуса, об ограничении и даже ликвидации крымской автономии.

Все это не могло не способствовать дальнейшему сплочению политически активного русского населения полуострова. Вместе с тем на пути такого сплочения оказалось немало серьезных препятствий.

Главное из них — разногласия в среде крымских пророссийских организаций, вызванные в том числе и тем, что их представители не могли быть уверены (даже после 2000 г.) в твердой поддержке своих действий со стороны России. Поэтому делались попытки найти для Крыма приемлемое место в политической системе украинского государства.

Подобное место, по словам лидера Русской общины Сергея Цекова, могло быть обеспечено посредством федерализации государства и провозглашения русского языка вторым государственным. «Это — два основных момента, которые, если они будут реализованы, приведут Украину к спокойствию, к нормальной жизни»¹. Крым, по мнению сторонников подобной точки зрения, должен был строить отношения с официальным Киевом на договорных основах, что явилось бы единственной прочной гарантией автономии республики [Крымчане отпраздновали...].

Сторонники более радикального подхода решительно выступали против пребывания полуострова в составе Украины. С их точки зрения, осуществленная Н.С. Хрущевым в 1954 г. без учета мнения крымчан передача полуострова Украине явилась для русского населения Крыма «депортацией», а проводившаяся официальным Киевом политика украинизации представляла собой «этноцид». Как считали руководители Народного фронта «Севастополь–Крым–Россия», жители Крыма и Севастополя «оказались вне Родины... по воле безумцев, предателей и явных врагов», а Украина после развала СССР осуществила «аннексию» Крыма, т.е. неправовую акцию. В документах Народного фронта подчеркивается, что Украина, «как и все государства, имеет право на суверенитет, независимость, но без уворованных у России земель и компактно проживающих на них миллионов русских» [Декларация...].

«Сегодняшний Крым — это мятежная территория, над которой Украина потеряла контроль», — констатировал в июле 2008 г. независимый информационный ресурс «Непокоренный Крым». В том же году сайт извещал читателей, что «украинский проект в Крыму уже давно провалился», «независимость будет провозглашена в односторон-

1 С. Цеков: «Все это мы уже слышали от товарища Сталина» [Цит. по: Цеков].

нем порядке, когда начнется развал Украины». По мнению авторов сайта, движение за автономию и даже независимость охватит не только Крым, но и Донбасс, Подкарпатскую Русь, Буковину. «Обанкротившейся Украине придется скоро расстаться со всеми этими территориями и влачить свое жалкое существование уже в усеченном виде»¹.

Однако столь непримиримо по отношению к украинскому государству были настроены не все из представителей политически активной части русского населения. «Мы не против Украины, но мы против той политики, которую последние 17 лет проводит независимая Украина», — заявил председатель исполкома Русской общины Крыма О.А. Слюсаренко 19 февраля 2009 г., в день симферопольского шествия, посвященного 55-й годовщине передачи Крыма в состав Украинской ССР.

Депутат Верховной Рады Леонид Грач вместе с представителями Русской общины Крыма и партии «Русский блок», сотрудничавшими с Партией регионов, стремились найти компромисс с официальным Киевом. Они работали над формулировками, способными устроить различные общественные силы. «Мы — интеграционисты, — заявил заместитель председателя «Русской общины Крыма» Олег Радивилов в интервью информационному агентству «Росбалт» в июне 2009 г. — Воссоединение с Россией — процесс исторический. Мы, русские Крыма, хотели бы сделать это законным путем, в рамках парламентской деятельности... Если Крым хочет быть субъектом Союзного договора, это не значит, что он хочет выйти из состава Украины. Он просто может быть субъектом Таможенного союза или какого-либо другого объединения. Львову и Закарпаты будем объяснять, что ничего плохого для них интеграция с Россией не несет»[Радивилов].

По мнению руководителей Русской общины Крыма, организации русского населения были призваны «усилить восточный геополитический вектор в развитии современной Украины», «развернуть украинский государственный корабль... в сторону восстановления союзнополитических отношений Украины с Россией». О.А. Слюсаренко считал важным, чтобы «в обозримом будущем... Украину в мире и на переговорах с Россией» не представляли политики, «далекие от интересов России и Славяно-Русского мира в целом»². Политики «умеренного» крыла отмечали, что сохранение Крыма в составе Украины будет побуждать ее идти на сближение с Россией. Лидер крымских коммунистов Л.И. Грач подчеркивал, что полуострову «уготована сложнейшая миссия — миссия якоря, удерживающего Украину у берегов России» [Грач]. Подобные рассуждения вызывали недовольство радикально настроенных организаций.

---

1 Интересно в этой связи заметить, что еще в 2006 г. руководство Народного фронта направляло Юрию Мешкову приглашение вернуться в Крым в качестве легитимного президента автономии. «Никто из крымчан-патриотов не считает его недействительным президентом, — утверждал координатор Народного фронта С. Компаниец. — Как раньше французы считали де Голля, так и мы Мешкова считаем президентом в изгнании. И он имеет полное моральное и юридическое право возглавить сейчас патриотические силы Крыма» [Компаниец].

2 См. информационную справку о «Русской общине Крыма» на веб-сайте этой организации: ruscrimea.ru/?id=rok/spravka

Разногласия были вызваны не только различными подходами к судьбе полуострова, но и программными установками тех или иных сил. Так, Леонид Грач характеризовал Партию регионов как «бюрократическую, либерально-буржуазную партию крупного олигархического капитала», которая подвергается манипулированию со стороны США. В свою очередь, в выступлениях представителей Народного фронта «Севастополь–Крым–Россия» сам Грач представал как «жесткий украинский государственный», да еще и приверженец идеологии марксизма-ленинизма. Деятели Народного фронта призывали Грача «расстаться с обанкротившейся коммунистической идеологией и начать деятельность на благо полуострова».

Что касается «умеренного» крыла Русской общины Крыма, они в целом положительно оценивали деятельность Партии регионов, полагая, что она играет конструктивную роль в рамках сложившегося на Украине политического баланса. «Это очень хорошо, — заявлял Цеков в интервью информационному агентству «Новый регион» 22 января 2009 г., — когда одна политическая сила (в данном случае Партия регионов) действует осмотрительно и осторожно, а другая, то есть Русская община Крыма и Русский блок, настроены более радикально. В итоге нам удастся принимать взвешенные решения, которые однозначно полезны для Крыма и крымчан».

А вот руководство Народного фронта, как и Леонида Грача, не устраивала недостаточно последовательная, на их взгляд, политика Партии регионов по отношению к НАТО и защите русского языка. «Партия регионов в лице Януковича отказалась от своих главных предвыборных обещаний, — заявил координатор Народного фронта Валерий Подъячий корреспонденту ИА REGNUM. — Это неудивительно, потому что уже давно просматривалось стремление верхушки регионалов выгодно продать своих избирателей в обмен на портфели» [Виктор Янукович...].

В этих условиях стали неизбежными разобщенность действий организаций русского населения и, как следствие, недостаточная эффективность их начинаний. «В Крыму нас (представителей русского населения — А.П.) 80 процентов, но говорить, что мы действуем очень эффективно, к сожалению, не приходится», — был вынужден признать Сергей Цеков в интервью агентству «Новый регион». Еще категоричнее высказывались политики, занимавшие более радикальные позиции. «Пророссийские политические силы Крыма разрозненны и, по сути, стали на путь финансового крохоборства. Они противодействуют друг другу и, таким образом, льют воду на мельницу антикрымских сил», — заявил Леонид Грач в интервью ИА REGNUM. Разногласия внутри пророссийского движения Крыма отразились в конфликтах, разделявших представителей Русской общины Крыма и КПУ в Верховном Совете Крыма, в отходе отдельных должностных лиц от пророссийских лозунгов, с которыми они шли на выборы. Серьезным фактором, отрицательно влиявшим на деятельность организаций русского населения, оставалось отсутствие внятной политики и поддержки со стороны России.

Следует подчеркнуть, что курс на единство с исторической родиной, сохранение исторической памяти, чувства принадлежности к общей культуре занимал важнейшее место в деятельности крымского пророссийского движения. Организациями русской

общины в течение всего рассматриваемого периода регулярно проводились мероприятия, связанные с памятью о важнейших вехах российской истории. Во время их проведения особо подчеркивалась необходимость единства с исторической родиной. Так, во время демонстраций в Симферополе 1 и 9 мая 2009 г. участники несли российские флаги, портреты Д.А. Медведева и В.В. Путина, скандировали лозунги «Слава великой России!», «Слава русскому народу-победителю!». К числу мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти, относились празднования годовщины присоединения Крыма к Российской империи и дня рождения Екатерины II, возведение памятных знаков в честь пребывания в Крыму представителей династии Романовых. Вместе с тем конкретные аспекты поведения России на международной арене в целом и ее политики по отношению к Крыму вызывали у представителей русских организаций весьма противоречивые оценки.

При отсутствии четко выраженной поддержки со стороны России значительная часть политически активного русского населения предпочитала придерживаться легальных методов деятельности, действовать в правовом поле Украины. Недовольство пребыванием в составе украинского государства, распространенное среди русского населения Крыма, объяснялось в данном контексте политикой официального Киева, нарушением неотъемлемых прав человека на территории Крыма. Широкое распространение среди деятелей русских организаций получила правозащитная аргументация, стремление привлечь внимание мирового сообщества к своим проблемам. Так, в сентябре 2008 г. Леонид Грач, возглавлявший Общественный совет по защите конституционных полномочий Автономной Республики Крым, направил обращение «О грубом нарушении правящим режимом Украины основных конституционных полномочий Автономной Республики Крым» в адрес ООН, Совета Европы, ОБСЕ, правительств России, США и других государств. К числу нарушений, перечисленных в обращении, относились: ограничение сферы применения русского языка, проведение на территории полуострова учений НАТО, нарушение бюджетных прав автономии и др. В выступлениях представителей организаций русского населения, депутатов Верховного Совета Крыма протесты против языковой, образовательной, культурно-идеологической политики официального Киева обосновывались ссылками на международные правовые акты и законы Украины: Хартию региональных языков и языковых меньшинств, Конституцию Украины, Конституцию Автономной Республики Крым, законы Украины «Об образовании», «О языках», «О высшем образовании» и др. Ссылки на законы служили основанием для подачи исков в суды разных инстанций, вплоть до Конституционного суда.

Однако те, кто должен был реагировать на обращения и протесты русских организаций Крыма — международные организации гуманитарного профиля, — фактически не обращали внимания на эти акции, отказывались признавать наличие серьезных проблем у русского населения. По словам Сергея Цекова, протестные настроения (так называемый «сепаратизм») в среде русского населения они связывали главным образом с «подстрекательствами извне». Заявления же о том, что подобные настроения были вызваны прежде всего политикой официального Киева, порождали недовольство у западных наблюдателей, которые попросту переставали общаться с представителями пророссийских организаций. По сути, все то, что относилось к сфере прав русского

населения — сохранение широкой сферы употребления русского языка, памяти об общем российском (советском) прошлом, — рассматривалось на Западе как «рудимент имперских притязаний России» и поэтому как бы изымалось из сферы деятельности правозащитных организаций. Лидеры русского движения в Крыму в своих выступлениях не раз подчеркивали, что подобный подход противоречит принципу верховенства прав человека как универсальной ценности.

Убедившись в недостаточной эффективности акций правозащитного характера, руководители организаций русского населения развернули широкую культурно-просветительскую деятельность, связанную с вопросами образования и исторического самосознания. Подобная деятельность получала зачастую довольно значительный размах и играла заметную роль в жизни полуострова. Так, Русской общиной Крыма и другими пророссийскими организациями были в 2008–2009 гг. организованы: массовые митинги протеста против празднования юбилеев исторических фигур, провозглашаемых официальным Киевом героями, — И. Мазепы и Р. Шухевича¹. Устраивались также демонстрации против решения властей об украинизации кинопроката, акция «В каждом окне — российский флаг!», митинг в честь годовщины референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР, автопробег в честь празднования Дня защитника Отечества (23 февраля) и др. К числу наиболее масштабных акций следует отнести организованный при активном участии Русской общины Крыма международный фестиваль «Великое русское слово», проходивший в ряде городов автономии с 6 по 12 июня 2009 г. (дата начала — день рождения А.С. Пушкина, дата завершения — День России). На фестивале присутствовали видные политики и официальные лица России, поздравление его участникам прислал президент России Д.А. Медведев. В рамках фестиваля был проведен ряд масштабных мероприятий: конференция «Русский язык в поликультурном мире», круглые столы «Украина и Россия — духовная и культурно-историческая общность», «СМИ Украины и России — шаги навстречу». По итогам фестиваля было принято решение о создании организации «Русскоязычная Украина», призванной заниматься правозащитной деятельностью. По мнению организаторов фестиваля — представителей русских организаций Крыма, само проведение такого мероприятия знаменовало выход пророссийского движения полуострова на новый уровень, говорило о наличии у него широких перспектив.

Интересы русского населения отстаивались также в ходе парламентской деятельности, тем более что после выборов 2006 г. Русская община Крыма и партия «Русский блок» заняли прочные позиции в Верховном Совете Крыма. По инициативе пророссийских организаций Верховный Совет принял в 2009 г. постановление «О мерах по поддержке русского языка в сфере образования в Автономной Республике Крым», а также постановление «О недопущении пропаганды фашизма и расовой нетерпимости, реабилитации и героизации фашистских коллаборационистов», направленное против внедряемых официальным Киевом новых историко-культурных символов (переоценка деятельности Украинской повстанческой армии, дивизии СС «Галичина» и др.). Вер-

---

1 Р. Шухевич — один из руководителей Украинской повстанческой армии, активно сотрудничал с нацистами, служил в подразделениях вермахта, имел звание гауптмана (капитана).

ховный Совет протестовал против попытки киевских властей прекратить трансляцию на территории полуострова российских телепрограмм, против сокращения (в перспективе — прекращения) преподавания на русском языке в средних и высших учебных заведениях Крыма и др. Подобная деятельность, безусловно, способствовала привлечению внимания к проблемам русского населения Крыма и до известной степени сглаживала конфликты и противоречия в среде политических лидеров, выражавших интересы русской общины.

* * *

Подытожим сказанное.

Взгляды и настроения русского населения Крыма, выявившиеся в ходе событий 2014 г., прошли длительный процесс формирования и эволюции, на которую влиял целый ряд факторов. Исходной точкой были действия пророссийских организаций, выступивших при поддержке большинства населения в начале 1990-х годов за включение полуострова в состав России. Развернувшийся затем натиск официального Киева на автономию республики способствовал нарастанию протестных настроений в среде русского населения. Особо негативную реакцию вызывала политика в сфере образования и культуры, напрямую затрагивавшая вопросы языковой, национальной, исторической идентичности русской общины. Целый ряд организаций, общественных и политических деятелей Крыма выступил в защиту интересов русского населения. Однако при попытках объединить свои действия, придать им более целенаправленный характер они столкнулись с серьезными препятствиями, прежде всего — отсутствием твердо выраженной поддержки со стороны России, на которую эти организации и политики ориентировались. Споры в среде пророссийских деятелей вызывал и вопрос об отношении к украинскому государству: должен ли Крым пребывать в его составе (при условии обеспечения широкой автономии) или же необходимо бороться за независимость полуострова?

В конечном счете разногласия удалось преодолеть. В значительной степени этому способствовали предпринимавшиеся пророссийскими организациями Крыма культурно-просветительские начинания, призванные подчеркнуть исторические основы идентичности русского населения, закрепить в его сознании чувство связи с исторической родиной.

Литература

Виктор Янукович защищает только интересы олигархического клана: организация Севастополь-Крым-Россия // Regnum. 08.08.2006. — URL: regnum.ru/news/685803.html (дата обращения: 24.11.2019).

Грач Л. Партия регионов опять будет дурить украинский народ своей любовью к России. Интервью // Regnum. 22.06.2007. — URL: regnum.ru/news/846818.html (дата обращения: 24.11.2019).

Декларация о провозглашении Народного фронта «Севастополь — Крым — Россия». 24 августа 2005 г. // Российское народное вече Севастополя. Веб-сайт Народного фронта «Севастополь — Крым — Россия». — URL: sevrus.narod.ru/#v25 (дата обращения: 24.11.2019).

Компаниец С. Мешков может вернуться в Крым // Радио «Свобода», 16 июня 2006 г.

Крымчане отпраздновали день республики Крым. Из выступления секретаря Симферопольского городского Совета, члена Президиума Думы «Русской общины» В. Блинова на митинге в честь годовщины проведения референдума о воссоздании автономии в Крыму, 20 января 2009 г.

На Украине есть пороховая бочка, у которой много фитилей и нетрезвая охрана: Крым за неделю // Regnum. 04.03.2008. — URL: regnum.ru/news/966564.html (дата обращения: 24.11.2019).

Радивилов О. «Жареный петух» для русских крымчан. Интервью // Росбалт. 22.06.2009. — URL: rosbalt.ru/2009/06/22/649201.html (дата обращения: 24.11.2019).

Сколько крымчан планируют убить США при добыче нефти на Черноморском шельфе? Крым за неделю // Regnum. 30.01.2009. — URL: regnum.ru/news/1117946.html (дата обращения: 24.11.2019).

Цеков С. Нет — политическим репрессиям в Крыму! Пресс-конференция Председателя Русской общины Крыма Сергея Цекова и руководителя правозащитной организации «Вера» Святослава Компанийца. 15 марта 2009 г. // Русская народная линия. 18.03.2009. — URL: ruskline.ru/analitika/2009/03/18/net_-_politicheskim_repressiyam_v_krymu (дата обращения: 24.11.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-92-102

УДК 323; 329

СВЕТЛАНА ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Современный германский популизм: общее и особенное

Аннотация. Популизм — одно из тех проблемных понятий, в интерпретации и оценке которых единого и верного мнения нет, а есть мнения господствующие и спорные. В наше время так называемый популизм может быть понят как реакция укорененных в своих государствах народов на процессы глобализации и на изменение идейно-политического профиля западных системных партий. Это явление рассматривается в статье на примере современной Германии. Сравнительный анализ программных положений «Альтернативы для Германии» и движения «Поднимайтесь» показывает сходство правого и левого популизма в ряде существенных вопросов. И те и другие настроены антиглобалистски, недовольны современными политическими элитами и указывают на губительность социального расслоения.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, левый популизм, Германия, «Альтернатива для Германии», АдГ, Левая партия, движение «Поднимайтесь».

Популизм в контексте глобализации

Популизм — одно из тех проблемных политических и политологических понятий, в интерпретации и оценке которых единого и верного мнения до сих пор нет, а есть мнения господствующие и спорные. Поэтому любые рассуждения о нем следует предварить разъяснением, как этот термин понимается в данной работе.

В западной политической науке доминирует мнение о вреде популизма для политических партий и о его разрушительной, антидемократической силе. Причиной этого является взгляд на данный феномен с точки зрения исследования политических партий, что само по себе естественно: популизм возник и начал свое победное шествие именно через партии, будь то Лига Севера, Национальный фронт или же Фламандский блок. Поэтому даже исследования, своими заголовками ставящие знак вопроса в отношении популизма и тем самым указывающие на его неоднозначность, как, например, сборник статей под редакцией Франка Декера «Популизм — опасность для демократии или полезный корректив?» [Decker, 2006], в итоге приходят к выводу о его несовместимости с государством традиционных политических партий. Предполагается

Сведения об авторе: ПОГОРЕЛЬСКАЯ Светлана Вадимовна — старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН и Института Европы РАН, доктор философии Боннского университета, кандидат политических наук; pogorels@mail.ru.

(например, у Зигфрида Франке), что популизм в современном западном мире является признаком деградации демократии, ее вырождения из демократии либеральной в систему, играющую по демократическим правилам, но лишенную либерального содержания [Franke]. В исследованиях демократии — в частности, в транзитологии — еще в 90-е годы таковыми считали гибридные режимы трансформирующихся обществ, стремящихся к западному качеству или же, напротив, консолидирующихся в состоянии «дефектной демократии».

Между тем популизм — явление значительно более комплексное, нежели феномен политической жизни, в которой он проявляется, далеко ею не исчерпываясь. Отступая от традиционно негативной нагрузки данного понятия и обращаясь к тому, какие партии, движения, тенденции в современном западном мире называют популистскими, автор данной работы полагает, что в наше время так называемый популизм может быть понят как реакция укорененных в своих государствах народов на процессы глобализации.

Воздерживаясь здесь от оценок глобализации, а также реакций на нее и ее проявления, отметим, что она является не «добром» и не «злом», но объективным процессом, обладающим своими движущими силами. Порождая своих пользователей, глобализация порождает и сопротивление тех, чьи жизненные основы она разрушает.

Финансовые, экономические, политические и культурные элиты, извлекающие выгоду из глобализации, склонны представлять себя двигателями прогресса, относя тех, кому она приносит убытки, к «проигравшим» или даже к «вечно вчерашним». «Дождь, идущий на родине, не мочит их», — пишет о новых мобильных элитах Александер Гауланд, в прошлом известный политик правого крыла Христианско-демократического союза Германии (ХДС), а ныне сопредседатель парламентской фракции партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), считающейся в ФРГ правопопулистской [Gauland...]. Внутринациональная солидарность, важная, в частности, для функционирования западногерманской модели социального рыночного хозяйства, теряет для глобальных элит свою актуальность.

Ответ из глубин населения — средних и мелких предпринимателей на местах, всех тех, чей труд и достаток зависят от функционирования своего государства, а не глобальных рынков — реализуется в соответствующем электоральном поведении: отказе от традиционных политических симпатий и обращении к популистским партиям. Причем как к правым, так и к левым. Различаются они чаще всего лишь тем, что у правых на первом месте стоят проблемы, связанные с национальной идентичностью, а у левых — с социальной справедливостью. Смычка флангов, кажущихся противоположными, теоретически вполне вероятна, если левые примут приоритет «своего» населения при распределении социальных благ, а правые признают важность социальной справедливости как фундамента национального единства.

Германия и популизм

До недавних пор в Германии не было популизма. Появление в 1980-х годах почти во всей Западной Европе партий нового типа, названных впоследствии популистскими,

ее миновало. Да и в 1990-е, когда национал-популистские партии в странах ЕС постепенно набирали силу, немецкие партии упорно исключали из своих программ любые элементы, которые могли быть оценены как популистские. В чем причина подобного развития?

Германия — мастер особых путей в политике, однако нынешний «особый путь» в вопросах популизма она не избирала. Ее принудили к этому особенности послевоенной западногерманской политической культуры, обусловленные так называемым «историческим прошлым» — периодом национал-социализма. (Как правило, «историческое прошлое» упоминается в контексте его «преодоления»). Первая германская демократия, Веймарская республика, рухнула в результате массового движения. Поэтому политическая система ФРГ, оформившаяся под давлением стран-победительниц а с воссоединением страны в 1990 г. распространившаяся и на восток Германии, на бывшую ГДР, изначально не давала подобным движениям ни малейших шансов.

ФРГ была одной из немногих демократических стран, где государство целенаправленно и интенсивно занималось «политическим образованием» граждан. Федеральный центр политического образования¹ был подчинен министерству внутренних дел, работу в этой сфере вели партийные фонды и ряд общественных организаций.

Политическое волеизъявление народа в германской демократии было возможно лишь через институт политических партий. На местах, в региональной жизни, могли возникать локальные гражданские инициативы, однако политическая артикуляция их нужд происходила исключительно в партийном пространстве. Общегерманские системные партии (*etablierte Parteien*) обладали четкими программными профилями и имели свой электорат. Попытки электорально «раскрутить» системную партию с привлечением чисто популистских, несвойственных ее профилю и чуждых ее базису лозунгов были редки и пресекались методами «демократического давления». Наиболее известной уже после воссоединения Германии была попытка национал-либерала Юргена Мёллемана в начале 2000-х годов расширить электоральную базу «свободных демократов» (Свободная демократическая партия Германии, СвДП) с 5% до 18%. Она закончилась неудачей и личной трагедией.

В немецкой политической культуре существовали табу. Ряд политически маргинализированных тем, хотя они и не были запрещены, было не принято обсуждать на официальном уровне. Например, «национальные» понятия, которыми в своей внешней и внутренней политике оперирует любое нормальное государство: «национальные интересы», «национальная гордость», «национальный патриотизм». Они были практически вытеснены из политического обихода в Западной Германии, а после воссоединения — на какое-то время и в Восточной. Патриотизм мог быть лишь «конституционным»², представляющим собой верность демократической конституции и гордость за нее.

1 Bundeszentrale für Politische Bildung, bpb.de/

2 В консервативном контексте это понятие развивал Дольф Штернбергер, в леволиберальном — Юрген Хабермас.

Понятие «народ» не использовалось, даже послевоенный раздел страны описывали словами «два государства, одна нация» (а не «один народ»). При реставрации здания рейхстага в начале 1990-х годов — для последующего переезда в него бундестага — всерьез дебатировалось, можно ли у входа оставить посвящение «немецкому народу» и не следует ли изменить надпись, используя слова «немецкому населению».

Уже в силу этого понятие «популизм», как апеллирующее к народу и ориентированное на элементы прямой демократии, в официальной политической дискуссии воспринималось идеологизированно негативно и противопоставлялось демократии как таковой. Поэтому, в то время как в соседних европейских государствах «новый правый популизм» постепенно становился привычной частью политического ландшафта, германское внутривнутриполитическое сознание отвергало это явление как «циничную инструментализацию непросвещенного потенциала сознания» — именно так писал о нем немецкий исследователь Гельмут Дубиель [Dubiel, s.12].

Однако такое отношение к популизму, как представляется, более навредило, чем помогло германской политической системе. Популизм в известной мере может быть полезным для политического и общественного развития, в целом для демократии, заставляя политических конкурентов реагировать на идентифицированные и поднимаемые популистами темы. В немецкой политической культуре артикуляция большинства тем, так или иначе связанных с вопросами национальной идентичности и национальных интересов, почти автоматически означала политическую маргинализацию. Демонтаж этих внутренних табу шел медленно — по мере появления новых внешних вызовов, срастания двух немецких государств и связанной с этим неизбежной модификации сложившейся во времена Боннской республики политической культуры.

К началу 2000-х годов в германской политической жизни возникла интересная ситуация. Во внешней политике утвердилась новая культура «Берлинской республики», относительно свободно, а именно в общеевропейском контексте, артикулировались «немецкие национальные интересы». Во внутренней же политике по-прежнему господствовала старая западногерманская идеологическая «постнациональная» парадигма.

«Центр» и фланги

Уже на рубеже «нулевых» годов XXI в. немецкая партийная система начала качественно меняться. Партии программно стали приближаться к «гражданскому центру». Под таковым подразумевался некий общедемократический консенсус, носитель которого — гражданское общество, среднее сословие, иными словами — большинство. Предполагалось, что курс на «гражданскую середину» обеспечит консолидацию широкого демократического слоя и вытеснит популистскую опасность на края электорального и, соответственно, политического спектра.

Еще одной причиной данной тенденции называлась «усталость граждан от политики», выразившаяся в снижении электоральной активности в те годы. Стремясь в таких условиях к политической репрезентации, партии сглаживали острые углы профилей,

жертвует своим коренным избирателем в надежде на привлечение новых широких масс из «чужих» партий. Это тоже можно было бы назвать своего рода «системным популизмом». Классическим примером стал курс «Зеленых», которые в конце 1990-х годов отказались от программного пацифизма (одной из своих мировоззренческих основ), потеряли из-за этого немало коренных избирателей, но приобрели новый электорат и впервые вошли во власть на федеральном уровне.

С точки зрения краткосрочной борьбы с нежеланными соперниками «на краях» принадлежность к «центру» оправдывала себя. Партии «политической середины» легче заключают коалиции друг с другом, вытесняя в оппозицию партии флангов, какие бы хорошие результаты те ни показывали. Однако в долгосрочной, стратегической перспективе именно эта политика системных партий и породила популизм справа и слева. Германия давно уже не то «гомогенное общество среднего сословия», каким она была в благополучные западногерманские времена. Процесс социального расслоения необратим. «Гражданская середина», за голоса которой соперничали и продолжают соперничать партии, все более сокращается, и отнюдь не по причине снижения политической активности граждан, но прежде всего в силу меняющегося имущественного и социального положения населения. «Края» справа и слева от политического центра растут, смыкаются в ряде своих требований, не находя в то же время «гражданских» (системных) политических сил, которые артикулировали бы их потребности. В Германии крепнет электорат, чьи интересы не представлены системными партиями.

Более того, топчась в «политическом центре», обрубая собственные фланги, переплетаясь программами, в соперничестве за «гражданского избирателя» коллективно шарахаясь от одной раскрученной в сетях темы к другой, системные партии теряют свой четкий традиционный профиль. Поэтому даже социально успешным избирателям, той самой «середине», становится все труднее идентифицировать себя с некогда «своими» политическими партиями.

В итоге обе большие, именуемые в Германии «народными» партии, консерваторы и социал-демократы, теснившие друг друга в борьбе за «гражданскую середину», от раза к разу показывают на выборах все более низкие результаты и теряют партийных членов и сторонников.

Правый и левый популизм

К числу острых, табуированных в ФРГ тем, принадлежал евроскептицизм — критическое отношение к выбранному курсу европейской интеграции. Немцы в массе своей никогда не были враждебны интегрирующейся Европе. Напротив, они гордились немецкой экономической силой и были, как принято говорить, «хорошими европейцами». Однако уже в ходе политики спасения евро, разработанной Ангелой Меркель и Никола Саркози и сильно ударившей по доходам и сбережениям рядовых граждан, среди германских избирателей оформились и быстро окрепли евроскептические настроения. В то же время на программном уровне они не артикулировались ни одной партией,

кроме праворадикальной Национал-демократической партии Германии (НДПГ), своим «неонацистским» имиджем отталкивая большинство избирателей. Видя электоральный запрос, НДПГ начала было работать над сменой имиджа. Ей даже удалось кое-где войти в ландтаги.

Однако «профессорская» партия авторитетных правоконсервативных и национал-либеральных экспертов, какой была при своем основании «Альтернатива для Германии», положила конец восхождению правых радикалов. Она собрала вокруг себя протестный электорат, в первую очередь на востоке страны. Поднявшись на волне евроскептицизма, АдГ затем эволюционировала, приспособившись по ходу земельных выборов к актуальным запросам избирателей на местах. Официально не принимая в свои ряды бывших членов НДПГ, она тем не менее постепенно приросла молодыми правыми политиками, в основном из новых федеральных земель (бывшей ГДР), для которых евроскепсис был лишь частью масштабной «народнической» (völkisch) идеи.

В итоге АдГ — партия правоконсервативных и национал-либеральных евроскептиков, выходцев с правых флангов ХДС и СвДП, — дважды сменив руководство, стала сильной правопопулистской партией. В то же время она оставалась партией «гражданского» спектра; ее лидеры, в отличие от лидеров праворадикальной НДПГ, относились к политическому истеблишменту, так как ранее принадлежали системным партиям или же занимали значимые места в социальной иерархии.

В программном отношении АдГ «присваивала» и выносила на политическое обсуждение те идеи с правых флангов системных партий (прежде всего ХДС и СвДП), которые в этих партиях не имели шанса быть не только реализованными, но порой даже и высказанными. Причем не столько из-за радикальности самих идей, сколько в силу изменения профилей системных партий в их стремлении к политической «середине». Эрика Штайнбах, в прошлом влиятельный политик правого фланга ХДС, теперь поддерживающая «Альтернативу для Германии» и руководящая ее политическим фондом, с горечью отмечала, что за позиции, когда-то нормальные для христианских демократов, ныне грозит исключение из ХДС — настолько они не сочетаются с его новым «центристским» профилем [Steinbach...].

Начав с евроскепсиса, АдГ буквально взлетела на миграционной теме, озвучив страхи немецкого населения перед иноплеменным нашествием в разгар иммиграционного кризиса 2015 г. Она была единственной партией, сразу и без оговорок раскритиковавшей политику А. Меркель, которая приняла в страну дополнительные контингенты соискателей статуса беженца. Остальные партии на первых порах поддерживали такую политику или требовали даже большей открытости.

Кроме того, «Альтернатива для Германии» идейно и электорально ущемила наследницу Партии демократического социализма (ПДС) — Левую партию, стабильно имевшую особую популярность на востоке страны, — АдГ выдвинула те же социальные лозунги, но с национальным акцентом.

Опросы показали, что, после того как АдГ «повернулась к народу» в социальных вопросах, ей удалось потеснить не только Левую, но даже и Социал-демократическую партию Германии (СДПГ). Отнимая у левых партий «социальные» ядра их программ и «национализируя» их, придавая им национальную ориентацию, АдГ озвучивает основной запрос массы населения, гласящий: «Сначала немцы — а потом уже все остальные!».

На земельных выборах 1 сентября 2019 г. в Саксонии АдГ стала второй силой после ХДС (ХДС — 32,1%, АдГ — 27,5, Левая — 10,4%, за ними зеленые и социал-демократы). В Бранденбурге «Альтернатива для Германии» тоже заняла второе место с близким результатом (23,5%), а на первое место вышла СДПГ (26,2%). Небывалую победу АдГ удалось одержать на земельных выборах 23 октября 2019 г. в Тюрингии, где она стала второй послелевой партии с ее 30%, набрав 23,4% и оттеснив ХДС на третье место. Впрочем, поскольку с «Альтернативой для Германии» никто не вступает в коалицию, партия остается в оппозиции.

АдГ бросает вызов принятым стандартам политкорректности не только своим отношением к табуированным темам. Она единственная из всех не поддерживает популярную в официальной политике, раскрученную в СМИ, но спорную в своих последствиях для немецкой экономики и рынка труда концепцию «защиты климата».

А. Гауланд активно пытается деидеологизировать понятие «популизм», лишить его негативной нагрузки, представить нужным элементом современной демократии. «Мы не претендуем быть единственными, кто представляет народ, — заявляет он. — Но мы хотим, чтобы народ имел больше прямого политического влияния» [Gauland...].

Предпринятый АдГ в последние годы дрейф влево в социальных вопросах при безусловной «правизне» в вопросах миграции и прочих аспектах, связанных с национальной идентичностью, принес ей успех. Этот тренд, продолжи АдГ его более последовательно, мог бы сблизить ее с национально ориентированными силами влевой партии. Однако национал-либералы и национал-консерваторы АдГ к такому принципиальному шагу не готовы. Именно в социальных вопросах «Альтернатива» еще долго будет не в состоянии переварить свою собственную внутреннюю противоречивость. К тому же у нее появился конкурент в лице левого популизма.

На федеральных выборах 2017 г. АдГ не просто далеко опередила Левую, но и отняла у нее около 400 тыс. избирателей. Причем речь шла не о колеблющемся электорате. Слевой партией распрощались ее «коренные» избиратели, ее базис, преимущественно в новых федеральных землях. Длялевой это был шок, в ее рядах начались споры, как быть дальше. Стало ясно, что позиция партии в миграционном вопросе, радикальные требования «открыть все двери» бедным и преследуемым оттолкнули от нее испугавшийся столь безоглядного интернационализма электорат. Выявилась необходимость качественного программного обновления, но на каких путях? Единства по этому поводу не было.

Часть партии считала, что следует стремиться к «гражданскому центру», чтобы сделать возможной коалицию с СДПГ не только на земельном, но и на федеральном уровне.

не. В такой коалиции левые политики видели шанс преодоления своей непопулярности. Однако в дискуссии были представлены и другие, более сильные альтернативы. Так, Сара Вагенкнехт, супруга бывшего лидера левого крыла СДПГ Оскара Лафонтена, возглавлявшая в то время фракцию Левой в бундестаге¹, публично заявила, что в социальных вопросах АдГ повторяет идеи Левой, заимствуя их, и, тем не менее, трудящиеся голосуют за Альтернативу для Германии, а причина в том, что традиционный электорат Левой оказался в ситуации конкуренции с мигрантами, будь то в вопросах поиска жилья, социального пособия или работы [Wagenknecht]. Именно С. Вагенкнехт открыто артикулировала очевидную всем истину: интернационализм Левой в электоральном плане вышел ей боком.

Создавая в 2018 г. новое социал-популистское движение «Поднимайтесь», С. Вагенкнехт рассчитывала вернуть левым силам, прежде всего Левой партии, избирателя, ушедшего в АдГ. В отличие от правых — «народнических» сил, национально ориентированные левые не связывают сильное государство с вопросами культурной и национальной (народнически понимаемой) идентичности. Они поворачиваются к теме народа прежде всего в смысле «трудящегося народа», в контексте социальной политики, труда и занятости, — например, требуя от предпринимателей, удешевляющих рабочие места путем предпочтения немцам мигрантов, прекратить демпинг и обеспечить приоритет немецких работников. Институты социальной защиты, по их мнению, должны сначала помогать коренным жителям страны, а потом уже беженцам, не внесшим никакого вклада в функционирование системы социальной поддержки. Делая упор на вопросах занятости и социальной справедливости, Вагенкнехт в своих речах иной раз тематически пересекалась с АдГ [So häufig...].

Проведенные осенью 2018 г. опросы показали, что благодаря одним только этим позициям движение «Поднимайтесь», будь оно партией, могло бы набрать 25% голосов на выборах [Machovez...]. Наблюдатели предполагали даже, что в случае успеха это движение сумеет объединить немалую часть левых сил всех трех левых партий и станет новой «народной», то есть действительно масштабной левой партией [Wendt...]

Однако С. Вагенкнехт допустила ряд ошибок. Прежде всего, она четко сориентировала это движение на молодежь. Страница движения в сети, участники, стиль обращений, акции — все это было рассчитано на прирост именно за счет молодежи. Между тем в восточных федеральных землях левых в наше время выбирает преимущественно старшее поколение, бывшее население ГДР, тогда как молодежь отдает свои голоса АдГ. Стремясь за молодым электоратом, создатели движения, очевидно, полагали, что взрослые и старые избиратели останутся верны Левой партии при любых условиях. Выборы в Европарламент в мае 2019 г. полностью разбили эти надежды, но к тому времени и движение «Поднимайтесь» было уже практически мертво.

---

1 Оскар Лафонтен в 2004 г. увел из СДПГ левое крыло, слияние которого с ПДС положило начало общегерманской Левой партии. Мировоззренчески О. Лафонтен придерживался тех же позиций, что и С. Вагенкнехт.

Вторая ошибка С. Вагенкнехт заключалась в том, что она не сочла возможным порвать слевой, чьей фракцией в бундестаге она руководила, и не рискнула основать новую партию. Тем самым новое движение было политически обречено. Политическая культура современной Германии не предполагает внеинституциональных форм политического волеизъявления, давления движений и уличных протестов на партийную демократию. Движение не имело шансов, не будучи подхвачено партиями.

Но оказалось, что ни одна из тех партий, в подспорье которым оно создавалось, в нем не нуждается. Особенно претили неоклассическим левым именно те национальные позиции, которые могли сблизить «Поднимайтесь» с АдГ настолько, чтобы вернуть ушедший к правым электорат. Зеленые к тому же не искали обновления слева: их партия, напротив, взвешивала возможности будущих коалиций с консерваторами. Социал-демократы не восприняли бы идеи С. Вагенкнехт даже в лучшие для своей внутрипартийной ситуации времена. Что касаетсялевой, она в то время готовилась к выборам в Европарламент и все более склонялась к курсу на сближение с социал-демократами.

Будучи не востребовано стремящимися к «политической середине» и политкорректности партиями и потеряв харизматичного лидера, движение «Поднимайтесь» сошло на нет. Однако его успешность при старте весьма показательна. Через 100 дней после своего провозглашения движение уже насчитывало 167 тыс. членов. Помимо беспартийных, составлявших около 80%, к нему примкнуло 11 тыс. выходцев излевой партии, около 5 тыс. социал-демократов, около 1 тыс. зеленых и более 100 членов АдГ. [Linke “Aufstehen”...]. Это показало, что левый популизм имеет такой же (если не больший) электоральный потенциал, как и правый.

Популизм и традиционные партии

В заключение можно сделать вывод, что лозунг социальной справедливости в Германии особенно важен для двух течений политической мысли — социализма и национализма. Соответственно, им пользуются как правые, так и левые популисты. В том случае, когда те и другие фокусируются на интересах своей страны и своего населения, их взгляды и позиции сближаются, во всяком случае отчасти. Поэтому программы «народнических» политиков из АдГ и тех левых политиков, которые — при теоретическом интернационализме — ищут, по крайней мере на электоральном уровне, национальную зацепку, могут привлечь одни и те же целевые группы избирателей.

Анализ программных положений показывает сходство левого и правого популизма в ряде существенных вопросов. И те и другие настроены антиглобалистски и недовольны современными политическими элитами Германии. Одни считают их космополитами, другие — проводниками интересов мирового капитала. И те и другие указывают на губительность социального расслоения.

Примером нового политического расклада стали земельные выборы в федеральной земле Тюрингия 23 октября 2019 г. ХДС, с 1990 г. безраздельно правивший в Тюрингии

еще в 2014 г. был потеснен Левой партией, набравшей второй по величине результат (у ХДС тогда получил 33%, Левая — 28%). Посчитав созданное «красно-красно-зеленое» земельное правительство (в составе Левой, СДПГ и Зеленых) досадным недоразумением и списав его на временную косность и помрачение избирателя, ХДС остался в гордой политической неизменности «партии центра» — и в 2019 г. упал уже на третье место, уступив не только победительнице выборов, Левой партии, набравшей в этот раз 31%, но и правой АдГ, набравшей 23,4% и тем самым удвоившей свой результат по сравнению с прошлыми выборами (10,6%). Победителями земельных выборов оказались обе партии, «подозреваемые» в популизме — правом и левом.

Именно с этими двумя партиями ХДС на своем последнем съезде решил ни при каких условиях в коалиции не вступать. Поэтому, несмотря на инициативу 17 однопартийцев, в коллективном письме потребовавших в такой ситуации поступиться принципами, христианские демократы отвергли приглашения к переговорам от АдГ и Левой. Партия «центра» пришлось создавать правительство меньшинства, игнорируя обоих фаворитов народной воли.

Восточные («новые») федеральные земли совершенно очевидно тяготеют к партиям флангов. Своим электоральным поведением они меняют Германию, реформируя «гражданский центр». Разумеется, партийный расклад на федеральных выборах не будет столь же проблематичным, его смягчат густонаселенные и относительно благополучные федеральные земли запада. В ином случае Германию ждал бы либо серьезный правительственный кризис, либо смена политической парадигмы.

На сегодняшний день предположение о левонациональной партии в Германии выглядит как политическая фантастика. Однако гипотетически допустимо, что расколы АдГ и Левой, при вычленинии из АдГ ее социально ориентированного «народнического» крыла, а из Левой — национально ориентированных левых, могут одарить страну новой популистской партией.

Поскольку «Альтернатива для Германии» стала наращивать свои электоральные результаты, лишь добавив в свою национальную платформу идею социальной справедливости, а левое движение «Поднимайтесь» возникло и привлекло симпатии на аналогичных лозунгах, можно констатировать, что электоральный запрос на подобную партию есть. И в случае создания таковой ее политический успех не заставит себя ждать. Насколько это изменит германскую культуру политической стабильности и саму Германию — отдельный вопрос.

Литература

- Linke “Aufstehen” — Bewegung zieht auch AfD-Klientel an // Westfälische Rundschau. 12.12.2018. — URL: wr.de/politik/linke-aufstehen-bewegung-zieht-auch-afd-klientel-an-id215996549.html (date of access: 25.11.2019).
- So häufig übernimmt Sahra Wagenknecht Positionen der AfD // Berliner Zeitung. 05.01.2017. — URL: bz-berlin.de/deutschland/so-haeufig-uebernimmt-sahra-wagenknecht-positionen-der-afd (date of access: 25.11.2019).

- Dubiel H.* Popullismus und Aufklärung. Berlin. Surkamp. 1986.
- Decker F.* Populismus .Gefahr für die Demokratie oder nützliches korrektiv? —VS Verlag. Wiesbaden 2006.
- Decker F.* Was ist Rechtspopulismus // Politische Vierteljahresschrift. June 2018. Volume 59. Issue 2. Pp. 353–369.
- Franke F.* Die gefährdete Demokratie. Baden-Baden. 2017.
- Gauland A.* Warum muss es Populismus sein? // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 06.10.2018. Nr. 232. S. 8. — URL: faz.net/aktuell/politik/inland/alexander-gauland-warum-muss-es-populismus-sein-15823206.html (date of access: 25.11.2019).
- Machowez M.* Ostdeutschland: Ist die Linke schuld am Aufstieg der AfD? // Die Zeit. Nr. 19 . 2019. — URL: zeit.de/2018/19/ostdeutschland-linke-afd-aufstieg/seite-2 (date of access: 25.11.2019).
- Mouffe Ch.* Für einen linken Populismus. Berlin. 2018.
- Steinbach E.* Interview zum Austritt aus der CDU // Die Welt. 14.01.2017. — URL: welt.de/politik/deutschland/article161173232/Erika-Steinbach-verlaesst-die-CDU-und-wirft-Merkel-Rechtsbruch-vor.html (date of access: 25.11.2019).
- Wagenknecht S.* Empörung darf Argumente nicht ersetzen. Interview // Die Linke. 21.03.2018. — URL: sahra-wagenknecht.de/de/article/2736.emp%C3%B6rung-darf-argumente-nicht-ersetzen.html (date of access: 25.11.2019).
- Wendt A.* “Offene Grenzen für alle — das ist weltfremd und das Gegenteil von links“ // Focus 19.02.2018. — URL: focus.de/politik/deutschland/linkspartei-fraktionschefin-im-interview-sahra-wagenknecht-offene-grenzen-fuer-alle-das-ist-weltfremd_id_8442307.html (date of access: 25.11.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-103-117

УДК 93; 94

Антон Крутиков

Кирилл Разумовский и проекты реформ на Левобережной Украине во второй половине XVIII в.

Аннотация. Реформы гетмана Кирилла Разумовского предоставляли Украине шанс встать на путь ускоренной модернизации в духе петровских преобразований. Амбиции и приоритеты малороссийской элиты не позволили довести реформы до конца и послужили одной из предпосылок для ликвидации гетманства. Незавершенность модернизационных процессов привела к зарождению ностальгии по «золотому веку» среди малороссийской шляхты и интеллигенции, способствовала появлению ранних форм украинского автономизма.

Ключевые слова: Украина, Гетманщина, Малороссия, гетман, Кирилл Разумовский, национальная модернизация, реформы, национальное самосознание.

Проблема взаимоотношения традиции и модерна на протяжении нескольких столетий является одной из основных в украинской истории. Соперничество между двумя этими началами определило развитие не только большой «надднепрянской» Украины, но и галицких земель, хотя, разумеется, все содержание их исторического наследия несводимо к данному противостоянию.

В XVIII — XX вв. украинские земли стали ареной нескольких модернизационных проектов, весьма различных, как по своим целям, так и по достигнутым ими результатам.

Российский имперский проект способствовал консолидации исторических областей Малой Руси под властью русского монарха, что стало возможным в конце XVIII столетия после трёх разделов Речи Посполитой. Проект, реализованный австрийскими Габсбургами в Галиции сформировал особую региональную идентичность, ставшую позднее основой для возникновения новой политической идеологии «украинства». Однако он так и остался незавершенным, а политика построения отдельной «русинской» идентичности в Австро-Венгрии к началу XX в. провалилась. Наконец, советский проект, проводившийся в форме насильственной этнизации украинских земель, сообщил им политическую оболочку, наряду с масштабной индустриализацией и урбанизацией этого региона.

Говоря об украинской истории, необходимо признать: традиция в этой стране часто побеждала, сводя на нет даже самые радикальные изменения в общественном со-

---

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

знании и социальном устройстве. Модернизационные процессы не раз оказывались развернуты вспять, нивелируя ранее достигнутые результаты. Безуспешные попытки создать собственное национальное государство, «черты детства», подмеченные еще российским историком Сергеем Соловьевым, и архаичность политической культуры оказываются в центре внимания исследователей с середины XIX в. [Соловьев; Платонов; Лаппо].

По мнению канадского историка украинского происхождения Ореста Субтельного, «постоянные крушения попыток украинцев достичь самостоятельности — один из ключевых аспектов их исторического опыта [...] История Украины — это история нации, сумевшей развиться и выжить вне рамок полнокровной государственности» [Субтельный].

Это важное наблюдение позволяет прийти к парадоксальному выводу: модерн на территории Украины зачастую развивался вопреки местным историческим условиям. А исторически украинская нация не только формировалась вне рамок государства, но и нередко в борьбе с ним. Используя современную типологию модернизации, можно говорить о ее экзогенном характере: «Еще больший интерес представляет то обстоятельство, что модернизация Украины происходила в основном под эгидой неукраинцев. В результате до нынешнего дня многим в этой стране «украинское» и «современное» все еще представляются вещами несовместными» [Там же].

В 1862 г. выдающийся российский этнограф Г.Т. Паули высказал интересные мысли о национальных качествах украинского народа: «Малороссы — суть, так сказать, народ древнейших времен, предающийся мечтаниям о прошлом и отрицающий настоящее вместе с нынешним прогрессом» [Паули]. Эта характеристика очень точно отражает сложившийся на тот момент баланс между вставшей на путь «великих реформ» империей и ее юго-западной окраиной, которая, по мнению другого современника И.С. Аксакова, по-прежнему представляла собой архаичный мир, далекий от европеизации и прогресса [Аксаков, с. 306]¹.

Критическое отношение к любым попыткам перемен, навязанным извне, определило своеобразие украинской политической культуры, которое проявляется в пассивном сопротивлении государству и его институтам (чуждым в силу их «неукраинского» происхождения) и исходящим от них инициативам. Ярким выразителем такого протеста в XIX в. оказался один из самых известных национальных героев Украины, основоположник ее патриотического мифа Тарас Шевченко. В 1845 г. знаменитый поэт, призывая соотечественников к сохранению национальных традиций, предложил свою фор-

1 Путешествуя в 1854 г. по Черниговской губернии, И.С. Аксаков сравнивал облик русских и украинских поселений: «в северных уездах находятся знаменитые раскольнические слободы и посады, населенные выходцами из России: народ промышленный, бодрый и деятельный. В одном посаде Клинцах 22 суконные фабрики, знаменитейшие в России. Вообще эти посады очень богаты и являют резкое преимущество великорусского племени над малороссийским и белорусским, разумеется, в некоторых отношениях. Эти же самые слобожане не отличаются большой честностью в торговле».

мулу самобытности: «У чужому краю / Не шукайте, не питайте / Того, що немає / І на небі, а не тільки / На чужому полі, / В своїй хаті своя й правда, / І сила, і воля» [Шевченко, с. 348].

В этой системе ценностей утраченным «золотым веком» выступала казацкая Украина XVI — XVII вв. с ее военной демократией, гетманами, атаманами и походами запорожцев, доходившими до Трапезунда и Синопа. Современная Шевченко Запорожская Сечь уже не могла рассматриваться в роли такого бастиона идентичности, так как постепенно становилась все менее украинской: «І на Січі мудрий німець / Картопельку садить, — сетовал поэт, — А ви її купуєте [...]» [Там же]. Таким образом, колоссальные изменения, связанные с присоединением Новороссии и Таврии к Российской империи, хозяйственное освоение этих земель и их масштабная колонизация переселенцами из других российских регионов воспринимались «защитниками старины» однозначно негативно. Имперские интересы, равно как и экономические выгоды от освоения края, представлялись им совершенно чуждыми. А экономический успех представителей других национальностей, проживающих на Украине, — немцев, сербов, греков и т.д. — выступал лишь в роли раздражающего фактора, но никак не примера для подражания.

Это означало, что украинский проект уже с момента своего зарождения был обращен в прошлое, а застывшая история становилась главным источником вдохновения для его последователей. Его появление принесло с собой особую форму ностальгии по «золотому веку» среди полонизированной шляхты и малороссийской интеллигенции, видевшей в «старине» альтернативу европейской модернизации, которую продвигала петербургская империя. Не случайно украинская идеология строилась не столько на профессиональном изучении истории и этнографии края, сколько на героическом эпосе, вроде «Истории Русов», в котором мифы зачастую противопоставлялись рационализму современности.

Тем не менее собственные попытки встать на «европейский путь» на Украине предпринимались, и самая известная из них относится к XVIII столетию.

Между Батурином и Петербургом

Авторство этого проекта реформ принадлежит последнему гетману Малороссии – Кириллу Григорьевичу Разумовскому (годы гетманства 1750–1764). Родной брат фаворита императрицы Елизаветы, К.Г. Разумовский вошел в историю в основном благодаря своей стремительной карьере при российском дворе. Посещение лекций в Геттингенском университете и занятия у математика Леонарда Эйлера сформировали в нем типичного «русского европейца», представителя просвещенной петербургской элиты того времени. Закончив обучение в 16 лет, Разумовский вернулся в Санкт-Петербург, обладая титулом графа и чином действительного камергера. В 18 лет он был назначен самым молодым в истории президентом Императорской академии наук «в рассуждение усмотренной в нем особенной способности и приобретенного в науках искусства» [Анисимов]. Вступив в брак с троюродной сестрой российской императрицы Екатериной Нарышкиной, Разумовский занял исключительное положение среди российской

правлящей бюрократии, но при этом «никогда не забывал привычек своей родины» [Валишевский, с. 96].

Императрица Елизавета с большой симпатией относилась к Малороссии. Современникам надолго запомнилась ее поездка в Киев в августе 1744 г., которая была продиктована не только религиозными, но и общегосударственными интересами. Почетный статус Киева как древней общерусской столицы в очередной раз оказался подтвержден. Елизавета основала здесь новую императорскую резиденцию — Мариинский дворец и заложила величественный Андреевский собор, постройкой которого руководил главный придворный архитектор Бартоломео Растрелли. Глубоко религиозная императрица с большим уважением относилась к местному духовенству, местным обычаям и традициям. Она остановилась в покоях архимандрита Киево-Печерской Лавры Тимофея Щербацкого — там же, где в начале XVIII в. жил Петр I. Оказанный императрице прием (и в особенности «благодный и незлобивый» малороссийский народ) произвел на Елизавету самое благоприятное впечатление. Казацкая старшина обратилась к императрице с просьбой о восстановлении гетманства и привилегий, существовавших во времена соратника Петра I Ивана Скоропадского (годы гетманства 1708–1722), и этот вопрос был принципиально решен.

В 1747 г., после возвращения К. Разумовского в Петербург, появился указ Елизаветы Сенату о восстановлении гетманства в Малороссии и разрешении выборов гетмана.

Выборы, в соответствии с местными традициями, состоялись на Генеральной раде в Глухове 22 февраля 1750 г. Они оказались заочными, а кандидатура К. Разумовского была безальтернативна и заранее predetermined императрицей. Императорским указом от 5 (16) июня 1750 г. Разумовский получил подтверждение своих гетманских полномочий, а заодно ему были переданы все гетманские регалии.

Встреча гетмана в Глухове весной 1751 г. стала триумфом древних малороссийских традиций и настоящим праздником для местной элиты. Торжественную процессию, которую в Малороссии не видели уже несколько десятилетий, возглавляли генеральные старшины, окруженные бунчуковыми и войсковыми товарищами¹, которые везли гетманские регалии и грамоту императрицы. За ними следовал сам гетман в роскошной карете. После торжественного богослужения в церкви клейноды (атрибуты власти) были отнесены в гетманскую резиденцию, где К. Разумовский угощал обедом старшину и «прочие чины».

Гетманство было восстановлено, однако фактическое руководство Левобережной Украиной находилось в руках казацкой старшины. Особенностью «золотой осени» украинской автономии стало то, что в руках генеральной и полковой старшины сконцентрировались очень широкие полномочия. Система власти все больше приобретала аристократический характер: старшина собиралась на так называемых старшинских собраниях (радах), которые в конце правления Разумовского превратились в подобие

1 Бунчуковые и войсковые товарищи — почетные звания в Войске Запорожском.

парламента («Генеральная рада» в Глухове), где обсуждались и решались все важнейшие вопросы.

Воспитанный в духе культурных традиций Западной Европы и петербургского двора, Разумовский стремился реализовать собственную программу реформирования Гетманщины, чтобы она полностью вписывалась в господствовавшую тогда модель «просвещенного государства». Украинская элита выступала естественным союзником гетмана, так как в случае успеха его реформ она могла бы стать полноценным нобилитетом. С 1750-х годов гетман и представители украинской казацкой элиты постепенно начинают позиционировать себя уже не в качестве казацкой старшины, апеллирующей к войсковым правам, а малороссийской шляхты (дворянства) [Лазарев].

Однако если гетман был сторонником петербургских порядков, то старшина испытывала симпатии к правовым и культурным практикам соседней Речи Посполитой. Надежды малороссийской элиты не случайно были обращены на правый берег Днепра. Соседнее польское государство было притягательно для нее широкими привилегиями шляхты (которая одна имела политические права) и обширностью прав в отношении зависимого крестьянства. Старшина давно мечтала занять на Украине то положение, которое до восстания Хмельницкого занимал здесь польский нобилитет.

Первым проектом преобразований, подготовленным в правление К.Г. Разумовского, стала реформа правовой и судебной системы. В 1750 г. бунчуковый товарищ Федор Чуйкевич составил сборник «Суд и расправа в делах малороссийских» с опорой на нормы Литовских Статутов XVI в. В 1760–1763 гг. судебная реформа была реализована: вводилась система шляхетских судов по образцу Речи Посполитой. Новые суды разделялись на земские, городские и подкоморские, высшей судебной инстанцией стал Генеральный суд, организованный по образцу польского трибунала. В нем заседали два генеральных судьи и выборные представители от 10 полков Левобережья. Территория полков разделялась на «поветы», в каждом из которых действовал земский суд для гражданских дел и подкоморский суд для решения дел о земельной собственности. В полковых центрах создавались десять «градских судов», рассматривавших уголовные дела.

С одной стороны, реформа имела позитивное значение, т.к. отделяла суд от администрации, а власть полковников и сотников приобретала отныне исключительно военный характер. Распоряжением гетмана от 6 марта 1763 г. Генеральной войсковой канцелярии было запрещено вмешиваться в судебные дела, которые подлежали рассмотрению Генерального суда [Василенко, с. 134]. С другой стороны, гетманский универсал 1760 г. фактически восстанавливал на Левобережной Украине систему правовых отношений, существовавшую здесь до восстания Б. Хмельницкого, когда в регионе применялось польское право. Судьи избирались из числа местной шляхты, реформа имела ярко выраженный сословный характер и подчеркивала существовавшую на Украине социальную дифференциацию.

Укреплению позиций местной элиты должно было способствовать и внедрение в судебную практику кодекса «Прав, по которым судится малороссийский народ», разра-

ботанного в 1743 г. Источниками кодекса послужили Литовские статуты, «Саксонское зеркало», «Кульмское право», судебные прецеденты и обычное право Левобережной Украины. Однако этот сборник, находясь на рассмотрении в Сенате в течение 12 лет, так и не был принят и не стал частью официального законодательства.

При гетмане резко возросла роль генеральной старшины. Во время частых отъездов К. Разумовского в Петербург власть принадлежала узкому кругу его приближенных, среди которых выделялись представители «генерального уряда»: обозный Семен Кочубей, казначей Михаил Скоропадский, писарь Андрей Безбородко, есаул Петр Валькевич и хорунжий Николай Ханенко. Как уже было отмечено, гетман стремился привлечь старшину к обсуждению важнейших государственных дел, что выявило необходимость в создании особого коллегиального органа.

Заметным событием стал созыв в сентябре 1763 г. «Старшинской рады» в Глухове, в которой приняли участие около 100 человек. В ходе заседаний был поднят вопрос о создании на Украине регулярного Сейма по польскому образцу («Генеральной рады», согласно местной терминологии). Реформа должна была сблизить правовые системы правого и левого берега Днепра и предоставить старшине политические привилегии шляхты, каковой по факту она уже давно являлась.

Демократические элементы прежнего казацкого строя Гетманщины постепенно уходили в прошлое. При Разумовском окончательно исчезла выборность полковников, которые теперь назначались гетманом (до 1754 г. — без согласования с Петербургом).

Помимо преобразований в политической и правовой сфере, Разумовский уделял большое внимание поддержанию престижа гетманской власти. Так, центр гетманской Украины был перенесен из провинциального Глухова в Батурин, бывший резиденцией Ивана Мазепы до 1708 г.

Так как гетман привык к роскошной жизни в столице, его новую резиденцию создавали лучшие зодчие Санкт-Петербурга (в Батурине и его окрестностях работали Ринальди, Квасов, Аксамитов и Стасов. В родном для Разумовского Козельце величественный храм был построен по проекту Бартоломео Растрелли).

В отличие от многих предшественников, Разумовский не только стремился к личному обогащению, но и намеревался превратить гетманскую столицу Батурин во «второй Петербург», сделав его полноценным культурным центром и украсив архитектурными объектами европейского уровня. Здесь появились итальянская опера и французский театр, в планах гетмана было также открытие университета в Батурине, ради чего им была собрана одна из самых богатых библиотек в Европе.

Важность просвещения и распространения новых знаний осознавали и ближайшие соратники гетмана. Широко применялась практика отправки детей старшины для обучения за границу. В 1756 г. один из наиболее образованных представителей «генерального уряда» Николай Ханенко писал старшему сыну, обучавшемуся в это время

в Киле: «Не можно-ли там достать какого доброго учителя, чтоб сюда к нам выехал и завел гимназию?» [Дневник...].

Характерно, что К. Разумовский — пожалуй, самый «неукраинский» из всех правителей Гетманщины — прекрасно понимал необходимость перемен в ее социальном устройстве, важность просвещения и экономических реформ. Он содействовал открытию новых промышленных предприятий, отмене торговых ограничений и таможенных барьеров. Именно при нем в 1754 г. была отменена таможенная граница между Левобережной Украиной и Великороссией, ставшая на тот момент явным анахронизмом¹.

Вопросы экономического развития находились в сфере пристального внимания гетмана. В марте 1761 г. Разумовский предложил заселить свободные земли на Украине русскими старообрядцами, бежавшими из Польши и представил соответствующий проект императрице. Опыт проживания старообрядцев в пределах Гетманщины показывал, что в экономическом отношении они достаточно быстро занимали лидирующие позиции среди местного населения. Богатые торговые слободы Клинцы, Добрянка и Новозыбков становились важными экономическими центрами и славились своей кожаной, суконной, канатной промышленностью и ярмарками.

Гетманским универсалом 6 июля 1761 г. было существенно ограничено винокурение, чем положен предел бесконтрольному истреблению лесов. Разумовский запретил содержать в Малороссии шинки и винокурни неместным владельцам, в том числе, купцам и крестьянам. Винокурением могли теперь заниматься только владельцы и казаки, имеющие «грунты и лесные уголья», кроме духовенства, купечества и «посполитых» (крестьян). Гетман добился отмены многих дополнительных налогов и сборов, установленных во времена И. Самойловича и И. Мазепы, что облегчило положение крестьянства и мещан. Были отменены также табачные откупа.

Отстаивая историческую самобытность и культурные традиции края, Разумовский не препятствовал экономической интеграции Украины в имперские структуры, добился права беспошлинного ввоза леса из Речи Посполитой и поддерживал выгодные торговые отношения с Запорожьем.

В случае успеха его преобразований Украина, вполне возможно, могла наверстать упущенное во времена «Руины» XVII в. и стать процветающим экономически регионом, а не просто сохранить свою самобытность, как об этом мечтал Т. Шевченко.

Однако если Разумовский принадлежал к просвещенному слою петербургской бюрократии, то окружавшая его элита тяготела к «старине» и была склонна скорее выбрать польский путь, чем ускоренную модернизацию в духе петровских преобразований. Гетман был необходим ей как гарант незыблемости ее прав и привилегий и посредник во взаимоотношениях с петербургским правительством. Благодаря огромной админи-

---

1 Прощение об отмене внутренних таможен К.Г. Разумовский подал императрице осенью 1752 г., то есть ещё за два года до реформы.

стративной власти, сосредоточенной в руках старшины, материальные интересы в ее действиях часто преобладали. По словам польского историка XIX в. Казимира Валишевского, при всех обнадеживающих задатках молодой гетман нередко «подпадал под влияние алчных родных и испорченной среды, окружавшей его» [Валишевский, с. 95–96].

Проект Разумовского погубили чрезмерные амбиции малороссийской элиты, построившей за спиной гетмана свой собственный режим. Старшина всячески стремилась к расширению своих владений и обогащению, а количество свободных, «войсковых» земель на Левобережной Украине катастрофически сокращалось. По словам анонимного автора «Истории Русов», еще во времена гетмана Д. Апостола практиковались широкие земельные пожалования: «И всем оным Старшинам Генеральным определены ранговья деревни от 200 до 400 дворов из посполитаго народа, бывшего до того в управлении Ратуш и Скарбовой Канцеларии, кои уже навсегда остались ранговыми деревнями и переходили во владение того, кто был в означенных должностях. Также и другим войсковым чиновникам, в полках служащим, розданы ранговья деревни и прочия имения, кои их до того не имели, и содержание чиновничества возвращалось в первобытное состояние, как за Королей Ягелонов устроено было» [История Русов, с. 234].

На Глуховской раде в сентябре 1763 г. старшина выдвинула новые притязания, в том числе — предложение навсегда закрепить гетманство за потомками рода Разумовских. Элита надеялась не только на восстановление привилегий, действовавших до 1708 г., но и мечтала о собственном «шляхетстве» и превращении Украины в аристократию, умело прикрывавшую собой олигархию.

На съезде в Глухове вопрос введения на Украине наследственной гетманской власти был инициирован с такой настойчивостью, что вызвал сопротивление части украинской шляхты. У российских властей возникли серьезные сомнения, что подготовленные старшиной прошения принимались от лица «всего малороссийского народа». Через киевского митрополита Арсения Могилянского и киевского генерал-губернатора о настроениях участников Глуховской рады стало известно в Петербурге еще раньше, чем туда успели доставить Глуховские петиции. Все это вызвало резкое недовольство правительства Екатерины II.

Екатерина отвергла «Прошение малороссийского шляхетства и старшины о восстановлении разных старинных прав Малороссии». К. Разумовский был немедленно вызван в Петербург, где императрица потребовала от гетмана прошения об отставке. Разумовский долго колебался, но вынужден был повиниться. 10 ноября 1764 г. был опубликован «Манифест малороссийскому народу», извещавший об увольнении Разумовского от гетманских обязанностей и учреждении Малороссийской коллегии во главе с президентом и генерал-губернатором графом П.А. Румянцевым.

Гетманская автономия пала вследствие своей архаичности, а ее элита, защищавшая «старину», предпочла сохранение своих сословных прав и привилегий, которые она

обменяла на политическую самостоятельность. Гетман, получив почётный чин фельдмаршала, был вынужден удалиться от двора и уехать за границу.

Депутат Григорий Полетика и «Северная Семирамида»

Вскоре после отставки гетмана оригинальный проект реформирования Левобережной Украины предложил один из наиболее образованных современников К.Г. Разумовского — Григорий Андреевич Полетика. Получив прекрасное образование в Киевской академии, он долгое время работал переводчиком в Императорской академии наук и Священном синоде, а с 1764 г. занимал должность главного инспектора Морского шляхетского корпуса в Санкт-Петербурге. Среди талантов Г.А. Полетики современники отмечали знание древних языков и истории, эти качества были высоко оценены, в частности, поэтом В.К. Тредиаковским и историком Г.Ф. Миллером. В 1767 г. Полетика был избран депутатом от шляхты Лубенского полка в «Комиссию для составления нового уложения», созданную Екатериной II для кодификации российского законодательства.

Широкую известность Г.А. Полетике принесли его историко-политические сочинения, из которых наиболее интересны две работы, написанные на обширном историческом материале. В 1767 г. появилось «Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину». Этот трактат стал ответом на изложенную в «Наставлении» официальную позицию Малороссийской коллегии по различным аспектам социально-политического развития Малороссии. «Наставление» указывало на многочисленные злоупотребления казацкой старши́ны и несовершенство местных порядков, что и побудило Г.А. Полетику подготовить подробное «Возражение».

Полетика утверждал, что причиной многих злоупотреблений в Малороссии стала разросшаяся до чрезмерных размеров власть гетманов. Эта власть, охватывая самые разные стороны общественной жизни края, практически не имела над собой никакого контроля: «разнообразность правлений и сие смещение дел не от чего другого произошли, как от насилия и присвоенной себе, в противность прав, власти Гетманов» [Возражение... с. 76]. Полетика открыто демонстрировал антигетманские интенции и давал понять, что права, подтвержденные российскими монархами в «договорах» XVII в., неоднократно нарушались гетманами Войска Запорожского.

Изначально гетманы были носителями военной власти, но со временем соединили в своих руках обширные судебные, административные и финансовые полномочия. Официальное признание гетманов и казацкой *старши́ны* в качестве господствующей привилегированной группы Малороссии негативно сказалось на развитии всего региона: «Вредные для всего государства, печальные для Малой России опыты доказали, сколько много она претерпела от такового всех дел и расположений соединения и правления бывшими Малороссийскими гетманами» [Возражение... с. 81–82].

Гетманы, резюмировал Полетика, присвоив «противу прав, привилегий и прежних Малороссийских вольностей все воинские, гражданские и камеральные дела, поступа-

ли, как хотели, и были единственною причиною несчастливого и разорительного состояния Малой России» [Там же].

Отстаивая давний принцип выборности в «старш́инские чины», Полетика сетовал, что этот принцип оказался грубо нарушен, после чего гетманы «в старш́инские чины начали производить по исканиям и своим прихотям, и по большей части людей неспособных» [Возражение... с. 94]. Автор намекал таким образом на деятельность гетмана К. Разумовского, который ввел практику назначения полковников.

«Не знаю, — писал Полетика, — чтоб кто из благонамеренных и права свои знающих Малороссийских шляхтичей когда либо пожелал иметь Гетмана; ибо всем известно, что они всю власть и права шляхетства себе присвоили, похитили и удерживали оныя чрез искупы больших людей, а если бы Гетманы были в своих пределах содержаны, о чем часто было от чиновников Малороссийских прошено, то б они России никогда вредны, Малой России никогда б тяжестны не были. Гетман Малой России и власть его никогда не надобны, но не надобен же и другой никто, власть его имеющий, от которого бы одного зависели все воинския, гражданския и камеральныя дела, и который бы, по своим прихотям, что хотел — делал» [Василенко, с. 142].

Фактически те же мысли Г.А. Полетика излагал в другом политическом сочинении, само название которого уже содержало определенную программу: «Историческое известие, на каком основании Малая Россия была под республикою Польскою, и на каких договорах отдалась Российским Государям, и патриотическое рассуждение, каким образом можно бы оную ныне учредить, чтоб она полезна могла быть Российскому Государству без нарушения прав ее и вольностей» [Василенко, с. 55].

На основании польских «конституций», автор утверждал, что после Люблинской унии 1569 г. местное шляхетство обладало такими же правами и привилегиями, что и польская шляхта. К их числу он относил, в частности, право законодательной инициативы на региональных сеймиках (дворянских собраниях) и право судиться собственным судом, на основании Литовского статута. Полетика ссылался на привилегии (жалованные грамоты) польских королей XVI-XVII вв., которые, по его мнению, «есть безценной остаток прав и вольностей Малыя России» [Василенко, с. 148]. Последующие короли, по словам Полетики, эти «права и вольности» подтверждали каждый раз при вступлении на престол, что позволяло прийти к следующему заключению: «Малая Россия, будучи под Полшею, имела форму правления республиканскую; и шляхетство оныя, в числе котораго всегда заключался и духовный чин, ползовались теми ж самими правами, привилегиями, волностями и преимуществами, что и полское шляхетство; а в некоторых и преимущество имело» [Василенко, с. 151].

То есть, с легкостью расставшись с идеей гетманской власти, автор трактата отстаивал в первую очередь сословные интересы. Себя Полетика ассоциировал именно с благородным сословием, так как, несмотря на свое *старш́инское* происхождение, стремился дистанцироваться от этой среды, выдавая себя за «природного» шляхтича.

В отношении гетманства Г.А. Полетика сохранил прежние критические взгляды. По его убеждению, со времен Юрия Хмельницкого, сына и преемника Богдана Хмельницкого, «гетманам открылось пространное поле к исполнению своих высокомерных и предприимчивых намерений и прихотей»; присвоив «себе шляхетству принадлежащие суды, поручили они в ведомство земские и гражданские, так, как и воинские дела, войсковой старшине, то есть сотникам и полковникам». А затем, «подчинивши себе всю Малую Россию, недозволенным и незаконным образом управляли оною по своей воле и прихотям, и не имели власти своей никакого предела», и никто «уже не мог защищать себя своими правами и волностями». Вскрыв механизм функционирования власти в Гетманщине (и сделав это поразительно верно), Г.А. Полетика резюмировал, что «с такую беспредельною и нагло похищенною властью похитили они [гетманы] и те преимущества и пользы, которые принадлежали и принадлежат государям» [Василенко, с. 159].

Примечательно, что этот трактат появился уже после падения К.Г. Разумовского, в эпоху всеобщих надежд, связанных с работой Уложенной комиссии. Идея реформирования «Малой России», заложенная в работах Полетики, несла в себе отпечаток эпохи. По мнению историка И.И. Лаппо, «эта идея родилась в обстановке перенесения в Россию французского «просвещения» XVIII века и стремлений положить в основу организации Российского государства нормы «закона» с идеологией «просвещения», которые нашли такое яркое выражение в мечтах и идеалах Великой Екатерины, переживавшей медовые месяцы своей императорской власти над необъятной Россией» [Лаппо, с. 99]. Это было то время, когда российская императрица еще верила «во всемогущество вольтеринского разума» и нуждалась в поддержке своих идей среди наиболее прогрессивных представителей российской элиты [Там же].

Верноподданнический характер произведения, отраженный уже в его заглавии, исключает всякую мысль о том, что «автономизм» Полетики мог представлять какой-либо вызов целостности Российской империи. Взгляды автора имели отчетливо сословный характер, хотя и с несомненным региональным колоритом. Он был сторонником незыблемости «старинных прав», данных шляхте еще польскими королями, гарантом которых выступали русские самодержцы. Однако, защищая эти права, депутат Полетика был готов предложить российскому самодержавию и более масштабный проект, значение которого выходило далеко за рамки реформ в Малороссии.

Широкая идея Полетики заключалась в том, чтобы распространить малороссийский культурный опыт на всю империю, то есть предоставить российским дворянам те права, которыми пользовалась шляхта в Малороссии. Именно такую позицию занял Г.А. Полетика во время своей работы в Уложенной комиссии в 1767–1768 гг, когда депутаты обсуждали новое дворянское законодательство. Его проект продолжал традицию культурного синтеза Малороссии и Москвы в XVII в., когда именно через Малую Русь на восток проникали новые европейские идеи и культурные практики. Однако ко второй половине XVIII в. этот процесс уже во многом исчерпал себя. Со времён Петра Россия воспринимала европейские идеи непосредственно из их «источника», минуя путь малороссийский и польский, столь важный в предыдущую эпоху.

Правительство Екатерины II, реализуя свою политику на национальных окраинах, строило универсальную империю, которая вполне уверенно чувствовала себя европейской. Интеграция малороссийского дворянства в российское правящее сословие оказалась самым очевидным и быстрым решением проблемы «незыблемости» его прав. Законодательное закрепление дворянских привилегий на общеимперском уровне исключало необходимость в сложном местном законодательстве и наличии особых политических и правовых институтов, уходящих корнями в прошлое.

Деятельность Григория Полетики в Уложенной комиссии убедительно показала: на Украине отмена гетманства не вызвала никакой серьезной оппозиции курсу Екатерины II. Казацкая старшина была озабочена в первую очередь сохранением своих социальных прав, а немногочисленные голоса протеста быстро замолкли, когда стали очевидны преимущества взаимодействия с петербургской империей.

«Старшін Генеральные и Полковники, — отмечал анонимный автор «Истории Русов», — имевшие долг в другия времена делать собрание и посылать депутацию ко Двору о выборе новаго Гетмана, на сей раз приутихли с сим выбором, а возмнив, что все урядовыя имена, по примеру Гетманских, осуждены в вечную раздачу нынешним их владельцам, яко последним из старой системы урядникам, спокойно ожидали события онаго, и, льстя себя надеждою соделаться на счет нации хорошими владельцами, оставили сию нацию ожидать обетования» [История Русов, с. 238].

Накануне польских разделов, продвигая свое влияние все дальше на запад, правительство Екатерины не возражало против устремлений малороссийской элиты. Это подчеркивалось даже на уровне официальной терминологии: с 1760-х годов старшина получила официальное наименование «шляхетства»¹. Давней мечтой старшинского класса было приобретение прав шляхты Правобережной Украины и установление контроля над местным крестьянством в духе польского права. Именно в этом заключался главный источник любви старшины к «старине» и «вольностям» и стремление доказать свою принадлежность к «рыцарству», служившему еще польским королям.

Один из выдающихся малорусских историков XIX в., А.М. Лазаревский, писал: «Польское предание, перешедшее от прежней польско-русской шляхты к малороссийским землевладельцам, служило для последних наглядным образцом возможных отношений к крестьянам, а при той обширности власти, которою пользовались казацкие старшины в Малороссии, им не стоило особенного труда подчинить себе крестьян в подданных, а самим — из старшин поделаться панами» [Лазаревский].

Политика правительства Екатерины II лишь шла в русле этих стремлений, постепенно встраивая Украину в единое универсальное имперское пространство.

---

1 Термин «шляхетство» применялся и к российскому дворянству, по крайней мере, с первой половины XVIII в.

Отклонение Глуховских петиций не вызвало кризиса в отношениях между Санкт-Петербургом и казацкой старшиной. В 1764 г. благоприятное впечатление на украинскую элиту произвела передача К.Г. Разумовскому в наследственное держание ранговых имений бывшего гетмана, на что она сама небезосновательно рассчитывала. По воле Екатерины Разумовский получил город Гадяч с селами и деревнями, Быковскую волость и дворец, построенный в Батурине на казенные средства. Анонимный автор «Истории Русов» высказался по этому поводу довольно саркастически: «Сие пожалование произвело новую молву в Малороссии в разсуждении Гетманства; но, наговорившись довольно, стали верить несомненно, что Гетмана более не будет у них, ни наследного, ни избирательного, и что, по неимению на сей уряд деревень, и выбирать его не на что» [История Русов, с. 238]¹.

Таким образом, истощение фонда войсковых земель путем многолетней раздачи их «на уряд» старшине сделало гетманский режим экономически несостоятельным. К этому моменту все свободные земли оказались в собственности старшины, гетмана и членов его семьи. Старшине оставалось лишь закрепить эти земли в вечное владение и распространить на их жителей права шляхты по отношению к своим подданным.

Екатерина II щедро наградила местную элиту и обеспечила сохранение её высокого социального статуса.

Получение привилегий российского дворянства и равенство в правах дворян Малороссии и Великороссии, установленное Жалованной грамотой 1785 г., было встречено в старшинской среде с полным удовлетворением. В 1783 г. на территории Левобережной Украины были запрещены крестьянские переходы, *de jure* установлено крепостное право, чего старшина добивалась на протяжении многих десятилетий.

В 1781 г. Малороссийская коллегия была ликвидирована. На территории бывшей Гетманщины было образовано три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, разделенных на уезды. Старая полковая система ушла в прошлое. Постепенное и достаточно мягкое введение общеимперских учреждений на Левобережной Украине сделало процесс ее интеграции безболезненным. Слияние местной судебной системы с общероссийской произошло еще позднее — в начале XIX в., в царствование Александра I. Остатки прежнего правового строя Гетманщины сохранились в малороссийских губерниях до середины XIX столетия. Лишь в марте 1843 г. двумя указами Правительствующего Сената Литовский Статут (который прежде так отстаивала шляхта) в Малороссии был окончательно отменён.

Современник Григория Полетики А.И. Чепа, много лет служивший в канцелярии графа П.А. Румянцева, назначенного после отставки Разумовского генерал-губернатором Малороссии, оставил очень интересные мысли о том, какие изменения произошли на

---

¹ Характерно, что это произведение было доведено до 1769 г., то есть до начала русско-турецкой войны, отставки Разумовского и роспуска Уложенной комиссии, словно подводя итог историческому существованию Гетманщины.

его родине в конце XVIII в. В письме к сыну Г.А. Полетики Василию (1809) Чепач отмечал: «О последнем великом преобразовании в Малороссии стоит только намекнуть, приведши на память некоторые из сочинений родителя вашего, и вы тотчас увидите все истинные причины, все пружины. Тут нет уже тайны... Когда [...] (был) издан указ Государя Петра Третьего о вольностях дворян и Высочайшая грамота о дворянстве, когда (эти) две эпохи поровняли русских дворян в преимуществах с малороссийским шляхетством, тогда малороссыяне начали смело вступать в российскую службу, скинули татарские и польские платья, начали говорить, петь и плясать по-русски. . .» [Из истории..., с. 54].

Таким образом, в конце XVIII в. предложенный Петербургом имперский вариант «культурного синтеза» одержал на украинских землях несомненную победу. С принятием основополагающих законов, направленных на консолидацию общероссийского дворянского сословия, необходимость в отдельном «украинском проекте» модернизации отпала. Элиты фактически слились воедино, подтвердив на практике главное и наиболее привлекательное качество любой империи — ее универсализм.

Литература

Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856. М. 1994.

Анисимов Е.В. Афродита у власти: Царствование Елизаветы Петровны. М. 2010. — URL: texts.news/rossii-deyateli/afrodita-vlasti-tsarstvovanie-elizavety.html (дата обращения: 19.11.2019).

Валишевский К. Дочь Петра Великого. М. 2002.

Василенко Н.П. Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. // Український археографічний збірник, 1. Київ. 1926. С. 50–164.

Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 3. 1858. С. 71–102.

Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка 1727–1753 г. Киев. 1884. — URL: vostlit.info/Texts/rus14/Hanenko/frametext.htm (дата обращения: 19.11.2019).

Дорошенко Д. «История Русов» как памятник украинской политической мысли второй половины XVIII века // Земледельческая Украина. Вена. 1921. Кн. 3. С. 183–190.

Ефименко А.Я. История Украины и ее народа. СПб. 1907.

Ефименко А.Я. Малорусское дворянство и его судьба // Южная Русь. В 2-х т. Т. 1. СПб. 1905.

Из истории южно-русского общества начала XIX века (письма В.И. Чарныша, А.И. Чепы, В.Г. Полетики и заметки к ним) // Киевская старина. № 1. 1893. С. 41–76.

История Русов или Малой России. М. 1846. — URL: izbornyk.org.ua/istrus/istrus.htm (дата обращения: 19.11.2019).

Лазарев Я.А. Идеологическое поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полетики (1725–1784) на «украинскую государственность» // Словене. N 1. 2016. — URL: cyberleninka.ru/article/n/ideynoe-pole-natsionalnogo-intellektuala-imperskogo-perioda-vzglyady-g-a-poletiki-1725-1784-na-ukrainskuyu-gosudarstvennost (дата обращения: 19.11.2019).

Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). Историко-юридический очерк по архивным источникам. Киев. 1908. — URL: drive.google.com/file/d/0ByxGMMzqY_H2aFBON3BibmVOLVVE/view (дата обращения: 19.11.2019).

- Лаппо И.И.* Происхождение украинской идеологии Новейшего времени / Вестник Юго-Западной Руси. N 5 (6). 2007. С. 97–108.
- Маркевич Н.А.* История Малороссии: в 5 т. Т. 2. М. 1842.
- Паули Г.Т.* Этнографическое описание народов России. СПб. 1862. — URL: libfox.ru/189399-2-gustav-teodor-pauli-etnograficheskoe-opisanie-narodov-rossii.html#book (дата обращения: 19.11.2019).
- Петров Ю.А.* Уложенная комиссия» Екатерины Великой. — URL: rcoit.ru/lib/history/class_representative_democrasy/16682/ (дата обращения: 19.11.2019).
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Петроград. 1917. — URL: prlib.ru/item/342089 (дата обращения: 19.11.2019).
- Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн.5: История России с древнейших времен. Т.11–12. М. 1995. — URL: militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html (дата обращения: 19.11.2019).
- Субтельний О.* Україна: історія. К. 1991. — URL: resource.history.org.ua/item/0007560 (дата обращения: 19.11.2019).
- Толстой А.К.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. М. 1981. — URL: philology.ru/literature2/yampolskiy-81.htm (дата обращения: 19.11.2019).
- Шевченко Т.* Зібрання творів: У 6 т. Т. 1. Поезія 1837–1847. К. 2003.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-118-123

УДК 94

Антон Крутиков

Моральный код империи

Аннотация. Рецензия на книгу британского политика Джейкоба Рис-Могга, изданную к 200-летию королевы Виктории и посвященную биографиям 12 из ее выдающихся соратников. «Викторианцы», создавшие британское могущество в XIX в., объявляются носителями высоких моральных принципов, а их история выступает в роли манифеста современных британских консерваторов и евроскептиков. Актуальность книги определяется не новым подходом к раскрытию роли «викторианцев», а многочисленными аллюзиями с современностью, обращающими читателя к историческому выбору, перед которым стоит Великобритания в связи с проблемой выхода из Европейского союза.

Ключевые слова: Дж. Рис-Могг, викторианцы, британское могущество, королева Виктория, «британский путь», внешняя политика Великобритании, евроскептики.

Рецензия на книгу: Rees-Mogg J. The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. L., 2019. (Рис-Могг Дж. Викторианцы: Двенадцать титанов, которые основали Британию. Лондон, 2019)

Успехи Британской империи в Викторианскую эпоху обычно связывают с совершенством ее политических институтов и экономическим превосходством. Экспорт новых технологий и правовых норм, политических стандартов и парламентской демократии оказался наиболее ярким выражением системы британского доминирования, известной как Pax Britannica. Эта распространенная формула, по мнению британского политика Джейкоба Рис-Могга, нуждается в одном существенном уточнении. Экономические, военные и политические успехи британцев были бы невозможны без опоры на нравственные ценности. Такова главная идея его книги, вышедшей в Лондоне, в издательстве Penguin, в 2019 г.

Автор книги — член правого крыла Консервативной партии Великобритании, депутат британского парламента, с июля 2019 г. лорд-председатель Совета и лидер Палаты общин — принадлежит к числу самых узнаваемых британских политиков. Экстравагантный стиль в одежде, старомодные манеры и демонстративное «незнание» современных популярных исполнителей уже давно закрепили за ним титул «почетного члена восемнадцатого столетия». Рис-Могг относится к числу убежденных евроскептиков и активных сторонников Brexit и является сторонником британского премьера Бориса Джонсона.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

Историко-биографическая книга, на создание которой политик потратил всего около 300 часов, появилась в 2019 г. совсем не случайно. Работа содержит прямые отсылки к современности и может считаться манифестом тех британских консерваторов, которые уже четвертый год (после референдума 2016 г.) стремятся вывести страну из Европейского союза.

200-летний юбилей королевы Виктории (1819–1901), который Великобритания отметила в мае 2019 г., предстал в качестве символического события, способного не только дать историческое обоснование политике «евроскептиков», но и вселить надежду на будущее возрождение британского могущества. Недопустимая, с точки зрения нынешних консерваторов, зависимость от континентальной Европы должна быть преодолена раз и навсегда — подобно тому как Британия в XIX в. смогла защитить себя от континентальной блокады Наполеона. В условиях сегодняшнего раскола общества очень важно предложить британцам ясное понимание выбранного страной пути, и в этом как нельзя лучше может помочь исторический опыт. Именно поэтому Джейкоб Рис-Могг, симпатизирующий католикам консерватор и евроскептик, обратился к одной из самых славных эпох британской истории — «длинному столетию», большая часть которого связана с правлением королевы Виктории.

Книга содержит биографии 12 выдающихся политиков и государственных деятелей викторианской эпохи, среди которых Бенджамин Дизраэли, Джон Пальмерстон, Роберт Пиль, Уильям Гладстон, Чарльз Напир и принц Альберт Саксонский. Их славное прошлое, в интерпретации автора, способно помочь британцам с поиском ответов на многие вызовы современности и послужить средством воспитания патриотизма у будущих поколений. Можно сказать, что в определенном смысле работа Рис-Могга является вызовом его политическим оппонентам.

Хронологические рамки исследования, выбранные автором, несколько шире подразумеваемых в названии. Отправной точкой выступает 1784 г. — дата рождения лорда Пальмерстона, а завершает повествование 1922 г. — дата смерти последнего из героев, Альберта Дэйси. Такая хронология, хоть и не совпадает с формальным определением викторианской эпохи, оказывается очень удачной для описания революционных изменений, произошедших с Британской империей в XIX в.

Уже на первых страницах книги Рис-Могг задается вопросом: каким образом «эта забавная и маленькая старая женщина» (слова личного секретаря королевы Виктории Генри Понсонби) сумела на протяжении десятилетий обеспечивать своей стране процветание и политическую стабильность? Ответ, по мнению автора, следует искать в моральной стороне дела и в личных качествах соратников королевы, которые создали мировую империю, опираясь на нравственные ценности, патриотизм и верное понимание «британского пути».

«Никто из наших деятелей не был социалистом, стремящимся подорвать всеобщее процветание в безнадежном стремлении к недостижимому равенству», — особо подчеркивает Рис-Могг [Rees-Mogg, p. 8]. Напротив, «викторианцы», в его понимании,

были людьми, обладавшими «искренностью», «потрясающей энергией» и уверенностью в правильности своих «цивилизаторских усилий» [Там же].

Первую главу Рис-Могг посвящает Роберту Пилю (1788–1850), сыну промышленника- фабриканта из Ланкашира, дважды занимавшему премьерский пост. Этот британский политик был «истинным консерватором»; создателем современной Консервативной партии, осторожным реформатором, славившимся к тому же «безупречной и полной достоинств частной жизнью» [Rees-Mogg, p. 14]. Ставя принципы выше политики, Пиль добился равноправия католиков с протестантами, заложил основы современной британской полиции, урегулировал конфликты промышленников с наемными работниками. Его реформы были направлены на уменьшение стоимости жизни для беднейших британцев и поощрение промышленного развития через стабилизацию финансовой системы, отмену таможенных барьеров и общую либерализацию экономики. По словам Рис-Могга, стабильность Британии (выгодно отличавшая в ту пору страну от континентальной Европы и Америки) опиралась на такие факторы, как «провидение и вера, трудолюбивый глава государства, прочная, но гибкая парламентская система, постоянно растущая производительность британской промышленности и финансов, гуманные отношения между аристократией и массами и справедливый правовой порядок, которому все подчинялись» [Rees-Mogg, p. 15].

Говоря о своем следующем герое — лорде Джоне Пальмерстоне, Рис-Могг отмечает, что этот противоречивый политик, сын богатых ирландских землевладельцев, прошел долгий путь от убежденного консерватора до сторонника «вигов» и создателя Либеральной партии Великобритании. В интерпретации автора Пальмерстон выступает «популистом», очень рано распознавшим силу и влияние общественного мнения. Однако, в отличие от многих своих современников и политиков нашего времени, отмечает Рис-Могг, он никогда не использовал личную популярность и авторитет в ущерб государственным интересам. Секрет политических успехов Пальмерстона Рис-Могг объясняет глубоким потрясением, пережитым в детстве. В 1792 г. семья Пальмерстонов побывала в охваченном революцией Париже, где была представлена Людовику XVI и Марии Антуанетте, уже лишенным всякой власти. Юный виконт Пальмерстон, по его собственному признанию, навсегда сохранил впечатления от этой поездки. Она продемонстрировала будущему 35-му премьер-министру Великобритании, во что превращается общество, «чей правящий класс не хочет или не в состоянии адаптироваться к веяниям времени» [Rees-Mogg, p.32].

Возглавив британскую внешнюю политику, лорд Пальмерстон выказал виртуозное умение приспосабливаться. Он поддерживал европейские революции 1848 г, принимал в Лондоне венгерского революционера Лайоша Кошута, содействовал созданию независимой Бельгии, направлял поздравления императору французов Наполеону III после государственного переворота 1851 г. И в итоге вошел в историю как политик, для которого не существовало «одинаковых политических принципов по отношению к иностранным государствам» [Bulwer].

Частная жизнь лорда Пальмерстона также не вполне соответствовала строгим викторианским кодексам, однако Рис-Могг лишь сдержанно характеризует ее как «сложную», ставя на первый план заслуги виконта перед Британией [Rees-Mogg, p.31].

Зачастую Рис-Могг не просто идеализирует своих героев, но и преувеличивает их вклад в британскую историю. Это проявляется в рассказе и об Уильяме Гладстоне, и о Чарльзе Напире, и о принце-консорте Альберте Саксонском. С легкой руки автора эти «титаны» становятся частью современной британской мифологии. Так, Уильям Гладстон назван «выдающимся моралистом», хотя даже для современников вопрос «кем был Гладстон» представлялся более актуальным, чем вопрос «что он сделал» [Rees-Mogg, p. 127]. Этот политик, начавший свою карьеру в рядах консервативной партии, как и многие другие герои Рис-Могга, позднее разочаровался в консервативных ценностях и стал убежденным либералом. Его идеи были настолько нетипичны для представителя британской элиты, что вызывали сопротивление многих оппонентов, в том числе самой королевы. Гладстон поддерживал Болгарию и болгарский народ в борьбе против Османской империи, был знаком со взглядами русских славянофилов, дважды (в 1886 и 1893 г.) вносил в парламент билль о гомруле (самоуправлении) Ирландии. Чтобы избежать затруднений с характеристикой своего героя, автор вынужден признать, что «Гладстон, безусловно, был выдающимся викторианцем, одним из самых заметных политических деятелей девятнадцатого века, но его политические успехи гораздо труднее определить, чем успехи его современников» [Там же].

Чарльз Напир — «дальновидный генерал и благодетельный губернатор» (Рис-Могг использует эпитафию из крипты собора Св. Павла) также не избежал идеализации. «Смелый и справедливый» военачальник, укрепивший британскую колониальную империю, покоритель Синда и Пенджаба, талантливый администратор, он предстает одной из центральных фигур книги. Рис-Могг высоко оценивает его как губернатора провинции Синд и сетует, что Напир не успел реализовать все свои замыслы. 1849 г. стал кульминацией его военных успехов, однако, завоевав для королевы новую драгоценность — алмаз «Кохинур» (похищенный из сокровищницы Лахора), генерал был вынужден навсегда вернуться на родину. О методах, которыми руководствовался Напир при покорении северных индийских провинций в 1843–1847 гг., Рис-Могг скромно умалчивает.

Принц-консорт Альберт Саксонский охарактеризован как «покровитель множества достойных начинаний, инициатор первой Всемирной выставки 1851 г., участник кампании против рабства, дипломат, борец за справедливость, архитектор и осторожный либерал» [Rees-Mogg, p. 95]. «Он был сдержанным, — пишет Рис-Могг, — не стремился показывать эмоции на публике, но обладал вдохновением, которое необходимо гению. Великая выставка была ярким примером этого, а его дружба с ведущими учеными и художниками показывала круг его интересов. Он оставил монархию в гораздо более безопасном состоянии, чем то, в котором он ее принял. Альберт с достоинством переносил критику, которая обрушивалась на него из-за немецкого происхождения. Он был по-настоящему добродетельным викторианцем» [Rees-Mogg, p.109].

Предлагая читателю провести параллели с новейшей британской историей, Рис-Могг уделяет особое внимание Альберту Дайси — британскому юристу, теоретику конституционного и международного права. Убежденный юнионист и либерал, Дайси посвятил свою жизнь изучению британских законов и оставил современникам яркое описание преимуществ британской правовой системы. Так, говоря о Habeas Corpus Act, он утверждал, что этот правовой документ «не декларировал ни одного принципа и не устанавливал ни одного права, но стоил сотни конституций» [Rees-Mogg, p. 168]. Заслуга Дайси состояла не только в отстаивании принципа верховенства права, но и в том, что он теоретически обосновал необходимость проведения референдумов — именно последнее более всего импонирует Рис-Моггу. По мнению автора, идеи Дайси воплотились столетие спустя в референдуме 2016 г., разрешившем исторический для Британии вопрос о выходе из ЕС.

Реакция на книгу Рис-Могга британцев, особенно политических оппонентов автора и представителей академического сообщества, оказалась неоднозначной. Известные периодические издания Великобритании опубликовали разгромные отзывы: книгу называли «собранием исторических клише» (The Telegraph), «поразительно глупой» (The Times), «банальной, нудной и бестолковой» (The Guardian).

Удивление критиков вызвали не только стиль и язык книги, но и набор исторических персонажей. Пантеон героев Рис-Могга составляют четыре премьер-министра, два генерала, один юрист, один архитектор и один игрок в крикет. Среди них не оказалось ни одного писателя (хотя британская литература XIX в. входит в сокровищницу мировой культуры), ни одного поэта или художника. Среди 12 имен всего одно женское — сама королева Виктория, что выглядит вызовом в стране, где женщины периодически занимают не только премьерский пост, но и епископские кафедры.

Герои Рис-Могга противоречивы, часто меняют взгляды и убеждения, но всегда действуют так, словно имеют перед собой единый великий замысел. Эта «теологичность» работы, историческая заданность событий, безусловно, является частью субъективного восприятия автора.

По мнению специалиста по викторианской эпохе Кэтрин Хаджес, главным героем «Викторианцев» зачастую выступает сам Рис-Могг, безапелляционно предлагая читателю свой взгляд на британское прошлое и используя при этом не научный, а политический инструментарий [Hughes]. Как точно заметил по этому поводу историк А.Н. Уилсон, книга Рис-Могга — не историческое исследование, а «самопрезентация целеустремленного современного политика» [Wilson]. «Автор пытается убедить нас, что истоки его монетаризма и евроскептицизма заключены в старых добрых временах королевы Виктории и Британской империи», — пишет Уилсон и отмечает, что реальная повестка книги является «слишком очевидной» [Там же].

Еще строже приговор, вынесенный политическим обозревателем The Guardian Эндрю Роунсли: «прошлое Британии в руках Рис-Могга находится в неменьшей опасности, чем ее будущее» [Rawnsley]. Впрочем, такая оценка представляется уже явным

преувеличением. Рис-Могг, изучавший историю в знаменитом Тринити-колледже в Оксфорде, несомненно, успел познакомиться с компетенциями, необходимыми современному британскому историку.

Проблема с критиками его работы часто состоит в том, что они не разделяют его ценности. Актуальность книги определяется в данном случае не новыми подходами к раскрытию роли «викторианцев» и не привлечением новых источников, а многочисленными аллюзиями с современностью, обращающими читателя к историческому выбору, перед которым стоит Британия. Одно из главных утверждений Рис-Могга заключается в том, что викторианский век был временем «моральных ценностей», «кипучей энергии» и «патриотизма» — качеств, которых так не достает британской политике сегодня. Именно поэтому его книга, написанная, как верит автор, «в подлинно консервативном духе», является манифестом современных евроскептиков.

Стоит добавить, что недостаток женских имен на страницах книги с успехом компенсируется заключительным перечислением благодарностей. Его можно признать лучшей частью работы, поскольку именно здесь консерватор Рис-Могг оказывается свободен от привычной британской сдержанности и традиционных условностей. В этом разделе, кроме четырех женщин-секретарей, «приводивших в порядок» записи автора, Рис-Могг благодарит жену Хелену и няню, которые в период работы над «Викторианцами» с большой любовью и самоотвержением заботились о самом дорогом для автора — его шестерых детях. И этот неожиданный и оттого ценный проблеск человечности выглядит значительно привлекательнее, чем весь созданный Рис-Моггом викторианский миф.

Литература

- Bulwer H.* The Life of Henry John Temple, Viscount Palmerston: With Selections from His Diaries and Correspondence. Volume II. London. 1871. — URL: archive.org/download/lifeofhenryjohnt02dalliala/lifeofhenryjohnt02dalliala.pdf (date of access: 04.11.2019).
- Heffer S.* The Victorians by Jacob Rees-Mogg, review: this clichéd, lazy history often reads like it was written by a baboon // The Telegraph. 25.05.2019. — URL: telegraph.co.uk/books/what-to-read/victorians-jacob-rees-mogg-review-cliched-lazy-history-often/ (date of access: 04.11.2019).
- Hughes K.* The Victorians by Jacob Rees-Mogg review — history as manifesto // The Guardian. 15.05.2019. — URL: theguardian.com/books/2019/may/15/the-victorians-jacob-rees-mogg-review (date of access: 04.11.2019).
- Rawnsley A.* The Victorians by Jacob Rees-Mogg review — ponderings in plodding prose // The Guardian. 26.05.2019. — URL: theguardian.com/books/2019/may/26/the-victorians-twelve-titans-forged-britain-jacob-rees-mogg-review (date of access: 04.11.2019).
- Rees-Mogg J.* The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. London. 2019.
- Wilson A.N.* The Victorians by Jacob Rees-Mogg review — ‘a staggeringly silly piece of history’ // The Times. 15.05.2019. — URL: thetimes.co.uk/edition/saturday-review/the-victorians-by-jacob-rees-mogg-book-review-zqltrw5rz (date of access: 04.11.2019).

Authors

Kyрил BARSKY — Minister Plenipotentiary, Ambassador-at-Large of the Russian Ministry of Foreign Affairs, in 2014–2018 — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia to Thailand and Permanent Representative to the United Nations Economic and Social Commission (ESCAP), Ph.D. in History.

Anton KRUTIKOV — Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); bialyorzel1000@gmail.com.

Stanislav MITRAHOVICH — Leading Expert, National Energy Security Fund; Senior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; stasmitr@mail.ru.

Albina NOSKOVA — Chief Researcher, Institute for Slavic Studies, RAS; Doctor of Historical Sciences; noskova.albina@rambler.ru.

Svetlana POGORELSKAYA — Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INIION), RAS; Senior Researcher, Institute of Europe, RAS; Ph.D in Political Science; Doctor of Philosophy, the University of Bonn; pogorels@mail.ru.

Alexander POLUNOV — Professor, Head of Chair of Interethnic and Interfaith Relations, School of Public Administration, Moscow State University, Deputy Dean for Research; Doctor of History; polunov@spa.msu.ru.

Alexander SALITSKY — Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS; Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Nelli SEMYONOVA — Researcher, Institute of Oriental Studies RAS; semenovanelli-2011@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Sergei ZOTOV — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Ambassador-at-Large of the Russian Ministry of Foreign Affairs (1992–1996), Head of the State delegation for negotiations with Latvia on the withdrawal of troops.

Abstracts and Keywords

Kyril BARSKY, Alexander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA

D. TRUMP'S BATTLE WITH CHINA: IS VICTORY POSSIBLE?

Abstract. *The US economic and trade war against China largely escalated in 2018–2019. The conflict is unlikely to be resolved in the near future, while this would be economically beneficial for both parties. Beijing has been carefully avoiding the escalation of emerging US-China bipolarity into confrontation, relying on cooperation with large American business enterprises and using numerous foreign policy failures of the Trump administration. Nevertheless, in the spring and summer of 2019, the United States continued to increase pressure on China. The fundamental confrontation between the two powers affects not only the business interests of both countries, but also a wide range of issues that go far beyond bilateral relations.*

Keywords: *trade war, USA, China, world economy, American — Chinese relations, confrontation between the US and China.*

Anton KRUTIKOV

KIRILL RAZUMOVSKY AND REFORM PROJECTS IN LEFT-BANK UKRAINE IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Abstract. *Reforms of the hetman Kirill Razumovsky gave Ukraine a chance to take the path of accelerated modernization in the spirit of Peter the Great's transformations. Or, the Little Russian elite's priorities and ambitions did not allow to complete the reforms and were one of the prerequisites for the liquidation of hetmanate. The incompleteness of modernization developments led to the emergence of nostalgia for a "golden age" among the Little Russian gentry and intelligentsia, and contributed to the emergence of early forms of Ukrainian autonomism.*

Keywords: *Ukraine, hetmanate, Little Russia, hetman, Kirill Razumovsky, national modernization, reforms, national identity.*

Anton KRUTIKOV

THE MORAL CODE OF THE EMPIRE

BOOK REVIEW: REES-MOGG J. THE VICTORIANS: TWELVE TITANS WHO FORGED BRITAIN. L., 2019.

Abstract. *Review of the book by British politician Jacob Rees-Mogg, published on the occasion of Queen Victoria's 200th anniversary and presenting biographical essays on 12 eminent Victorian politicians. The Victorians, who forged British power in the 19th century, are declared bearers of high moral principles, while their stories act as a manifesto of modern British conservatives and Eurosceptics. The book's relevance is determined not by the author's approach to the role of Victorians, but by numerous allusions to actual circumstances, turning the reader's mind to the historical choice faced by Great Britain in the context of Brexit.*

Keywords: *J. Rees-Mogg, Victorians, British power, Queen Victoria, the "British way", British foreign policy, Eurosceptics.*

Stanislav MITRAHOVICH

GAS TRIANGLE RUSSIA — EU — UKRAINE: PENDING RISKS

Abstract. *The preparation for the conclusion of a new gas transit contract between Russia and Ukraine, at the end of 2019, turned out to be an extremely difficult political and economic process affecting the interests of various actors. Conflicting interests and positions of Russian and Ukrainian political leaderships and business companies, as well as those of the USA, EU, Germany have been involved. Another important political context for energy diplomacy have been the EU integration policies, including the implementation of the updated EU Gas Directive into the national laws of member states.*

Keywords: *gas pipelines, gas pipeline policy, gas pipeline politics, European Union, Russian-European relations, Russia-Ukraine relations, Russian-Ukrainian gas transit contract.*

Albina NOSKOVA

THE USSR'S GEOPOLITICAL INTERESTS, PROBLEMS OF SOVIETIZATION OF EASTERN EUROPE AND SOVIET-POLISH RELATIONS (THE 1940S)

Abstract. *The article analyzes, in the geopolitical context, the Soviet policy towards Poland during the Second World War and the first post-war years. The struggle of Soviet diplomacy for the future mutual security of the USSR and Poland is presented as well as differing perceptions of interests, geopolitical role, allies and borders of the two countries and unequal possibilities of their implementation. The author demonstrates that the Soviet concept of the time and the USSR role as guarantor of Poland's security and borders did not assume the sovietization of its social order, but the elimination of anti-Soviet forces and power sharing between communists and democrats.*

Keywords: *USSR, Poland, World War II, national and state interests, post-war security, Sovietization, geopolitics, Poland's borders, Polish government-in-exile, diplomacy, Big Three, Home Army, liberation from Nazism, popular democracy.*

Svetlana POGORELSKAYA

MODERN GERMAN POPULISM: THE GENERAL AND THE SPECIFIC

Abstract. *Populism is one of those problematic notions that have no single and correct interpretation; rather there are mainstream and controversial ways to use them. Nowadays, so-called populism can be understood as a reaction of the populations rooted in their states to globalization processes and to changes in the ideological profile of Western establishment parties. The phenomenon is examined in the case of today's Germany, with its "Alternative for Germany" and the "Stand Up" movement. Comparative analysis of political programs shows that there are many similarities between right and left populisms on a number of substantive issues. Both have anti-globalization attitudes, are dissatisfied with political elites and point to the dangers of social stratification.*

Keywords: *populism, right populism, left populism, Germany, Alternative for Germany, AfD, The Left (Party), "Stand Up" movement (Germany).*

Alexander POLUNOV

CRIMEAN NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN 2005–2010: STRUGGLE FOR THE NATIONAL CULTURAL IDENTITY OF RUSSIAN POPULATION

Abstract. *The article analyzes the social, political and ideological backgrounds of the processes that unfolded on the Crimean Peninsula in the spring of 2014 and ended with its return to Russia. The focus is on the period 2005–2010, when the "orange power" with President V. F. Yushchenko at the head was established in Kiev. The author dwells on public organizations and political parties of Russian population in Crimea, their positions on key domestic and foreign policy issues and on serious differences that arose between them in the course of their activities but were eventually overcome.*

Keywords: *Crimea, autonomy, independence, Russian population, NGOs, non-governmental organizations, political parties, Orange Revolution (Ukraine), ideology, culture.*

Petr YAKOVLEV

FROM BRAZIL TO RUSSIA: STRATEGIC PARTNERSHIPS AMONG BRICS MEMBER COUNTRIES

Abstract. *At the 11th BRICS summit in Brazil, Russian President Vladimir Putin pointed to such shared global priorities of the group as the compliance with international law, the central role of the United Nations in international affairs and the establishment of a more just global order. Five BRICS countries are concerned about negative trends in world economy and politics — the slowdown in global economic growth and trade, uncontrolled debt growth, surges in commodity prices, US attempts to obtain unilateral advantages through sanctions and protectionist measures and to infringe on the interests of other states. The BRICS five, based on their increased economic, financial and trade power, are looking for solutions to these negative developments, including through the building of alternative international economic institutions. The association is increasingly becoming a political reality of global scale.*

Keywords: *BRICS, Brazil BRICS summit, global economy, world trade, New Development Bank, establishment of more equitable world order institutions, Russian chairmanship.*

Sergey ZOTOV

HOW RUSSIA, AFTER THE WITHDRAWAL OF RUSSIAN TROOPS FROM LATVIA, MANAGED TO KEEP THE EARLY WARNING RADAR STATION IN SKRUNDA FOR 6 YEARS. THE RUSSIAN AMBASSADOR'S MEMOIRS

Abstract. *After Latvia gained independence in 1991, the question arose of withdrawing Soviet troops and military installations from the territory of the Republic. It was not only difficult, but it seemed impossible to achieve acceptable withdrawal conditions for Russia, in the euphoria of “new thinking” and the furious campaign of Latvian national radicals. The author, who was the head of the Russian State delegation at the talks with Latvia on these issues, reveals the hidden story of the ensuing diplomatic battle within its domestic and international context, analyzes its course, circumstances, lessons and importance.*

Keywords: *Russian diplomacy, talks between Russia and the Republic of Latvia, withdrawal of troops from Latvia, Skrunda Radar Station, missile attack warning system, early-warning radar, “package solution”, “package deal”.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2019

№4 (20)

(октябрь — декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2019

№4 (20)

(October — December)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87